

ISSN 2072-8514 (print)
ISSN 2310-7235 (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*Психологические
НАУКИ*

НЕКОГНИТИВНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ
ДОСТИЖЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ОБУЧЕНИЯ

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ МОЛОДЕЖЬЮ
ТОВАРОВ КАТЕГОРИИ ПРЕМИУМ И ИХ РЕКЛАМЫ

СУБЪЕКТНОСТЬ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА: СРАВНЕНИЕ
ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ
ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В КОНТЕНТЕ

2019 / № 3

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8514 (print)

2019 / № 3

ISSN 2310-7235 (online)

серия

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» включён Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации в «Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» по следующим научным специальностям: 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии (психологические науки); 19.00.03 – Психология труда, инженерная психология, эргономика (психологические науки); 19.00.05 – Социальная психология (психологические науки); 19.00.07 – Педагогическая психология (психологические науки) (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России).

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” on the following scientific specialties: 19.00.01 – General psychology, psychology of personality, history of psychology (psychological sciences); 19.00.03 – Psychology of labour, engineering psychology, ergonomics (psychological sciences); 19.00.05 – Social psychology (psychological sciences); 19.00.07 – Pedagogical psychology (psychological sciences). (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation).

ISSN 2072-8514 (print)

2019 / № 3

ISSN 2310-7235 (online)

series

PSYCHOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

————— Выходит 4 раза в год —————

Редакционная коллегия

Главный редактор серии:

Шульга Т. И. — д. псих. н., проф., Московский государственный областной университет

Заместитель главного редактора:

Нестерова А. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Ответственный секретарь:

Филинкова Е. Б. — к. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Члены редакционной коллегии:

Забродин Ю. М. — действительный член (академик) Академии космонавтики России им. К.Э. Циолковского, д. псих. н., проф., Московский государственный психолого-педагогический университет

Иваников В. А. — академик Российской академии образования, д. псих. н., проф., заслуженный профессор, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Карри К. — д. псих. н., Православный институт святого Иоанна Богослова (г. Москва)

Марцинковская Т. Д. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва); Российский государственный гуманитарный университет

Овсяник О. А. — д. псих. н., доц., Московский государственный областной университет

Митина Л. М. — д. псих. н., проф., Психологический институт Российской академии образования (г. Москва)

Слайтер Э. — д. псих. н., профессор, Салемский государственный университет (Массачусетс, США)

Улица Н. Э. — д. псих. н., координатор исследований, Хайфский университет (Израиль)

Утлик Э. П. — д. псих. н., проф., Государственный университет управления

Фирсов М. В. — д. и. н., проф., Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы Департамента социальной защиты населения г. Москвы

Шнейдер Л. Б. — д. псих. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва)

Эрнер И. — д. псих. н., проф., Городской университет Нью-Йорка (США)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных ученых по общей психологии, социальной психологии, психологии личности, психологии труда, инженерной психологии.

Журнал адресован психологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями в области психологии и смежных с ней наук.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73333

Индекс серии «Психологические науки» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40717

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. — 2019. — № 3. — 140 с.

© МГОУ, 2019.

© ИИУ МГОУ, 2019.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Founder of journal
«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences»
Moscow Region State University

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T. I. Shulga – Doctor of Psychology, Professor, Moscow Regional State University

Deputy editor-in-chief:

A. A. Nesterova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Executive secretary:

Y. B. Filinkova – PhD in Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

Members of Editorial Board:

Yu. M. Zabrodin – Full member (academician) of the Academy of Cosmonautics of Russia, named after K.E. Tsiolkovsky; Moscow State University of Psychology & Education

V. A. Ivannikov – Full member (academician) of the Russian Academy of Education, honored professor

Ch. Currie – PhD in Psychology, Orthodox Institute of Saint John the Divine (Moscow)

T. D. Martsinkovskaya – Doctor of Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow); Russian State University for the Humanities

O. A. Ovsyanik – Doctor of Psychology, Associate Professor, Moscow Regional State University

L. M. Mitina – Doctor in Psychology, Professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education (Moscow)

E. Slayter – Doctor in Psychology, Professor, Salem State University (Massachusetts, USA)

N. Ulitsa – Doctor of Psychology, Research Coordinator, University of Haifa (Israel)

E. P. Utlik – Doctor of Psychology, Professor, State University of Management

M. V. Firsov – Doctor of History, Professor, Institute of Additional Professional Education for Social Workers of the Department of Social Protection of the Population of Moscow

L. B. Shneider – Doctor of Psychology, Professor, Russian State University for the Humanities (Moscow)

I. Earner – PhD in psychology, Professor, City University of New York (USA)

ISSN 2072-8514 (print)

ISSN 2310-7235 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences" is a printed edition that publishes articles of Russian and foreign scientists about general psychology, social psychology, personality psychology, labor psychology, and engineering psychology.

The journal is addressed to psychologists, doctoral students, PhD students and all those interested in achievements in psychology and related sciences.

The series «Psychology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-73333

Index of series «Psychology» according to the Union catalog «Press of Russia» 40717

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychological Sciences. – 2019. – № 3. – 140 p.

© MRSU, 2019.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2019.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

<i>Воронин А. Н., Гребенищикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д.</i> СУБЪЕКТНОСТЬ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА: СРАВНЕНИЕ ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В КОНТЕНТЕ.	6
<i>Ишмуратова Ю. А., Потанина А. М., Цыганов И. Ю., Моросанова В. И.</i> НЕКОГНИТИВНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ОБУЧЕНИЯ.	25
<i>Соловьев М. Н.</i> ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРЕССОВ	41

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Булгаков А. В., Лебедев И. М.</i> ПОТЕНЦИАЛ ПЕРСОНАЛА КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМПАНИИ	56
<i>Воробьева А. Е., Овчинников Я. В.</i> МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ МОЛОДЕЖЬЮ ТОВАРОВ КАТЕГОРИИ ПРЕМИУМ И ИХ РЕКЛАМЫ	76
<i>Егоров И. В.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ГРУППОВАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ В КОНТЕКСТЕ АТТИТЮДОВ ПАТРИОТИЗМА: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.	90
<i>Забелина Е. В., Курносова С. А., Телицына А. Ю., Щукина К. Е.</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АТТИТЮДОВ И ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕНЦЕВ)	105
<i>Соколова М. В.</i> ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ АУТОАГРЕССИИ И ОТНОШЕНИЯ К СЕТИ ИНТЕРНЕТ У ПОДРОСТКОВ КАДЕТСКОГО КОРПУСА.	116

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

<i>Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А.</i> ПОЛОВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ШКОЛЬНИКОВ КАК ПРЕДИКТОРЫ РИСКА БУЛЛИНГА.	126
--	-----

CONTENTS

SECTION I. GENERAL PSYCHOLOGY, PERSONALITY PSYCHOLOGY, HISTORY OF PSYCHOLOGY

- A. Voronin, T. Grebenshikova, T. Kubrak, N. Pavlova.** THE SUBJECTNESS OF THE NETWORK COMMUNITY: COMPARISON OF PSYCHOMETRIC MODELS OF THE DISCURSIVE MARKERS MANIFESTATION IN CONTENT.....6
- Y. Ishmuratova, A. Potanina, I. Tsyganov, V. Morosanova.** NONCOGNITIVE PREDICTORS OF ACADEMIC SUCCESS AT DIFFERENT STAGES OF EDUCATION25
- M. Soloviev.** PSYCHOLOGICAL STABILITY OF PERSONALITY AS A FACTOR OF EFFECTIVE OVERCOMING STRESS AND DEPRESSION41

SECTION II. SOCIAL PSYCHOLOGY

- A. Bulgakov, I. Lebedev.** POTENTIAL OF THE PERSONNEL AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONDITION OF INTRODUCING DIGITALIZATION IN CONSTRUCTION COMPANIES56
- A. Vorobieva, Ya. Ovchinnikov.** MECHANISMS OF YOUTH'S SOCIAL PERCEPTION OF GOODS OF THE PREMIUM CATEGORY AND THEIR ADVERTISING.....76
- I. Egorov.** PROFESSIONAL IDENTITY, GROUP COHESION OF STUDENT YOUTH OF RUSSIA AND BELARUS IN THE CONTEXT OF PATRIOTISM ATTITUDES: A CROSS-CULTURAL RESEARCH90
- E. Zabelina, S. Kurnosova, A. Telitsyna, K. Shchukina.** INTERRELATION BETWEEN ECONOMIC ATTITUDES AND LIFE VALUES OF THE SMALL INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC (ON THE NENETS SAMPLE)106
- M. Sokolova.** FEATURES OF TEENAGE AUTO-AGGRESSION AND ATTITUDES TO THE INTERNET AMONG ADOLESCENTS OF THE CADET CORPS.....116

SECTION III. EDUCATIONAL PSYCHOLOGY

- K. Shalaginova, T. Kulikova, S. Zalygaeva.** SCHOOLCHILDREN'S AGE AND GENDER CHARACTERISTICS AS PREDICTORS OF BULLYING RISKS126

РАЗДЕЛ I. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-6-24

СУБЪЕКТНОСТЬ СЕТЕВОГО СООБЩЕСТВА: СРАВНЕНИЕ ПСИХОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПРОЯВЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ В КОНТЕНТЕ

Воронин А. Н., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д.

Институт психологии Российской академии наук

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13., Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена оценке сетевого сообщества как коллективного субъекта. Представлена процедура выявления дискурсивных маркеров субъектности различных уровней (лексический, семантический, контент-аналитические шкалы и т. д.). Описана структура субъектности сетевого сообщества, реконструированная на основе имплицитных представлений экспертов. Компоненты субъектности сетевых сообществ (обсуждение совместной деятельности, позитивная поддержка коммуникации, групповые нормы и ценности, «свои – чужие», гражданская идентичность) соотнесены с экспертной оценкой сообществ. Сопоставлены 4 модели взаимосвязи дискурсивных маркеров и конструкта «субъектность»: аддитивно-кумулятивная, кумулятивно-аддитивная с винзорированным усреднением, кумулятивно-аддитивная с усреднением Тьюки и простая аддитивная. Выявлен приоритет робастных моделей и показано, что для исследованных сетевых сообществ наиболее адекватной представляется аддитивно-кумулятивная модель с винзорированным усреднением.

Ключевые слова: сетевое сообщество, дискурс, коллективный субъект, субъектность сообщества, дискурсивные маркеры, психометрическая модель

THE SUBJECTNESS OF THE NETWORK COMMUNITY: COMPARISON OF PSYCHOMETRIC MODELS OF THE DISCURSIVE MARKERS MANIFESTATION IN CONTENT

A. Voronin, T. Grebenshikova, T. Kubrak, N. Pavlova

Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences

13, Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russia

© СС ВУ Воронин А. Н., Гребенщикова Т. А., Кубрак Т. А., Павлова Н. Д., 2019.

Abstract. The article is devoted to assessing the network community as a collective subject. A procedure for identifying discursive markers of subjectness at various levels (lexical, semantic, content-analytical scales, etc.) is presented. The subjective structure of the network community reconstructed on the basis of implicit expert submissions is described. The components of the subjectness of network communities (discussion of joint activities, positive support for communication, group norms and values, “friends – others”, civic identity) are correlated with expert assessment of communities. 4 models of the relationship between discursive markers and the “subjectness” construct are compared: additive-cumulative, cumulative-additive with winsorized mean, cumulative-additive with Tukey averaging, and simple additive. The priority of robust models is revealed and it is shown that for the studied network communities the additive-cumulative model with winsorized mean seems to be the most adequate.

Keywords: Internet (network) community, discourse, community subject, subjectness, discursive markers, psychometric model

Введение

Существует несколько подходов к изучению субъектности сообществ, в каждом из которых выделяется ключевое понятие подхода в целом: «совокупный субъект» [13, с. 215; 10, с. 214], «групповой субъект» [3, с. 87; 5, с. 65], «субъект совместной деятельности» [3, с. 255; 16, с. 45], «коллективный субъект» [9, с. 134; 5, с. 213], «поли-субъект» [1, с. 87; 4; 16] и др. Наиболее полно феномен субъектности на уровне социальных групп раскрывается через анализ коллективного субъекта и такие его атрибуты, как совместная активность, взаимосвязанность, взаимозависимость, рефлексия [8, с. 117]. Именно свойства коллективного субъекта, которые могут иметь разный уровень развития, позволяют раскрыть механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве социальных медиа, объединённых особыми связями и отношениями и способных к проявлению совместных форм активности и саморефлексии. Основопологающей характеристикой любого сообщества является комму-

никация, и дискурсивная парадигма исследования, предусматривающая изучение реальной коммуникативной практики в различных ситуациях и социокультурных контекстах [14, с. 68; 15, с. 7; 18, с. 40; 7, с. 135; 29, р. 73; 36, р. 98; 30; 35], в этой связи представляется наиболее адекватной.

Для дискурса сетевых сообществ характерна перманентная публичность, соединённая с интенцией осуществить выгодную самопрезентацию, при этом анонимное участие в групповом общении порождает повышенную вербальную агрессию [37, р. 464; 38, р. 20]. На материале новостных сайтов показано, что вовлечённость реальных персон в онлайн-общение оказывает более сильное влияние на комментарии, чем участие неперсонализированных представителей службы новостей под логотипом сайта: уровень вежливости и стремление к объективности в суждениях повышаются [41, р. 190]. Подчёркивается, что форумы, где участники следуют нормам кооперативного вежливого общения, отличаются большей содержательностью, в этих условиях демонстрируются рост знаний, сближение противоположных

взглядов, уменьшение разрыва между установками и поведением [23, р. 75; 25, р. 289]. Показано, что некоторые темы «притягивают» комментарии того или иного качества: проблемы здоровья (здравоохранения) и преступности значимо чаще вызывают конкретные вопросы, направленные на поиск информации / оценку мнения, а вокруг темы образования возникает больше релевантных и вежливых комментариев. Темы же экономической тематики вызывают больший рост необоснованных комментариев и оценок [41, р. 199].

Предполагается, что в интернет-среде проявляются общие социально-психологические эффекты, ранее выделенные в процессе непосредственного внутригруппового взаимодействия [17, с. 98]: поляризация суждений, когда участники интернет-коммуникации стремятся искать подтверждение своим взглядам [22, р. 373], трансляция лидером норм поведения для своей группы [32, р. 10], SIDE-феномен, описание которого связано с именем С. Московичи (social identity deindividuation effects), согласно которому поведение личности обусловлено нормами, соответствующими идентичности, актуализированной в данном контексте [34, р. 690; 40, р. 16]. Было показано, что интернет-контент воспроизводит существующие этические нормы и правила его создателей, отражает традиционные установки и предпочтения данного общества [39, р. 50]. Получают освещение некоторые специфические феномены: флейминг – намеренное нарушение норм общения в интернете с целью вызвать негативную реакцию [33, р. 70], кибербуллинг – травля, распространённая

в среде подростков [31, р. 265] и др. Предпринимаются попытки описать и разработать условия для реализации норм кооперативного вежливого общения [28, р. 1160; 37, р. 465]. Было показано, что по сравнению с анонимной нерегулируемой коммуникацией наличие таких условий, как обязательная неанонимность, а также премодерация сообщений, способствует реализации норм вежливости и взаимоуважения [37, р. 480; 38, р. 30].

Исследование дискурса сетевых сообществ связано с изучением реальной коммуникативной практики в разных условиях и социальных взаимодействиях. В рамках дискурс-анализа изучены практики, с помощью которых структурируются социальные и индивидуальные представления говорящих [24, р. 75; 36, р. 115; 29, р. 35], оказывается воздействие и реализуется власть [6, с. 85; 20, с. 215; 42, р. 35; 19], организуется диалогическое взаимодействие собеседников и общение с аудиторией [12, с. 95; 2, с. 215; 11, с. 167].

Продвижение в этом направлении предполагает разработку подхода к эмпирическому изучению сетевых сообществ, сочетающему социально-психологические и психолингвистические методы. Поскольку механизмы формирования и функционирования сетевого сообщества как группы людей, взаимодействующих в дискурсивном пространстве интернета, наиболее полно раскрываются через анализ феномена коллективной субъектности [8, с. 121], ставилась задача выявления дискурсивных маркеров сообществ, релевантных различным формам субъектности группы: взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способность группы про-

являть различные формы совместной активности, групповая саморефлексия. Поскольку социально-психологический статус сетевого сообщества не установлен, названные компоненты субъектности можно рассматривать лишь как ориентиры.

Согласно основной гипотезе исследования различные формы субъектности группы проявляются в дискурсе сетевого сообщества, конституирующем сообщество, опосредующем взаимодействие его членов, транслирующем представления о мире, ценности, отношения, установки и задающем модели поведения. Выявление и верификацию особенностей дискурса сетевых сообществ, релевантных различным формам субъектности, предполагается осуществить путём выявления отдельных дискурсивных маркеров различного уровня (лексических, семантических, контент-аналитических шкал и пр.) в качестве индикаторов субъектности.

Цель – определить структуру субъектности сетевого сообщества по дискурсивным маркерам и сопоставить разные модели взаимосвязи дискурсивных маркеров и конструкта «субъектность».

Методы. Выявление дискурсивных характеристик психолингвистического анализа корпуса текстов сетевых осуществлялось 4 экспертами-психолингвистами с помощью психолингвистического анализа корпуса текстов 2 сетевых сообществ: оппозиционного политического форума¹ – жанр поли-

тических обсуждений единомышленников (оппозиция); форум автовладельцев Ford² – жанр запроса совета, мнения сообщества. Обсуждение и согласование способов выявления и кодировки осуществлялись в ходе 5 экспертных сессий, проведённых с использованием метода обоснованной теории [26, р. 74; 27, р. 230].

Для определения имплицитной структуры субъектности сетевых сообществ, проявляющейся в дискурсе, было проведено субъективное шкалирование выявленных дискурсивных маркеров по шкалам субъектности [8, с. 142], использующимся для оценки субъектности различных оффлайн коллективных субъектов. В процедуре участвовали 6 психологов, специализирующихся на психологии субъектности. Данные протоколов экспертной оценки после проверки согласованности и устранения явно отклоняющихся данных были усреднены и подвергнуты кластерному анализу.

Была проведена оценка субъектности 6 сетевых сообществ: 1) группа «Синие ведёрки» FB³, площадка для обсуждения проблем равноправия и нарушения прав граждан на российских дорогах; 2) оппозиционный политический форум⁴; 3) форум автовладельцев Ford; 4) сообщество с лидером на странице FB журналиста и кинокритика

¹ Оппозиционный политический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://politota.d3.ru/sapozhnik-bez-sapog-upd-1682202/?sorting=rating> (дата обращения: 07.11.2018).

² Форум автовладельцев Ford [Электронный ресурс]. URL: <https://forum.auto.ru/mark/ford/1574251> (дата обращения: 27.02.2019).

³ Синие ведёрки [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/groups/bluebuckets> (дата обращения: 24.02.2019).

⁴ Оппозиционный политический форум [Электронный ресурс]. URL: <https://politota.d3.ru/sapozhnik-bez-sapog-upd-1682202/?sorting=rating> (дата обращения: 07.11.2018).

А. Долина¹; 5) групповой чат в Telegramm «Прогрессоры»², посвящённый отношениям между людьми и личностному росту; 6) группа в VK «Страдающее Средневековье»³, площадка для обсуждения «боли, страдания и унижения в Средневековом мире и современной России». Тексты сетевых сообществ размечались 4 экспертами-психолингвистами путём выделения дискурсивных маркеров. Субъектность рассчитывалась в соответствии с 2 моделями связи маркеров и конструкторов: аддитивной и кумулятивно-аддитивной. Было осуществлено сравнение моделей по их дискриминативности. Субъектность, рассчитанная по дискурсивным маркерам, была сопоставлена с субъектностью, рассчитанной на основе экспертной оценки.

Результаты и их обсуждение

1. Дискурсивные маркеры субъектности сетевых сообществ

Психолингвистический анализ дискурса сетевых сообществ позволил выделить 76 маркеров субъектности, таких как «императивные высказывания, включающие в сферу действия говорящего», «указания на численность членов группы», «приоритетные и запретные темы для обсуждения», «оценочные суждения по поводу общения в сетевом сообществе», «употребление лексики с семантикой обобщения и генерализации», «призывы к действию»,

«номинацииokkaзионального выбора», «декларируемое принятие ролей». На первоначальном этапе анализа выявлялись дискурсивные маркеры различного уровня (лексические, семантические, контент-аналитических шкал и др.), упорядочивающие «эмпирическую субстанцию дискурса субъектности» и дифференцирующие её от фрагментов текста, не презентующих субъектности. В ходе 5 экспертных сессий проводилось первичное кодирование, определялись субстантивные и теоретические коды. Предварительно выделенные дискурсивные маркеры субъектности сетевых сообществ были скорректированы и сгруппированы в 7 блоков: 1) взаимосвязанность участников сетевого сообщества; 2) принадлежность участников к сетевому сообществу и его единство; 3) групповые социальные представления о сетевом сообществе; 4) противопоставление «мы – другие»; 5) психологическая готовность к совместной активности; 6) наличие общей цели; 7) проявление гражданского сознания участников сетевого сообщества. Каждый блок представлял собой определённый теоретический код, функционально и структурно раскрывающий определённый аспект субъектности сетевых сообществ. По некоторым признакам у экспертов возникли разногласия и сомнения в их приемлемости для оценки субъектности, что привело к сокращению исходного списка до 64.

2. Структура субъектности сетевых сообществ на основе анализа их дискурса

Шесть экспертов, занимающихся исследованием коллективных субъектов, участвовали в заключительной сессии по определению дискурсивных марке-

¹ Долин А. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.facebook.com/adolin3/posts/10217168128451538> (дата обращения: 15.02.2019).

² Прогрессоры [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/progressors>. (дата обращения: 03.02.2019).

³ Страдающее Средневековье [Электронный ресурс]. URL: <https://vk.com/souffrantmittelalter> (дата обращения: 30.01.2019).

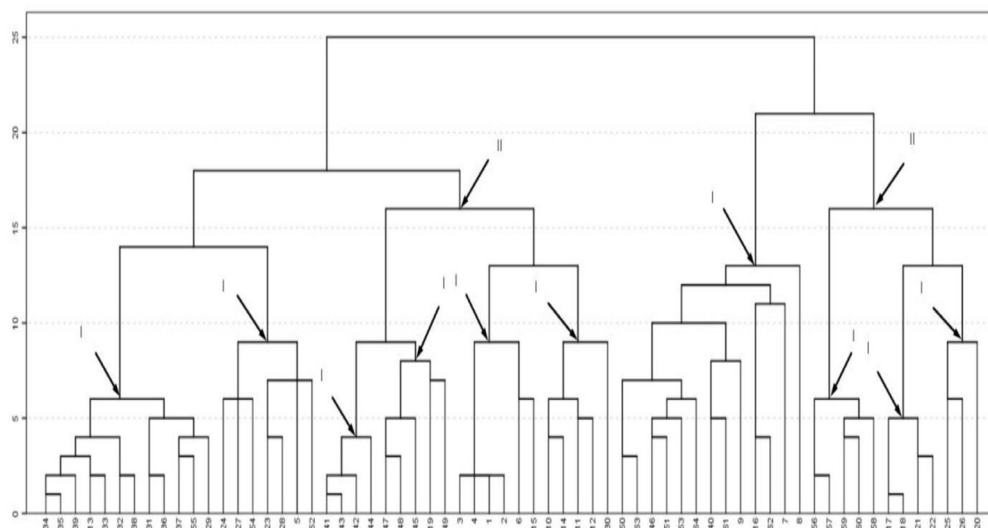

Рис. 1. Дендрограмма дискурсивных маркеров и выбранных кластеров.

I – первый уровень кластеризации; II – второй уровень кластеризации

ров субъектности для ознакомления с их содержанием и проявлениями в текстах сетевых сообществ. На следующем этапе они оценили каждый из 64 маркеров по различным шкалам, характеризующим субъектность различных социальных групп, составивших 3 блока: 1) характеристики большой социальной группы (взаимосвязанность, совместная активность, рефлексия жизни, взаимодействие с участниками других сообществ и пр.); 2) процессуальные характеристики коллективного субъекта деятельности (общее историческое прошлое сообщества, наличие общего языка, проявление социальной инициативы со стороны сообщества, наличие относительно устойчивой системы идей и взглядов и пр.); 3) характеристики полисубъектности (в виде дихотомий: сплочённость – разобщённость, открытость – закрытость, совместимость – несовместимость, конфликтность – бесконфликтность) [8, с. 142–153]. Оценка осуществлялась по 5-балльной шкале Лайкерта, описыва-

ющей, в какой степени дискурсивный маркер определяет конкретную характеристику субъектности. Таким образом, получилось 6 матриц (64 дискурсивных маркера $\times$ 55 характеристик субъектности). Для обобщения результатов шкалирования была проведена оценка согласованности мнений экспертов. Для каждой шкалы был посчитан коэффициент согласованности альфа Кронбаха α . Если α для 4 и более экспертов оказывался > 0.7 , результаты признавались согласованными, а данные экспертов, ухудшающих оценку согласованности, в дальнейшем не учитывались. По 9 характеристикам не удалось получить достаточную согласованность, и они были исключены из анализа. Согласованные данные были усреднены по экспертам и подвергнуты процедуре кластерного анализа (Hierarchical Cluster Analysis, способ измерения расстояния – Squared Euclidian distance, метода кластеризации – Between-groups linkage). На рис. 1 представлены дендрограмма и

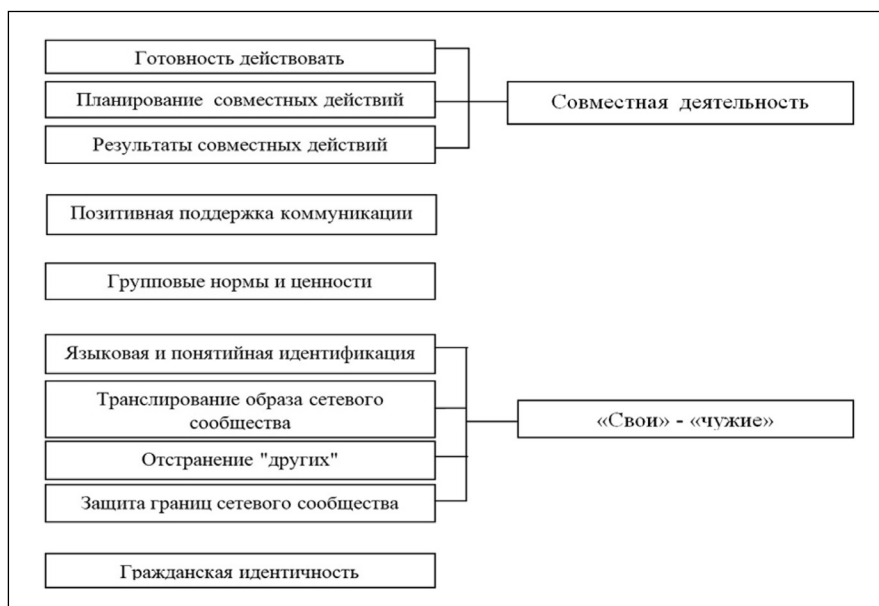

Рис. 2. Компоненты субъектности сетевых сообществ

выбранный вариант разбиения на кластеры с учётом максимальной дистанции при объединении объектов в кластеры и ясности интерпретации при содержательном обобщении маркеров, входящих в кластер. Всего выделено 10 кластеров первого уровня и два – второго.

Содержательная интерпретация входящих в кластеры дискурсивных маркеров позволила выявить следующую структуру субъектности сетевых сообществ (рис. 2).

По сути, это реконструкция структуры имплицитных представлений о субъектности сетевых сообществ экспертов в области социальной психологии, изучающих свойства коллективных субъектов, включённых в разные формы сетевой активности и понимающих особенности дискурса, характерные для социальных медиа. Предложенные составляющие субъектности существенно отличаются от характеристик субъектности реаль-

ных социальных групп. По мнению А. Журавлева [8, с. 127–132], существуют три важнейшие характеристики социальной группы, являющиеся необходимыми и фактически критерийными в описании коллективного субъекта: 1) взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе; 2) способность группы проявлять различные формы совместной активности, т. е. выступать, быть единым целым по отношению к другим социальным объектам или по отношению к себе самой; 3) способность группы к саморефлексии.

«Взаимосвязанность и взаимозависимость» как таковые не представлены в структуре субъектности сетевых сообществ. Это вполне объяснимо – добровольность участия в сетевых сообществах и технические возможности социальных сетей определяют взаимосвязанность и взаимозависимость членов сообщества. Однако они не гарантируют общности социальной

группы, что предопределяет социальные механизмы «защиты» сообщества от «чужих». В нашем случае путём обобщения дискурсивных маркеров было выделено 4 таких механизма. Языковая и понятийная идентификация предполагает идентификацию «своих» по языковым особенностям: общности языка и используемых метафор, по «парольным» словам, по сленгу и специальным терминам, характерным для данного сообщества. Идентификация своих предполагает и обозначение других, от которых следует дистанцироваться. Отстранение других предполагает их маркирование, дискредитацию, осуждение, оскорбление. Селекции других способствует трансляция образа сетевого сообщества. Если этот механизм оказывается неэффективным, участники сообщества вступают с «чужими» в спор, вводят запреты на их активность, проявляют по отношению к ним агрессию. Условно данный механизм был назван «защита сетевого сообщества».

Дискурс, посвящённый совместной деятельности, вполне сопоставим с такой характеристикой реальных коллективных субъектов, как способность группы проявлять различные формы совместной активности. В сетевом сообществе также сохранились «групповые нормы и ценности» и «способность группы к саморефлексии». Позитивная поддержка коммуникации – наиболее ярко представленный компонент субъектности сетевого сообщества – скорее всего, обусловлена техническими особенностями социальных сетей, изначально ориентированных на позитивную коммуникацию, нацеливающую участников сетевых сообществ на приобретение всё новых и новых

друзей, на комментарии в виде позитивных эмодзи, на одобрение постов лайками. Гражданская идентичность – характеристика, вполне применимая к большим социальным группам, вполне уместна и в дискурсе сетевого сообщества, поскольку его размер явно превышает размеры малой и средней социальной группы. Таким образом, структура имплицитных представлений о субъектности (общей субъектности) сетевых сообществ, оценённая с помощью дискурсивных маркеров, имеет 5 основных компонентов: 1) осуждение совместной деятельности; 2) позитивная поддержка коммуникации; 3) групповые нормы и ценности; 4) свои – чужие; 5) гражданская идентичность.

3. Оценка субъектности сетевых сообществ по разным моделям проявления дискурсивных маркеров в её компонентах

Тексты 6 сетевых сообществ («Синие ведёрки» FB, Политическое сообщество, Форум автовладельцев Ford, Сообщество с лидером, Групповой чат «Прогрессоры», «Страдающее Средневековье» VK), включающие по несколько постов в каждом и все комментарии к ним, были размечены 4 экспертами-психолингвистами по дискурсивным признакам субъектности. Субъектность сообществ рассчитывалась по 4 моделям: кумулятивно-аддитивной, кумулятивно-аддитивной с винзорированным усреднением, кумулятивно-аддитивной с усреднением Тьюки и простой аддитивной модели. Следуя аддитивно-кумулятивной модели (АКМ), были суммированы все обнаруженные в тексте сообщества маркеры в соответствии со структу-

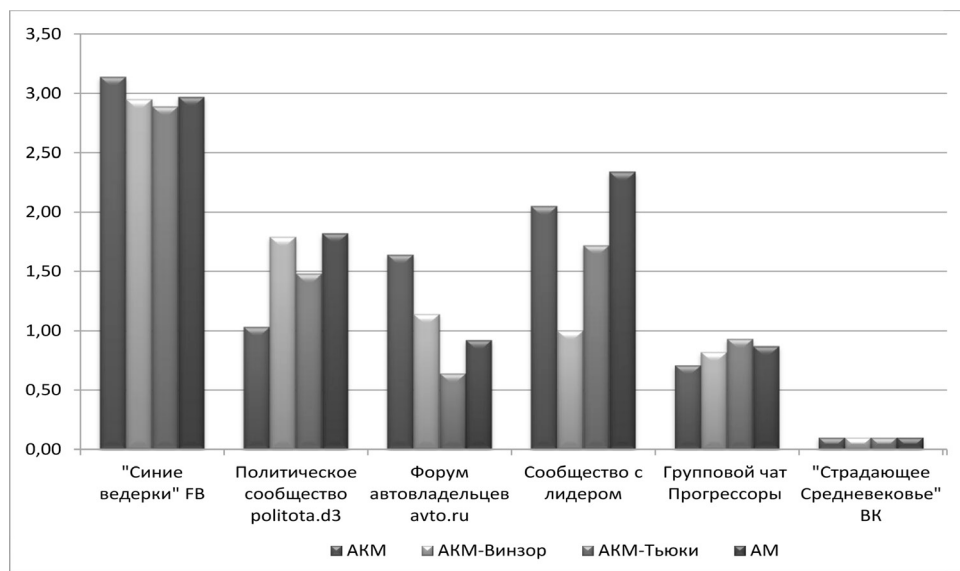

Рис. 3. Общая субъектность, вычисленная по моделям АКМ, АКМ-Винзор, АКМ-Тьюки и АМ

рой субъектности. В кумулятивно-аддитивной модели с винзорированным усреднением (АКМ-Винзор) было осуществлено усечение 20 % наибольших и наименьших значений с последующей конволюцией среднего арифметического. В кумулятивно-аддитивной модели с усреднением Тьюки (АКМ-Тьюки) было осуществлено средневзвешенное усреднение, позволяющее уменьшить вклад значений, отстоящих от среднего достаточно далеко. Робастные модели (Винзор и Тьюки) были выбраны как мера снижения влияния артефактов, связанных с выбросами в данных, получаемых из социальных сетей, и не учитываемых в модели АКМ. Исходя из аддитивной модели (АМ), суммировались обнаруженные признаки в соответствии со структурой субъектности, при этом оценивалось только наличие или отсутствие признака в посте или комментарии. Для корректности сравнений выраженности общей субъектности

для показателей по разным сообществам и моделям было осуществлено z-преобразование данных со сдвигом отрицательных значений к 0. Общая субъектность, вычисленная по разным моделям, представлена на рис 3.

Была проведена оценка взаимосвязанности результатов, полученных по 4 моделям, между собой и с данными экспертной оценки субъектности, полученными группой социальных психологов, участвовавших в исследовании на предыдущем этапе. Значения общей субъектности различных сетевых сообществ и их ранг, полученный в ходе экспертной оценки субъектности, представлены в таблице 1.

Для оценки взаимосвязи между субъектностью, оценённой с помощью экспертной оценки, и субъектностью, полученной при использовании дискурсивных маркеров, был использован коэффициент тау-b Кендалла (табл. 2).

Экспертное мнение и оценка субъектности по дискурсивным марке-

Таблица 1.

Общая субъектность сетевого сообщества (значение после z-преобразования / ранг)

Сетевые сообщества	Модель АКМ	Модель АКМ Винзор	Модель АКМ Тьюки	Модель АКМ	Экспертная оценка
«Синие ведёрки» FB	3,14	2,95	2,89	2,97	1
	1	1	1	1	
Политическое сообщество politota.d3	1,03	1,79	1,48	1,82	2
	4	2	3	3	
Сообщество с лидером	1,64	1,14	0,64	0,92	3
	3	3	5	4	
Форум автовладельцев Ford	2,05	1,00	1,72	2,34	4
	2	4	2	2	
Групповой чат «Прогрессоры»	0,71	0,82	0,93	0,87	5
	5	5	4	5	
«Страдающее Средневековье» VK	0,10	0,10	0,10	0,10	6
	6	6	6	6	

Таблица 2.

Взаимосвязь уровня экспертных оценок и уровня субъектности в разных моделях (тау-b Кендалла, уровень значимости)

Модель	АКМ	АКМ-Винзор	АКМ-Тьюки	АКМ	Эксперты
АКМ	1,00	0,733*	0,60	0,867*	0,733*
АКМ-Винзор	0,733*	1,00	0,60	0,867*	1,000**
АКМ-Тьюки	0,60	0,60	1,00	0,47	0,60
АКМ	0,867*	0,867*	0,47	1,00	0,867*
Эксперты	0,733*	1,000**	0,60	0,867*	1,00

* Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторонняя).

** Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторонняя).

рам с применением аддитивно-кумулятивной модели с винзорированным усреднением полностью согласуются (по крайней мере, на уровне рангов, к которым апеллирует тау-b Кендалла). Винзорированное усреднение показало себя отличной робастной мерой [21, с. 254], позволившей избавиться от регулярных выбросов проявлений типичной лексики и других дискурсивных маркеров субъектности, характерных скорее для жанра отдельных сообществ и не связанных с проявлением субъектности этих сетевых сооб-

ществ. На втором месте по степени взаимосвязанности экспертной оценки и оценки по дискурсивным маркерам оказалась аддитивная модель, демонстрирующая большую значимость для уровня субъектности разнообразия её проявлений по сравнению с частотой проявлений маркеров. Несколько неожиданной оказалась низкая согласованность экспертной оценки и модели с усреднением по Тьюки, поскольку средневзвешенное усреднение также является робастным. Вероятно, характер весовой функции, умень-

Таблица 3.

Среднее расстояние между уровнями общей субъектности в разных моделях

АКМ	АКМ-Винзор	АКМ-Тьюки	АМ
11,038	2,956	0,870	0,569

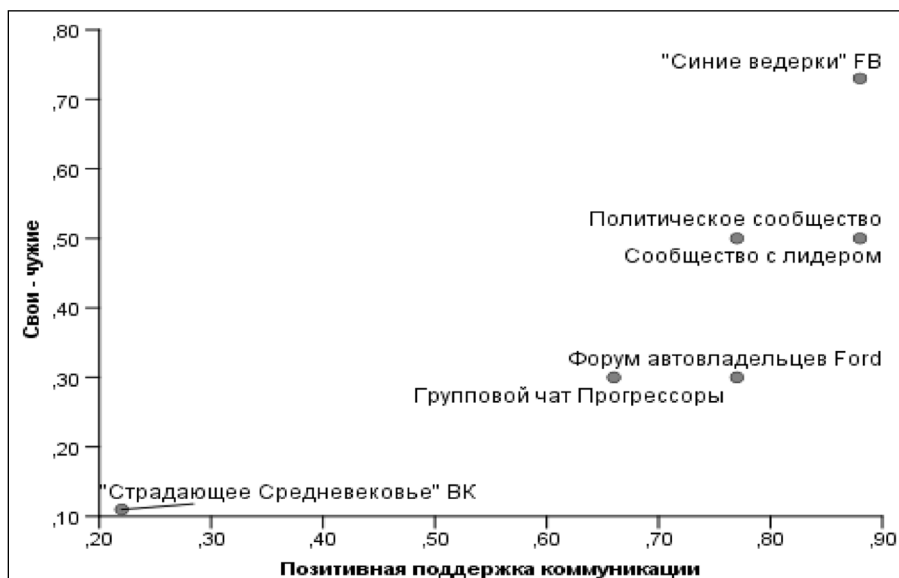

Рис. 4. Сообщества в модели АМ

шающий вклад крайних значений на 50 %, оказался недостаточным, либо в целом пропорциональное изменение структуры данных является неэффективным способом для оценки субъектности сетевого сообщества по проявлениям дискурсивных маркеров.

Дискриминативность моделей была оценена через среднее расстояние (Squared Euclidian distance) между уровнями общей субъектности 6 сетевых сообществ в пространстве 5 её составляющих. Результаты представлены в таблице 3.

Поскольку от модели АКМ к АМ происходила последовательная редукция количества учитываемых маркеров, расстояние между сообществами уменьшалось от модели АКМ к АМ, однако «слипания» объектов не про-

исходило. Об этом можно судить по расположению объектов на плоскости первых наиболее дифференцирующих составляющих субъектности: «позитивная поддержка коммуникации» и «свои – чужие» (рис. 4 и рис. 5). Можно сказать, что все модели демонстрируют удовлетворительную дискриминативность, хотя при исследовании субъектности схожих сетевых сообществ предпочтение следует отдавать моделям АКМ и АКМ с винзорированным усреднением.

Поскольку модель субъектности на основе модели АКМ с винзорированным усреднением оказалась наиболее адекватной, оценка субъектности сетевых сообществ осуществлялась именно по ней. На рисунке 6 представлена гистограмма усреднённых значений

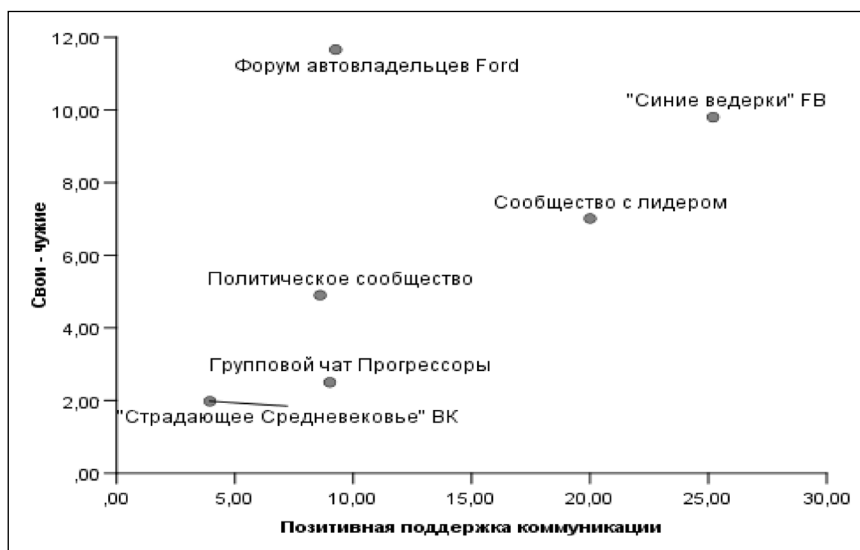

Рис. 5. Сообщества в модели АКМ

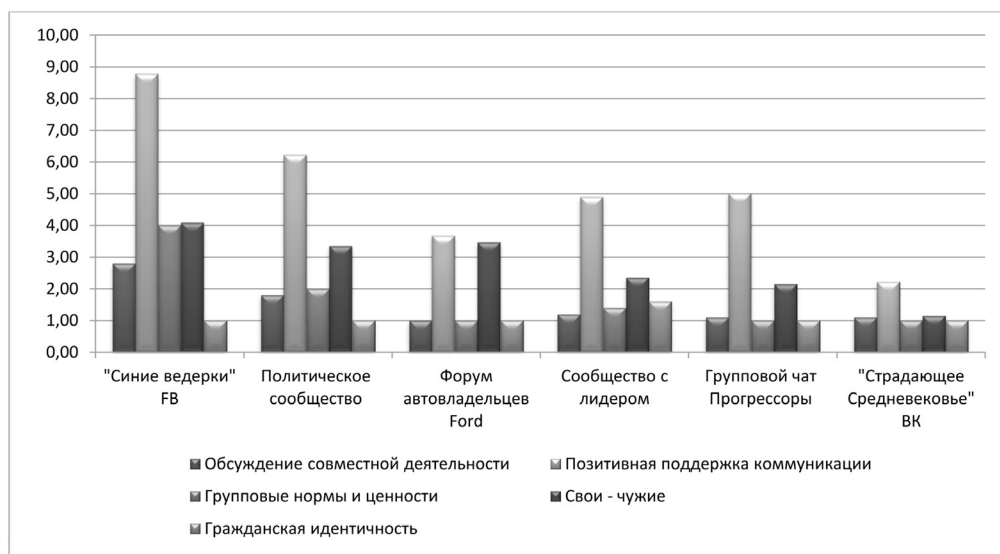

Рис. 6. Субъектность сетевых сообществ

субъектности 6 оцениваемых сетевых сообществ **по 5 основным составляющим**: 1) обсуждение совместной деятельности; 2) позитивная поддержка коммуникации; 3) групповые нормы и ценности; 4) свои – чужие; 5) гражданская идентичность.

Приоритет робастных моделей проявления дискурсивных маркеров по-

зволяет определённым образом относиться к субъектности сетевых сообществ и организации коммуникации в них. Буквально следуя за описанием моделей, можно сделать вывод, что на уровень субъектности существенным образом влияет разнообразие способов её проявления по сравнению с количеством повторений

одних и тех же способов инициирования активности и субъектности. Важно разнообразно поддерживать коммуникацию, а не буквально настаивать на своём, важно по-разному призывать к действиям, а не многократно просить оказать, например, материальную помощь. Для повышения субъектности важно всеми возможными способами поддерживать своих и по разным основаниям «отстранять других». В свете приоритета робастных моделей повторение одних и тех же лозунгов скорее снижает субъектность, а не мотивирует. Не менее важным оказывается и размер постов и комментариев: робастность моделей предопределяет равное влияние на субъектность сетевого сообщества как длинных постов и комментариев, так и коротких.

Согласованность оценки субъектности сетевых сообществ по её «внешним» проявлениям на основе экспертных оценок (оценка офф- и онлайн-акции, коллективного купинга, декларации ценностей сообщества и обсуждения правил коммуникации в нём и др.) и субъектности, определённой по дискурсивным признакам, позволяет говорить о достоверности описанного подхода к изучению субъектности и обоснованности выбранной структуры субъектности. Составляющие субъектности сетевых сообществ лишь частично совпадают с характеристиками субъектности реальных социальных групп и раскрывают новое содержание коммуникативной активности в сетевых сообществах: перманентное поддержание коммуникации, маркирование «чужих» и их отстранение, идентификацию и поддержку «своих». Следует от-

метить специфическую «гражданскую идентичность» в исследуемых сетевых сообществах. Гражданская идентичность проявляется в оппозиционности активных членов этих сообществ и осуждении формально существующих в обществе норм: фиксация и обсуждение нарушений, допущенных представителями властных структур в сфере дорожного движения (характерно для сообщества «синие ведёрки»), и тяжёлых условий существования «простых людей» в современной России (сообщество «Страдающее Средневековье»). Оппозиционность политического сообщества оказалась выраженной в меньшей степени, чем ожидалось экспертами, видимо, вследствие декларации собственной оппозиции и перемещения фокуса коммуникационной активности на организацию помощи «пострадавшим».

Выводы

В дискурсе сетевых сообществ проявляются различные формы их субъектности. Разметка текста в соответствии с выделенными дискурсивными маркерами позволяет адекватно оценить субъектность сетевых сообществ. Структура субъектности сетевых сообществ частично (по некоторым компонентам) аналогична структуре субъектности реальных социальных групп: в дискурсе представлено обсуждение совместной деятельности, групповые нормы и ценности, проблемы гражданской идентичности. Выявлена специфика субъектности сетевых сообществ, проявляющаяся в позитивной поддержке коммуникации внутри сообщества, идентификации и поддержке «своих» и отстранении «других». Выявлен приоритет робастных

моделей проявления дискурсивных маркеров в субъектности сетевых сообществ. Для исследованных сетевых сообществ наиболее адекватной представляется аддитивно-кумулятивная модель с винзорированным усредне-

нием, она полностью согласуется с экспертной оценкой субъектности по внешним критериям.

*Статья поступила
в редакцию 01.08.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикация подготовлена в рамках научного проекта РФФИ № 18-00-00606 (18-00-00605) «Субъектность сетевых сообществ в дискурсивном пространстве интернета».

ACKNOWLEDGMENTS

The publication was prepared within the scientific project RFBR № 18-00-00606 (18-00-00605) "Subjectivity of network communities in the discursive space of the Internet".

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананьев Б. Г. Избранные психологические труды. Т. 1. М., 1980. 230 с.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. М., 2009. 320 с.
3. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994. 109 с.
4. Вачков И. В. Полисубъектный подход к педагогическому взаимодействию // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 16–29.
5. Гайдар К. М. Социально-психологическая концепция группового субъекта. Воронеж, 2013. 396 с.
6. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013. 344 с.
7. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. 308 с.
8. Журавлев А. Л. Коллективный субъект как феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М., 2018. С. 116–161.
9. Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке / под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Володиковой, В. Н. Дружинина. М., 2000. С. 133–150.
10. Зимняя И. А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М., 2000. 384 с.
11. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008. 288 с.
12. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект. М., 2005. 396 с.
13. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984. 445 с.
14. Павлова Н. Д. Интерактивный аспект дискурса: подходы к исследованию // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 4. С. 66–76.
15. Павлова Н. Д., Журавлев А. Л. К междисциплинарной проблематике дискурса // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М., 2007. С. 6–11.
16. Рубцов В. В. Организация и развитие совместных действий у детей в процессе обучения. М., 1987. 160 с.

17. Соснин В. А., Журавлев А. Л., Красников М. А. Социальная психология: учебное пособие для студентов вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. 336 с.
18. Стернин И. А. Общественные процессы и развитие современного русского языка. Очерк изменений в русском языке конца XX века: научное издание. Воронеж, 2004. 93 с.
19. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М., 2006. 136 с.
20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
21. Шуленин В. П. Математическая статистика Ч. 3. Робастная статистика: учебник. Томск, 2012. 520 с.
22. Anderson A. A., Brossard D., Scheufele D. A., Xenos M. A., Ladwig P. The “nasty effect”. Online incivility and risk perceptions of emerging technologies // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2014. Vol. 19. № 3. P. 373–387.
23. Cappella J. N., Price V., Nir L. Argument repertoire as a reliable and valid measure of opinion quality: Electronic dialogue during campaign 2000 // *Political Communication*. 2002. Vol. 19. № 1. P. 73–93.
24. Edwards D., Potter J. *Discursive psychology*. London: Sage, 1992. 412 p.
25. Fishkin J. S., Luskin R. C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion // *Acta Political*. 2005. Vol. 40. P. 284–298.
26. Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory*. Chicago: Aldine, Chicago 1967, 271 p.
27. Glaser B. *Theoretical sensitivity*. Mill Valley, CA: Sociology Press, 1978. 256 p.
28. Halpern D., Gibbs J. Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression // *Computers in Human Behavior*. 2013. № 29 (3). P. 1159–1168.
29. Harre R., Gillet G. *Discursive mind*. London: Sage, 1994. 192 p.
30. *Discursive Psychology in Practice* / ed. R. Harre, P. Stearns. London, 1995, 120 p.
31. Heirman W., Angelopoulos S., Wegge D., Vandebosch H., Eggermont S. and Walrave M. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach // *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2015. Vol. 20. Iss. 3. P. 260–277
32. Hogg M. A., Reid S. A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms // *Communication Theory*. 2006. № 16 (1). P. 7–30.
33. O’Sullivan P. B., Flanagan A. J. Reconceptualizing ‘flaming’ and other problematic messages // *New Media & Society*. 2003. Vol. 5. № 1. P. 69–94.
34. Postmes T., Spears R., Lea M. Breaching or building social boundaries? SIDE-effects of computer-mediated communication // *Communication Research*. 1998. № 25 (6). P. 689–715.
35. Potter J. *Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk* // *Qualitative Research* / ed. D. Silverman. London: Sage, 2011. P. 187–207.
36. Potter J., Whetherel M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. London: Sage, 1987. 348 p.
37. Ruiz C., Domingo D., Micy J. L., Dnaz Noci J., Meso K., Masip P. The democratic qualities of citizen debates in online newspapers // *The International Journal of Press / Politics*. 2011. Vol. 16. № 4. P. 463–487.
38. Santana A. D. Virtuous or vitriolic: The effect of anonymity on civility in online newspaper reader comment boards // *Journalism Practice*. 2014. № 8 (1). P. 18–33.
39. Soffer O. The Internet and National Solidarity: A Theoretical Analysis // *Communication Theory*. 2013. Vol 23. Iss. 1. P. 48–66.

40. Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide // Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology / ed. Z. Birchmeier, B. Dietz-Uhler, G. Stasser. New York, 2011. P. 16–39.
41. Stroud N. J., Scacco J. M., Muddyiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites Journal of Computer-Mediated Communication [Электронный ресурс]. [2015]. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/jcc4.12104> (дата обращения: 29.06.2019).
42. Wodak R. The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual. London: Palgrave Macmillan, 2009, 200 p.

REFERENCES

1. Anan'ev B. G. *Izbrannyye psikhologicheskie Trudy. T. 1* [Selected psychological works. Vol. 1]. Moscow, 1980. 230 p.
2. Borisova I. N. *Russkii razgovornyy dialog: struktura i dinamika* [Russian spoken dialogue: structure and dynamics]. Moscow, 2009. 320 p.
3. Brushlinsky A. V. *Problemy psikhologii sub'yekta* [Problems of psychology of the subject]. Moscow, 1994. 109 p.
4. Vachkov I. V. [Poly-subject approach to instructional interaction]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2007, no. 3, pp. 16–29.
5. Gaidar K. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya kontseptsiya gruppovogo sub'yekta* [The socio-psychological concept of group subject]. Voronezh, 2013. 396 p.
6. Deyk T. A. won. *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of domination in language and communication]. Moscow, 2013. 344 p.
7. Deyk T. A. won. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Knowledge. Communication]. Moscow, 1989. 308 p.
8. Zhuravlev A. L. [Collective subject as a phenomenon and concept in modern psychology]. In: Zhuravlev A. L., Sergienko E. A., eds. *Razrabotka ponyatii sovremennoi psikhologii* [The concepts of modern psychology]. Moscow, 2018, pp. 116–161.
9. Zhuravlev A. L. [Psychological characteristics of the collective subject]. In: Brushlinsky A. V., Volovikova M. I., Druzhinin V. N., eds. *Problema sub'yekta v psikhologicheskoi nauke* [The problem of subject in psychological science]. Moscow, 2000, pp. 133–150.
10. Zimnyaya I. A. *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational psychology]. Moscow, 2000. 384 p.
11. ssers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow, 2008. 288 p.
12. Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichei: kommunikativno-kul'turologicheskii aspekt* [The speech of the Muscovites: communicative and cultural aspect]. Moscow, 2005. 396 p.
13. Lomov B. F. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psikhologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, 1984. 445 p.
14. Pavlova N. D. [The interactive aspect of discourse: approaches to the study]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2005, vol. 26. no. 4, pp. 66–76.
15. Pavlova N. D., Zhuravlev A. L. [The interdisciplinary perspective of discourse]. In: *Situatsionnaya i lichnostnaya determinatsiya diskursa* [Situational and personal determination of discourse]. Moscow, 2007, pp. 6–11.
16. Rubtsov V. V. *Organizatsiya i razvitie sovmestnykh deistvii u detei v protsesse obucheniya* [Organization and development of children's joint actions in the learning process]. Moscow, 1987. 160 p.

17. Sosnin V. A., Zhuravlev A. L., Krasnikov M. A. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Moscow, 2011. 336 p.
18. Sternin I. A. *Obshchestvennye protsessy i razvitie sovremennogo russkogo yazyka. Ocherk izmenenii v russkom yazyke kontsa XX veka* [Social processes and the development of the modern Russian language. Essay on the changes in the Russian language of the late twentieth century]. Voronezh, 2004. 93 p.
19. Chernyavskaya V. E. *Diskurs vlasti i vlast' diskursa. Problemy rechevogo vozdeistviya* [The discourse of power and the power of discourse. The impact of voice problems]. Moscow, 2006. 136 p.
20. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Moscow, 2004. 326 p.
21. Shulenin V. P. *Matematicheskaya statistika. Ch. 3. Robastnaya statistika* [Mathematical statistics. P. 3. Robust statistics]. Tomsk, 2012. 520 p.
22. Anderson A. A., Brossard D., Scheufele D. A., Xenos M. A., Ladwig P. The "nasty effect". Online incivility and risk perceptions of emerging technologies. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2014, vol. 19, no. 3, pp. 373–387.
23. Cappella J. N., Price V., Nir L. Argument repertoire as a reliable and valid measure of opinion quality: Electronic dialogue during campaign 2000. In: *Political Communication*, 2002, vol. 19, no. 1, pp. 73–93.
24. Edwards D., Potter J. *Discursive psychology*. London, 1992. 412 p.
25. Fishkin J. S., Luskin R. C. Experimenting with a democratic ideal: Deliberative polling and public opinion. In: *Acta Political*, 2005, vol. 40, pp. 284–298.
26. Glaser B., Strauss A. *The discovery of grounded theory*. Chicago, 1967. 271 p.
27. Glaser B. *Theoretical sensitivity*. Mill Valley, CA, Sociology Press, 1978. 256 p.
28. Halpern D., Gibbs J. Social media as a catalyst for online deliberation? Exploring the affordances of Facebook and YouTube for political expression. In: *Computers in Human Behavior*, 2013, no. 29 (3), pp. 1159–1168.
29. Harre R., Gillet G. *Discursive mind*. London, 1994. 192 p.
30. Harre R., Stearns P. eds. *Discursive Psychology in Practice*. London, 1995. 120 p.
31. Heirman W. et al. Cyberbullying-Entrenched or Cyberbully-Free Classrooms? A Class Network and Class Composition Approach. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2015, vol. 20, iss. 3, pp. 260–277.
32. Hogg M. A., Reid S. A. Social identity, self-categorization and the communication of group norms. In: *Communication Theory*, 2006, no 16 (1), pp. 7–30.
33. O'Sullivan P. B., Flanagan A. J. Reconceptualizing 'flaming' and other problematic messages. In: *New Media & Society*, 2003, vol. 5, no. 1, pp. 69–94.
34. Postmes T., Spears R., Lea M. Breaching or building social boundaries? SIDE-effects of computer-mediated communication. In: *Communication Research*, 1998, no. 25 (6), pp. 689–715.
35. Potter J. Discursive psychology and the study of Naturally occurring Talk. In: Silverman D., ed. *Qualitative Research*. London, Sage, 2011, pp. 187–207.
36. Potter J., Whetherel M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. London, 1987. 348 p.
37. Ruiz C., Domingo D., Micy J. L., Dnaz Noci J., Meso K., Masip P. The democratic qualities of citizen debates in online newspapers. In: *The International Journal of Press / Politics*, 2011, vol. 16, no. 4, pp. 463–487.
38. Santana A. D. Virtuous or vitriolic: The effect of anonymity on civility in online newspaper reader comment boards. In: *Journalism Practice*, 2014, no. 8 (1), pp. 18–33.

39. Soffer O. The Internet and National Solidarity: A Theoretical Analysis. In: *Communication Theory*, 2013, vol. 23, iss. 1, pp. 48–66.
40. Spears R., Lea M., Postmes T., Wolbert A. A SIDE look at computer-mediated interaction: Power and the gender divide. In: Birchmeier Z., Dietz-Uhler B., Stasser G., eds. *Strategic uses of social technology: An interactive perspective of social psychology*. New York, 2011, pp. 16–39.
41. Stroud N. J., Scacco J. M., Muddyiman A., Curry A. L. Changing Deliberative Norms on News Organizations' Facebook Sites. In: *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2015. Available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/jcc4.12104> (accessed: 29.05.2019).
42. Wodak R. *The Discourse of Politics in Action: Politics as Usual*. London, 2009. 200 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронин Анатолий Николаевич – доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: voroninan@bk.ru;

Гребенищикова Таисия Александровна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: gretiya@mail.ru;

Кубрак Тина Анатольевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com;

Павлова Наталия Дмитриевна – доктор психологических наук, заведующий лабораторией психологии речи и психолингвистики Института психологии РАН;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anatoly N. Voronin – Doctor of Psychological sciences, professor, Chief Researcher, Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences;
e-mail: voroninan@bk.ru

Taisiya A. Grebenshikova – PhD in Psychological sciences, senior researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: gretiya@mail.ru

Tina A. Kubrak – PhD in Psychological sciences, researcher, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: kubrak.tina@gmail.com

Natalya D. Pavlova – Doctor of Psychological sciences, Head of the Laboratory of psychology of speech and psycholinguistics, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: pavlova_natalya@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Субъектность сетевого сообщества: сравнение психометрических моделей проявления дискурсивных маркеров в контенте / А. Н. Воронин, Т. А. Гребенщикова, Т. А. Кубрак, Н. Д. Павлова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 6–24.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-6-24

FOR CITATION

Voronin A. N., Grebenshikova T. A., Kubrak T. A., Pavlova N. D. The subjectness of the network community: a comparison of psychometric models of the discursive markers manifestation in content. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 6–24.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-6-24

УДК 159.922.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-25-40

НЕКОГНИТИВНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Ишмуратова Ю. А., Потанина А. М., Цыганов И. Ю., Моросанова В. И.

Психологический институт Российской академии образования

125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Российская Федерация

Аннотация. Целью работы является анализ специфики личностных, регуляторных и мотивационных предикторов академической успешности в разные периоды обучения. В первой части статьи рассматриваются взаимосвязи личностных диспозиций «Большой пятёрки» и академических достижений на разных ступенях обучения, анализируются их особенности. Во второй части статьи анализируются регуляторные предикторы академической успешности, особое внимание отводится осознанной саморегуляции. Третья часть статьи посвящена особенностям вклада мотивационных комплексов на основе самооценки и самоэффективности, а также внутренней и внешней мотивации в академические достижения. В заключение статьи делается вывод о существовании запроса на комплексные исследования индивидуально-типологических особенностей взаимосвязи регуляторных, мотивационных и личностных предикторов академических достижений учащихся различных возрастов.

Ключевые слова: осознанная саморегуляция, учебная деятельность, предикторы, личностные диспозиции, мотивация, индивидуально-типологические особенности, академическая успешность

NONCOGNITIVE PREDICTORS OF ACADEMIC SUCCESS AT DIFFERENT STAGES OF EDUCATION

Y. Ishmuratova, A. Potanina, I. Tsyganov, V. Morosanova

Psychological Institute of Russian Academy of Education

9, bld.4, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract: The aim of the article is an analysis of personality, regulatory and motivational predictors of academic success specificity at different stages of education. The first part of the article considers features of the relationship between the Big Five personality traits and academic achievement at different stages of education. The second part analyzes regulatory predictors of academic success, especially conscious self-regulation. The third part of the article focuses on the contribution of motivational constructs based on self-concept and self-efficacy, and internal and external motivation to academic achievement. The article concludes with a statement on the need for a comprehensive study of individually-typological features of the relationship between the regulatory, motivational and personality predictors of academic achievement in students of different ages.

Keywords: conscious self-regulation, learning activity, predictors, personality traits, motivation, individually-typological features, academic success

Введение

Обзор результатов зарубежных исследований предикторов академических достижений показывает, что на протяжении различных периодов обучения наибольшее влияние на успеваемость учащихся оказывают предыдущие академические достижения, следующими по значимости идут когнитивные предикторы, в частности интеллект, и в третью очередь значение приобретают некогнитивные предикторы [24]. Хотя большинство исследований посвящено изучению когнитивных факторов, в настоящее время всё больше внимания уделяется некогнитивным предикторам академических достижений. Метаанализы зарубежных исследований в этой области [32] позволил выделить такие предикторы, как личностные черты, мотивационные факторы, саморегуляция, общий подход к обучению и контекстные факторы. Каждой из этих групп факторов посвящено большое количество исследований, однако в литературе наблюдается дефицит работ, в которых рассматривается целостная картина динамики некогнитивных предикторов академических достижений в зависимости от возраста учащихся. В данной работе мы проанализируем современные тенденции исследования личностных, регуляторных и мотивационных предикторов академической успешности, выделим особенности их вклада на различных ступенях обучения, сделаем вывод о перспективах дальнейших исследований. Мы начнём с рассмотрения личностных черт, далее обратимся к анализу особенностей

саморегуляции и завершим работу, обратившись к мотивационным проявлениям.

Возрастная специфика личностных предикторов академических достижений

Взаимосвязь личностных черт и академических достижений является весьма разработанной темой исследований. Изучаются как корреляционные связи, так и предсказательная ценность личностных факторов в академических достижениях. Личностные факторы в основном исследуются с использованием модели Big Five («Большой пятёрки»), разработанной в 80-е гг. XX в. П. Костой и Р. МакКреем и включающей пять общих факторов: Экстраверсию (Extraversion), Добросовестность (Conscientiousness), Дружелюбность (Agreeableness), Нейротизм (Neuroticism) и Открытость опыту (Openness to Experience). Академические достижения, чаще всего рассматриваемые как академическая успеваемость, по-разному операционализированы в различных исследованиях. В большинстве работ в качестве меры академических достижений используется GPA (grade point average) – средняя оценка за период обучения. Помимо GPA также используются баллы из сертификатов об окончании старшей школы, экзаменационные оценки, годовые и семестровые оценки по отдельным предметам, показатели вступительных тестов в колледжи (SAT Reasoning Test и ACT (American College Testing)).

Среди всех исследований взаимосвязей личностных черт и академических достижений преобладают

исследования старших школьников, студентов колледжа и университета. При этом, хотя предполагается, что паттерны связей на разных ступенях обучения схожи, существуют различия в прогностичности факторов Большой пятёрки в отношении академических достижений на разных ступенях обучения [25].

Проведённые по данной тематике метаанализы показывают, что среди личностных черт Большой пятёрки самым значимым и стабильным предиктором академических достижений является Добросовестность [37; 31]. Отдельные исследования также демонстрируют, что Добросовестность является самым сильным значимым некогнитивным предиктором академической успеваемости в средней и старшей школе, объясняя совместно с интеллектом от 44 до 49 % дисперсии GPA, тогда как вклад остальных диспозиций и других некогнитивных предикторов оказывался незначимым [21]. Исследование И. Сориц, З. Пенезич и И. Бурич продемонстрировало, что целевые ориентации являются медиаторами влияния Добросовестности на академические достижения у старших школьников (общий медиаторный эффект равен 0,18, тогда как прямой эффект 0,02) [36]. Исследование Т. Биджерано и Д. Юн Дай на выборке студентов продемонстрировало, что некоторые из стратегий саморегуляции (в частности стратегия регуляции усилий) опосредуют связь между Добросовестностью и академическими достижениями ($R^2 = 0,11$, $p < 0,001$), а также между Дружелюбностью и академическими достижениями ($R^2 = 0,12$, $p < 0,001$) [15].

Ещё одним достаточно стабильным значимым предиктором академиче-

ских достижений является Открытость опыту [31]. Исследование М. Зупанчич и коллег, проведённое на выборке учащихся средней школы в России и Словении, продемонстрировало, что Открытость является значимым предиктором оценок учащихся [41]. В исследовании Е. В. Кочергиной и коллег на выборке российских студентов также было получено, что Открытость является значимым предиктором академических достижений, наряду с Интроверсией, Дружелюбностью и Нейротизмом [6]. Интересно, что, хотя в большинстве исследований Открытость опыту значимо положительно коррелирует с академическими достижениями, часть исследований показывает отсутствие значимой связи или отрицательную связь [26].

По остальным личностным чертам как отдельные исследования, так и метаанализ демонстрируют достаточно неоднозначные результаты, что свидетельствует о специфике влияния этих личностных факторов на академические достижения. Так, Экстраверсия достаточно неоднозначно связана с академическими достижениями: на младшей ступени обучения она зачастую влияет положительно, однако при переходе к старшим ступеням влияние Экстраверсии становится негативным [25; 12; 31; 41]. Таким образом, влияние Экстраверсии изменяется в зависимости от ступени обучения. Интересно, что влияние Экстраверсии может быть обусловлено культурным контекстом: например, в исследовании Ж. Чана и М. Циглера Экстраверсия была значимым предиктором оценок по китайскому языку в старшей школе [39]. Эти данные соответствуют результатам метаанализа С. Трапманна

с коллегами, продемонстрировавшим значимость Экстраверсии для предсказания академических достижений, которая зависела от страны проведения исследования. В частности, Экстраверсия значимо положительно влияла на академические достижения в странах Восточной Азии [37]. Что касается Нейротизма, в большинстве исследований, как и в метаанализах была обнаружена негативная связь с академическими достижениями, хотя последние показывают, что Нейротизм не является сильной детерминантой индивидуальных различий в академических достижениях [31]. В исследовании, проведенном на выборке старших школьников, Нейротизм оказывал негативное влияние на академические достижения через поверхностный подход к обучению [39]. В этом же исследовании было обнаружено специфическое влияние Нейротизма на оценки по математике через специфическую предметную самооценку. Наконец, согласно метаанализам, Дружелюбность в целом демонстрирует незначимые связи с академическими достижениями [37]. Метаанализ А. Поропата демонстрирует, что предсказательная ценность Дружелюбности снижается к средним и старшим ступеням обучения [31]. Так, в исследовании К. Лайдры, Х. Пулманна и Дж. Аллика было обнаружено, что Дружелюбность была вторым по силе предиктором после интеллекта во 2–4 классах, однако в 6–12 классах в данном качестве стала выступать Добросовестность [25]. Тем не менее в исследованиях, проведенных на выборках средних и старших школьников и студентов колледжа, была обнаружена позитивная связь Дружелюбности с академическими

достижениями, что свидетельствует о присутствии специфики данной личностной черты в предсказании академической успешности [21]. Интересно также, что на выборках студентов колледжа и университета было обнаружено, что Дружелюбность может выступать предиктором как академических достижений в целом, так и отдельных активностей, связанных с обучением в университете, например вовлеченности в проектную деятельность [20].

Подводя итог, можно говорить о том, что во взаимодействии факторов Большой пятёрки и академических достижений присутствует специфика, характеризующаяся возрастом учащихся и ступенью обучения. В частности, тогда как Добросовестность и Открытость являются стабильными положительными предикторами академической успеваемости во всех возрастах, влияние Экстраверсии изменяется при переходе от младших к старшим ступеням обучения. Нейротизм, несмотря на наблюдаемые отрицательные связи с академическими достижениями, может оказывать позитивный эффект через другие процессы, а также определять их влияние. Наконец, предсказательная ценность Дружелюбности снижается с переходом к старшим ступеням обучения, хотя она продолжает оказывать значимое положительное влияние на академическую успеваемость в специфических контекстах. Отметим, что мы рассмотрели преимущественно прямые эффекты личностных черт на академические достижения, тем не менее в тех же исследованиях личностные диспозиции зачастую рассматриваются в системе различных некогнитивных предикторов, включая мотивацию [21], целевые ориентации в обучении [36] и стратегии

саморегуляции [15]. Ряд исследований, проведённых в лаборатории психологии саморегуляции ПИ РАО, демонстрирует, во-первых, что Добросовестность значимо коррелирует с общим уровнем осознанной саморегуляции [7]. Во-вторых, осознанная саморегуляция выступает в качестве одного из важнейших предикторов, опосредующих влияние личностных черт на академические достижения [27; 1].

Специфика регуляторных предикторов академических достижений на разных ступенях обучения

Одним из ключевых факторов успешности учебной деятельности является саморегуляция. Исследования СР как одного из предикторов академических достижений популярны и в отечественной, и в зарубежной психологии. Использование адекватных стратегий саморегуляции имеет фундаментальное значение для успеваемости учащихся в начальной [19], средней [19] и старшей школе [34]. Исследования демонстрируют, что академическая успеваемость зависит от степени развития и особенностей саморегуляции [9; 5]. Было экспериментально подтверждено, что учащимся с высоким уровнем саморегуляции присущи значимо более высокий уровень академической успеваемости, положительное отношение к учебной деятельности и лучшая способность адаптироваться к изменяющимся условиям учебного процесса [8].

Рассмотрим, как изменяется осознанная саморегуляция у учащихся разных возрастных групп. **Младший школьный** возраст характеризуется формированием произвольности: про-

извольным характером памяти, внимания и мышления учащегося, – помимо этого возникает необходимость действовать организованно в соответствии с задачами, поставленными перед школьником. В ряде исследований было показано, что регуляторные процессы являются слабым предиктором академической успеваемости в начальной школе: у учащихся на этом этапе обучения отсутствуют чёткое понимание учебных задач и самоконтроль в процессе выполнения задач [35]. Циммерман в своей работе указывает, что у младших школьников не выражена способность к произвольной саморегуляции своей учебной деятельности [40]. В некоторых работах демонстрируется, что характер учебной деятельности в начальной школе не требует высокого уровня саморегуляции для повышения уровня академической успеваемости [18]. Слабая связь между саморегуляцией учебной деятельности в начальной школе и академической успеваемостью может быть объяснена спецификой выставления оценок младшим школьникам. В начальной школе на оценки учащегося влияет не только уровень знаний. Как правило, учителя в начальной школе принимают также во внимание затраченные учащимся усилия, его отношение к предмету, поведение, вовлечённость в освоение предмета и достигнутый прогресс. В исследовании С. Брукхарта было продемонстрировано, что учителя в начальной школе опираются на неформальные критерии оценки, в том числе и на социальное поведение учащегося больше и чаще, чем на его уровень знаний [16]. Соответственно, учащиеся, которые обладают лучшей способностью регулировать своё по-

ведение в классе, могут быть оценены выше, чем те, которые не обладают такой способностью. Интересно, что в третьем классе корреляция между регуляторными процессами и академической успеваемостью становится заметно слабее [18].

Есть данные о том, что способность к осознанной саморегуляции возрастает при взрослении учащегося [42]. Помимо этого, переход в **среднюю школу** знаменует собой резкое изменение специфики учебной деятельности. В первую очередь, меняются характер оценки достижений учащегося и особенности среды обучения в целом. Два этих фактора влияют на взаимосвязь между саморегуляцией обучения и академической успеваемостью [16]. В ряде исследований было показано, что академические достижения в средней школе в большей степени зависят от типа академических задач [16]. В средней школе у учащихся была обнаружена сильная положительная корреляция между метакогнитивными процессами саморегуляции обучения и академической успеваемостью [18]. В наших работах рассматриваются различия в выраженности общего уровня саморегуляции, а также её процессов и свойств между суворовцами разных возрастов [13]. Было показано, что суворовцы первого года обучения в училище (5 класс) характеризуются более высоким уровнем саморегуляции по сравнению с учащимися 9 классов. В другом исследовании была обнаружена корреляция между регуляторными особенностями учащихся средней школы и академической успеваемостью по математике. Было также продемонстрировано, что регуляторные компоненты являются значимыми предикторами математиче-

ской успеваемости [28]. В ещё одном исследовании было показано, что общий уровень саморегуляции – значимый предиктор математической беглости, понимания чисел и годовой оценки по математике [9].

При переходе в **старшую школу**, а именно в 9 и 10 классы, корреляция между академической успеваемостью и саморегуляцией снижается [18]. Но затем, в 11 классе корреляция между регуляторными процессами и академической успеваемостью снова становится сильной. Так, например, в исследовании было продемонстрировано, что у учащихся 10 класса саморегуляция обучения является сильным предиктором академической успеваемости [14]. Предполагается, что данная связь между саморегуляцией обучения и академической успеваемостью становится значимо сильнее у учащихся старшей школы по двум причинам. Во-первых, саморегуляция обучения продолжает развиваться в подростковом возрасте по мере повышения уровня метакогнитивного мониторинга и рефлексии [33]. Во-вторых, для того чтобы добиться высоких достижений в старшей школе, учащимся требуется использование оптимальных когнитивных и метакогнитивных стратегий. К старшей школе всё меньшую роль в оценках учащихся играют неформальные критерии, такие как поведение учащегося или затраченные усилия [16]. Таким образом, изменение критериев оценки учащегося и продолжающееся развитие саморегуляции обучения приводят к возникновению сильной взаимосвязи между академической успеваемостью и саморегуляцией в старшей школе.

В недавнем масштабном метаанализе [18] были проанализированы связи

между саморегуляцией и академической успешностью в зависимости от возраста учащегося: самая сильная корреляция была выявлена среди учащихся начальной школы. Корреляция становится меньше у учащихся 3–5 классов, затем снова возрастает у учащихся средней школы и снижается в 9–10 классах и снова повышается у учащихся выпускного класса. Было также продемонстрировано, что академическая успеваемость учащихся начальной и средней школы положительно коррелирует с когнитивными и метакогнитивными компонентами саморегуляции обучения. Было показано, что корреляция была более сильной для метакогнитивных стратегий саморегуляции. Аналогичные данные были получены и в исследованиях нашей лаборатории [11]. Корреляционный анализ регуляторных компонентов и показателей успеваемости по математике и русскому языку продемонстрировал, что наиболее низкая взаимосвязь показателей характерна для учащихся 6 классов. Затем, с 7 по 9 класс наблюдается рост взаимосвязи между регуляторными компонентами и академической успеваемостью по русскому языку и математике. В 10 классе корреляция снижается и снова повышается у учащихся 11 класса [11].

Возрастная специфика мотивационных предикторов академических достижений

К числу основных мотивационных предикторов академических достижений у учащихся относят различные виды внутренней мотивации, в частности когнитивную (познавательную) мотивацию, мотивацию достижения и мотивацию саморазвития – три ста-

бильно выявляемые из них [2; 3; 17], а также сложноорганизованные мотивационные комплексы, включающие, как правило, одновременно мотивационную и регуляторную стороны, к которым добавляются личностные проявления. Мотивационным комплексам отдают предпочтение в исследованиях подростков и старшеклассников за рубежом, подчёркивая интегрированный характер некогнитивных предикторов в старшем школьном возрасте [23; 24; 30]. В принципе, в этом случае нет необходимости выделять множество видов мотивации, а сами мотивационные комплексы, как отмечается, наряду с прогнозированием академических достижений, также вносят свой вклад и в регуляцию учебной активности (например, выбор учебных стратегий для достижения поставленных целей) [38].

В отношении мотивационных предикторов академических достижений также выделяется возрастная специфика; рассмотрим её подробнее.

Академические достижения младших школьников связаны с внутренней мотивацией, однако в качестве прямого предиктора успешности она может не выявляться, поскольку более сильные предыдущие достижения в значительной степени предсказывают последующие результаты. Кроме того, ими также может предсказываться и последующая мотивация достижения [22].

На протяжении подросткового возраста складываются различные мотивационные комплексы. В младшем подростковом возрасте в средней школе преобладают комплексы на основе самооценки (“self-concept”). Комплексы образованы СР учебной деятельности и отношением к учению (компонента-

ми мотивации учения: мотивациями саморазвития и достижения, отношением к обучению с точки зрения интереса и важности) [24; 30].

В старших классах большую прогностическую силу набирает мотивационный комплекс на основе самоэффективности. Он представляет собой взаимосвязь СР учебной деятельности с мотивацией учения (внутренними видами). Комплекс смещает акцент с отношения к учебной действительности на представления и убеждения о своих способностях и эффективности [23].

Таким образом, мы видим свидетельство интеграции некогнитивных предикторов в старших классах и направленность мобилизуемых ресурсов в учебной активности на решение конкретных учебных задач и достижение учебных целей. Это подтверждается и полученными нами результатами [29] в исследовании возрастной специфики регуляторных предикторов академических достижений в средних и старших классах.

В отечественной психологии наиболее развитое и структурированное исследование мотивационных предикторов академических достижений ведётся Т. О. Гордеевой и её коллегами [3]. С опорой на теорию самодетерминации на выборках школьников различных возрастов показано, что на протяжении всех периодов обучения сохраняется высокий положительный вклад внутренних видов мотивации: познавательной мотивации, мотивации достижения, мотивации саморазвития, – взаимосвязанных с особенностями СР учебной деятельности. Одной из отличительных особенностей старшего школьного возраста

отмечается рост вклада мотивации саморазвития. Из внешних видов мотивации отмечается рост положительного вклада мотивации самоуважения у учеников старших классов обычных школ в сравнении с учащимися высокорейтинговых школ, которые в учебной активности опираются на внутренние мотивы [3].

Отдельно отметим соответствие результатов отечественных и зарубежных исследований на контингенте студентов колледжей и младших курсов университетов. Результаты этих исследований в целом подтверждают картину, выявленную у старшеклассников, следовательно, и являются аргументом в пользу того, что мотивационные предикторы не претерпевают существенных изменений от старшей школы к начальным курсам высшего образования [4; 30; 38].

В исследованиях, выполненных нашим научным коллективом лаборатории психологии саморегуляции, получены результаты, соотносящиеся с различными из описанных выше. Так, проведены исследования взаимосвязи саморегуляции и отношения к учению, аналогичные исследования мотивационных предикторов на основе самооценки (“self-concept”) [10]. В этих исследованиях показано существование тесной многосторонней взаимосвязи регуляторных особенностей с мотивационными и эмоциональными проявлениями отношения к учению и на уровне старшеклассников; факторы этой взаимосвязи, как и характеризующиеся ею индивидуально-типологические ресурсы, выступают значимыми некогнитивными предикторами академической успешности и результатов выпускных экзаменационных испытаний. В рамках масштабного проек-

та нами также изучены возрастные особенности саморегуляции во взаимосвязи с академической мотивацией [11; 29]. В них показано увеличение в старших классах количества и уровня связей с академическими результатами продуктивных видов внутренней мотивации: мотивации достижения и мотивации саморазвития. Мотивация достижения показана сильным некогнитивным предиктором академической успешности старшеклассников, действующим в сочетании с ресурсами осознанной СР учебной деятельности.

Заключение

Подводя итог нашего обзора, можно отметить, что в современных работах преобладает тенденция к комплексному рассмотрению некогнитивных предикторов академической успешности на различных ступенях обучения. Растёт число работ, авторы которых пытаются представить более полную картину взаимосвязей личностных, регуляторных и мотивационных предикторов и академических достижений. Кроме того, в работах зарубежных коллег мы встречаем повышение внимания к вопросам индивидуально-типологических проявлений взаимосвязи регуляторной, мотивационной и личностной сфер и соответствующей специфике некогнитивных предикторов академических достижений [38]. К настоящему времени нами осуществлены комплексные исследования, в которых построены структурные мо-

дели некогнитивных предикторов академических достижений у учащихся средней и старшей ступеней общеобразовательной школы, вскрывающие общие закономерности и специфику взаимосвязи мотивационных регуляторных и личностных характеристик с успеваемостью учащихся в различных возрастах [10; 29]. Однако исследований индивидуально-типологических особенностей проявления этих взаимосвязей в период школьного образования ранее не проводилось.

В то же время запрос именно на такой вектор развития современных психологических исследований в области личности и регуляции и в нашей стране, и за рубежом очевиден. В настоящее время нами проводится эмпирическое исследование, в котором предполагается решить следующие задачи: построить и описать дифференциально-типологические профили осознанной саморегуляции учащихся средней и старшей школы; проанализировать ресурсный вклад некогнитивных предикторов в академическую успешность учащихся разных типологических групп; дать психолого-педагогическую характеристику выделенным типам учащихся как основу для разработки практических рекомендаций по оптимизации школьной успеваемости.

*Статья поступила
в редакцию 16.07.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00257 А «Дифференциально-типологические профили регуляторных и личностных ресурсов академических достижений учащихся в разные периоды школьного обучения».

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-013-00257 A «Differential typological profiles of regulatory and personal resources of students' academic achievements in different periods of schooling».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко И. Н., Цыганов И. Ю., Моросанова В. И. Некогнитивные предикторы академической успеваемости учащихся 9–11 классов: структурные модели // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: материалы V Международной научно-практической конференции, 05–07 октября 2018 г. Ч. I: Симпозиум «Субъект и личность в психологии саморегуляции». Иваново, 2018. С. 62–69. DOI: 10.30888/978-5-6041451-4-2.1.8
2. Гордеева Т. О. Мотивы учебной деятельности учащихся средних и старших классов современной массовой школы // Психология обучения. 2010. № 6. С. 17–32.
3. Мотивация самоуважения и уважения другими как факторы академических достижений и настойчивости в учебной деятельности / Т. О. Гордеева, В. В. Гижицкий, О. А. Сычев, Т. К. Гавриченко // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 57–68.
4. Гордеева Т. О., Сычев О. А. Мотивационные профили как предикторы саморегуляции и академической успешности студентов // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2017. № 1. С. 67–87.
5. Конопкин О. А., Прыгин Г. С. Связь учебной успеваемости студентов с индивидуально-типологическими особенностями их саморегуляции // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 42–52.
6. Кочергина Е. В., Най Дж. В. К., Орёл Е. А. Факторы «Большой пятёрки» как психологические предикторы академической успеваемости студентов вузов // Психологические исследования: [сайт]. 2013. Т. 6. № 27. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/776-kochergina27.html> (дата обращения: 18.06.2019).
7. Моросанова В. И., Коноз Е. М. Регуляторные аспекты основных личностных измерений (на модели Большой Пятёрки) // Журнал практической психологии. 2003. № 3. С. 51–57.
8. Моросанова В. И., Филиппова Е. В., Фомина Т. Г. Личностные и регуляторные предикторы успешности и надёжности действий школьников в ситуации экзамена // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 4. С. 4–17.
9. Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Ковас Ю. В. Взаимосвязь регуляторных, интеллектуальных и когнитивных особенностей учащихся с математической успешностью // Психологические исследования: [сайт]. 2014. Т. 7. № 34. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/963-morosanova34.html> (дата обращения: 14.06.2019).
10. Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Цыганов И. Ю. Осознанная саморегуляция и отношение к учению в достижении учебных целей. М., СПб., 2017. 380 с.
11. Моросанова В. И., Фомина Т. Г., Ованесбекова М. Л. Взаимосвязь осознанной саморегуляции, мотивации и личностных диспозиций с успеваемостью школьников // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2018. № 2. С. 124–133. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-124-133.
12. Слободская Е. Р., Сафронова М. В., Ахметова О. А. Личностные особенности и стиль жизни как факторы школьной успеваемости подростков // Психологическая наука и образование. 2008. № 2. С. 70–79.

13. Цыганов И. Ю., Ованесбекова М. Л., Моросанова В. И. Возрастная специфика саморегуляции и отношения к учению суворовцев // Вестник Удмуртского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 4. С. 468–477.
14. Bembenutty, H. Meaningful and maladaptive homework practices: The role of self-efficacy and self-regulation. *Journal of Advanced Academics*. 2011. Vol. 22. № 3. P. 448–473. DOI: 10.1177/1932202x1102200304
15. Bidjerano T., Yun Dai D. The relationship between the big-five model of personality and self-regulated learning strategies // *Learning and Individual Differences*. 2007. Vol. 17. № 1. P. 69–81. DOI: 10.1016/j.lindif.2007.02.001
16. Brookhart S. M. Teachers' grading: Practice and theory // *Applied measurement in Education*. 1994. Vol. 7. № 4. P. 279–301.
17. Chemolli E., Gagne M. Evidence Against the continuum structure underlying motivation measures derived from Self-Determination Theory // *Psychological Assessment*. 2014. Vol. 26. № 2. P. 575–585. DOI: 10.1037/a0036212
18. Dent A. L., Koenka A. C. The relation between self-regulated learning and academic achievement across childhood and adolescence: A meta-analysis // *Educational Psychology Review*. 2016. Vol. 28. № 3. P. 425–474. DOI: 10.1007/s10648-015-9320-8
19. Dignath C., Büttner G. Components of fostering self-regulated learning among students. A meta-analysis on intervention studies at primary and secondary school level // *Metacognition and learning*. 2008. Vol. 3. № 3. P. 231–264. DOI: 10.1007/s11409-008-9029-x
20. Dollinger S. J., Matyja A. M., Huber J. L. Which factors best account for academic success: Those which college students can control or those they cannot? // *Journal of Research in Personality*. 2008. Vol. 42. № 4. P. 872–885. DOI: 10.1016/j.jrp.2007.11.007
21. Dumfart B., Neubauer A. C. Conscientiousness Is the Most Powerful Noncognitive Predictor of School Achievement in Adolescents // *Journal of Individual Differences*. 2016. Vol. 37. № 1. P. 8–15. DOI: 10.1027/1614-0001/a000182
22. Garon-Carrier G. et al. Intrinsic Motivation and Achievement in Mathematics in Elementary School: A Longitudinal Investigation of Their Association // *Child development*. 2016. Vol. 87. № 1. P. 165–175. DOI: 10.1111/cdev.12458
23. Jansen M., Scherer R., Schroeders U. Students' self-concept and self-efficacy in the sciences: Differential relations to antecedents and educational outcomes // *Contemporary educational psychology*. 2015. Vol. 41. P. 13–24. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2014.11.002
24. Kriegbaum K., Jansen M., Spinath B. Motivation: A predictor of PISA's mathematical competence beyond intelligence and prior test achievement // *Learning and individual differences*. 2015. Vol. 43. P. 140–148. DOI: 10.1016/j.lindif.2015.08.026
25. Laidra K., Pullmann H., Allik J. Personality and intelligence as predictors of academic achievement: A cross-sectional study from elementary to secondary school // *Personality and Individual Differences*. 2007. Vol. 42. № 3. P. 441–451. DOI: 10.1016/j.paid.2006.08.001
26. McAbee S. T., Oswald F. L. The Criterion-Related Validity of Personality Measures for Predicting GPA: A Meta-Analytic Validity Competition // *Psychological Assessment*. 2013. Vol. 25. № 2. P. 532–544. DOI: 10.1037/a0031748
27. Morosanov V. I. Extraversion and neuroticism: the typical profiles of self-regulation // *European Psychologist*. 2003. № 4. P. 279–288. DOI: 10.1027//1016-9040.8.4.279
28. Morosanov V. I., Fomina T. G., Bondarenko I. N. Academic achievement: intelligence, regulatory, and cognitive predictors // *Psychology in Russia*. 2015. Vol. 8. №. 3. P. 136–156. DOI: 10.11621/pir.2015.03011
29. Morosanov V. I. et al. Self-regulation, personality factors, academic achievement in middle and senior school: variations across grade level // *The European Proceedings of Social and*

- Behavioral Sciences EpSBS. 2018. № 43. P. 401–410. DOI: <https://dx.doi.org/10.15405/epsbs.2018.07.53/>
30. Musu-Gillette L. E. et al. Trajectories of change in students' self-concepts of ability and values in math and college major choice // Educational research and evaluation. 2015. Vol. 21. № 4. P. 343–370. DOI: 10.1080/13803611.2015.1057161
31. Poropat A. E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance // Psychological Bulletin. 2009. Vol. 135. № 2. P. 322–338. DOI: 10.1037/a0014996
32. Robbins S. B. et al. Do psychosocial and study skill factors predict college outcomes? A meta-analysis // Psychological bulletin. 2004. Vol. 130. № 2. P. 261–288. DOI: 10.1037/0033-2909.130.2.261
33. Ryan A. M., Pintrich P. R. 'Should I ask for help?' The role of motivation and attitudes in adolescents' help seeking in math class // Journal of educational psychology. 1997. Vol. 89. №. 2. P. 329–341. DOI: 10.1037/0022-0663.89.2.329
34. Sitzmann T., Ely K. A meta-analysis of self-regulated learning in work-related training and educational attainment: What we know and where we need to go // Psychological bulletin. 2011. Vol. 137. № 3. P. 421–442. DOI: 10.1037/a0022777
35. Skinner E. A., Chapman M., Baltes P. B. Control, means-ends, and agency beliefs: A new conceptualization and its measurement during childhood // Journal of personality and social psychology. 1988. T. 54. №. 1. P. 117–133. DOI: 10.1037/0022-3514.54.1.117
36. Sorić I., Penezić Z., Burić I. The Big Five personality traits, goal orientations, and academic achievement // Learning and Individual Differences. 2017. Vol. 54. P. 126–134. DOI: 10.1016/j.lindif.2017.01.024
37. Trapmann S., Hell B., Hirn J. O. W., Schuler H. Meta-Analysis of the Relationship Between the Big Five and Academic Success at University // Zeitschrift fur Psychologie-Journal of Psychology. 2007. Vol. 215. № 2. P. 132–151. DOI: 10.1027/0044-3409.215.2.132
38. Vermunt J. D., Donche V. A. Learning Patterns Perspective on Student Learning in Higher Education: State of the Art and Moving Forward // Educational psychology review. 2017. Vol. 29. № 2. P. 269–299. DOI: 10.1007/s10648-017-9414-6
39. Zhang J., Ziegler M. How do the big five influence scholastic performance? A big five-narrow traits model or a double mediation model // Learning and Individual Differences. 2016. Vol. 50. P. 93–102. DOI: 10.1016/j.lindif.2016.07.011
40. Zimmerman B. J. Self-regulated learning and academic achievement: An overview // Educational psychologist. 1990. Vol. 25. № 1. P. 3–17. DOI: 10.1207/s15326985ep2501_2
41. Zupančič M., Kavčič T., Slobodskaya H. R., Akhmetova O. A. Broad and Narrow Personality Traits Predicting Academic Achievement Over Compulsory Schooling: A Cross-Sectional Study in Two Countries // Journal of Early Adolescence. 2016. Vol. 36. № 6. P. 783–806. DOI: 10.1177/0272431615588954
42. Winne P. H. Inherent details in self-regulated learning // Educational Psychologist. 1995. Vol. 30. № 4. P. 173–187. DOI: 10.1207/s15326985ep3004_2

REFERENCES

1. Bondarenko I. N., Tsyganov I. Yu., Morosanova V. I. [Non predictors of academic achievement of students of 9-11grades: structural model]. In: *Lichnostnyi resurs sub'ekta truda v izmenyayushcheysya Rossii: materialy V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 05–07 oktyabrya 2018 g. Ch. I: Simpozium «Sub'ekt i lichnost' v psikhologii samoregulyatsii»* [The personal resource of labor subject in changing Russia: materials of V International scientific-practical conference, October 5–7th, 2018. P. I: Symposium "Subject and personality psychology of self-regulation"]. Ivanovo, 2018, pp. 62–69.

2. Gordeeva T. O. [The motives of educational activity of students of secondary and senior classes of the modern school]. In: *Psikhologiya obucheniya* [Educational psychology], 2010, no. 6, pp. 17–32.
3. Gordeeva T. O., Gizhitsky V. V., Sychev O. A., Gavrichenkova T. K. [Motivation self-respect and respect for others as factors of academic achievement and persistence in learning activities]. In: *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 2016, vol. 37. no. 2, pp. 57–68.
4. Gordeeva T. O., Sychev O. A. [Motivational profiles as predictors of self-regulation and academic success of students]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14: Psychology], 2017, no. 1, pp. 67–87.
5. Konopkin O. A., Prygin G. S. [The relationship of academic achievement of students with individually-typological peculiarities of their self-regulation]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 1984, no. 3, pp. 42–52.
6. Kochergina E. V., Nai J. V. K., Orel E. A. [Factors of the Big five as psychological predictors of academic performance of university students]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2013, vol. 6, no. 27. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/776-kochergina27.html> (accessed: 18.06.2019).
7. Morosanova V. I., Konozy E. M. [Regulatory aspects of the basic personality dimensions (the Big Five model)]. In: *Zhurnal prakticheskoi psikhologii* [Journal of applied psychology], 2003, no. 3, pp. 51–57.
8. Morosanova V. I., Filippova E. V., Fomina T. G. [Personal and regulatory predictors of success and reliability of the actions of students in a situation of exam]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [The Moscow University Herald. Series 14: Psychology], 2014, no. 4, pp. 4–17.
9. Morosanova V. I., Fomina T. G., Kovas Yu. V. [The relationship of the regulatory, intellectual and cognitive characteristics of students with mathematical success]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological researches], 2014, vol. 7, no. 34. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n34/963-morosanova34.html> (accessed: 14.06.2019).
10. Morosanova V. I., Fomina T. G., Tsyganov I. Yu. *Osoznannaya samoregulyatsiya i otnoshenie k ucheniyu v dostizhenii uchebnykh tselei* [Conscious self-regulation and attitude towards teaching in achieving educational objectives]. Moscow, St. Petersburg, 2017. 380 p.
11. Morosanova V. I., Fomina T. G., Ovanesbekova M. L. [The relationship of students' perceived self-regulation, motivation and personal dispositions]. In: *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for basic research. Humanities and social sciences], 2018, no. 2, pp. 124–133.
12. Slobodskaya E. R., Safronova M. V., Akhmetova O. A. [Personal characteristics and style of life as factors of adolescents' school performance]. In: *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 2008, no. 2, pp. 70–79.
13. Tsyganov I. Yu., Ovanesbekova M. L., Morosanova V. I. [Age-related specificity of self-regulation and attitudes towards teaching cadets]. In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2017, vol. 27, no. 4, pp. 468–477.
14. Bembenutty H. Meaningful and maladaptive homework practices: The role of self-efficacy and self-regulation. In: *Journal of Advanced Academics*, 2011, vol. 22, no. 3, pp. 448–473.
15. Bidjerano T., Yun Dai D. The relationship between the big-five model of personality and self-regulated learning strategies. In: *Learning and Individual Differences*, 2007, vol. 17, no. 1, pp. 69–81.

16. Brookhart S. M. Teachers' grading: Practice and theory. In: *Applied measurement in Education*, 1994, vol. 7, no. 4, pp. 279–301.
17. Chemolli E., Gagne M. Evidence Against the continuum structure underlying motivation measures derived from Self-Determination Theory. In: *Psychological Assessment*, 2014, vol. 26, no. 2, pp. 575–585.
18. Dent A. L., Koenka A. C. The relation between self-regulated learning and academic achievement across childhood and adolescence: A meta-analysis. In: *Educational Psychology Review*, 2016, vol. 28, no. 3, pp. 425–474.
19. Dignath C., Büttner G. Components of fostering self-regulated learning among students. A meta-analysis on intervention studies at primary and secondary school level. In: *Metacognition and learning*, 2008, vol. 3, no. 3, pp. 231–264.
20. Dollinger S. J., Matyja A. M., Huber J. L. Which factors best account for academic success: Those which college students can control or those they cannot? In: *Journal of Research in Personality*, 2008, vol. 42, no. 4, pp. 872–885.
21. Dumfart B., Neubauer A. C. Conscientiousness Is the Most Powerful Noncognitive Predictor of School Achievement in Adolescents. In: *Journal of Individual Differences*, 2016, vol. 37, no 1, pp. 8–15.
22. Garon-Carrier G. et al. Intrinsic Motivation and Achievement in Mathematics in Elementary School: A Longitudinal Investigation of Their Association. In: *Child development*, 2016, vol. 87, no. 1, pp. 165–175.
23. Jansen M., Scherer R., Schroeders U. Students' self-concept and self-efficacy in the sciences: Differential relations to antecedents and educational outcomes. In: *Contemporary educational psychology*, 2015, vol. 41, pp. 13–24.
24. Kriegbaum K., Jansen M., Spinath B. Motivation: A predictor of PISA's mathematical competence beyond intelligence and prior test achievement. In: *Learning and individual differences*, 2015, vol. 43, pp. 140–148.
25. Laidra K., Pullmann H., Allik J. Personality and intelligence as predictors of academic achievement: A cross-sectional study from elementary to secondary school. In: *Personality and Individual Differences*, 2007, vol. 42, no. 3, pp. 441–451.
26. McAbee S. T., Oswald F. L. The Criterion-Related Validity of Personality Measures for Predicting GPA: A Meta-Analytic Validity Competition. In: *Psychological Assessment*, 2013, vol. 25, no. 2, pp. 532–544.
27. Morosanova V. I. Extraversion and neuroticism: the typical profiles of self-regulation. In: *European Psychologist*, 2003, no. 4, pp. 279–288.
28. Morosanova V. I., Fomina T. G., Bondarenko I. N. Academic achievement: intelligence, regulatory, and cognitive predictors. In: *Psychology in Russia*, 2015, vol. 8, no. 3, pp. 136–156.
29. Morosanova V. I. et al. Self-regulation, personality factors, academic achievement in middle and senior school: variations across grade level. In: *The European Proceedings of Social and Behavioral Sciences EpSBS*, 2018, no. 43, pp. 401–410.
30. Musu-Gillette L. E. et al. Trajectories of change in students' self-concepts of ability and values in math and college major choice. In: *Educational research and evaluation*, 2015, vol. 21, no 4, pp. 343–370.
31. Poropat A. E. A meta-analysis of the five-factor model of personality and academic performance. In: *Psychological Bulletin*, 2009, vol. 135, no. 2, pp. 322–338.
32. Robbins S. B. et al. Do psychosocial and study skill factors predict college outcomes? A meta-analysis. In: *Psychological Bulletin*, 2004, vol. 130, no. 2, pp. 261–288.

33. Ryan A. M., Pintrich P. R. 'Should I ask for help?' The role of motivation and attitudes in adolescents' help seeking in math class. In: *Journal of educational psychology*, 1997, vol. 89, no. 2, pp. 329–341.
34. Sitzmann T., Ely K. A meta-analysis of self-regulated learning in work-related training and educational attainment: What we know and where we need to go. In: *Psychological Bulletin*, 2011, vol. 137, no. 3, pp. 421–442.
35. Skinner E. A., Chapman M., Baltes P. B. Control, means-ends, and agency beliefs: A new conceptualization and its measurement during childhood. In: *Journal of personality and social psychology*, 1988, vol. 54, no. 1, pp. 117–133.
36. Sorić I., Penezić Z., Burić I. The Big Five personality traits, goal orientations, and academic achievement. In: *Learning and Individual Differences*, 2017, vol. 54, pp. 126–134.
37. Trapmann S., Hell B., Hirn J. O. W., Schuler H. Meta-Analysis of the Relationship Between the Big Five and Academic Success at University. In: *Zeitschrift für Psychologie-Journal of Psychology*, 2007, vol. 215, no. 2, pp. 132–151.
38. Vermunt J. D., Donche V. A. Learning Patterns Perspective on Student Learning in Higher Education: State of the Art and Moving Forward. In: *Educational psychology review*, 2017, vol. 29, no. 2, pp. 269–299.
39. Zhang J., Ziegler M. How do the big five influence scholastic performance? A big five-narrow traits model or a double mediation model. In: *Learning and Individual Differences*, 2016, vol. 50, pp. 93–102.
40. Zimmerman B. J. Self-regulated learning and academic achievement: An overview. In: *Educational psychologist*, 1990, vol. 25, no. 1, pp. 3–17.
41. Zupančič M., Kavčič T., Slobodskaya H. R., Akhmetova O. A. Broad and Narrow Personality Traits Predicting Academic Achievement Over Compulsory Schooling: A Cross-Sectional Study in Two Countries. In: *Journal of Early Adolescence*, 2016, vol. 36, no. 6, pp. 783–806.
42. Winne P. H. Inherent details in self-regulated learning. In: *Educational Psychologist*, 1995, vol. 30, no. 4, pp. 173–187.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ишмуратова Юлия Алексеевна – научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО (г. Москва);
e-mail: yuska3@mail.ru;

Потанина Анна Михайловна – младший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО (г. Москва);
e-mail: a.m.potan@gmail.com;

Цыганов Игорь Юрьевич – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО (г. Москва);
e-mail: i4321@mail.ru;

Моросанова Варвара Ильинична – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО, заведующий лабораторией психологии саморегуляции Психологического института РАО (г. Москва);
e-mail: morosanova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yulia A. Ishmuratova – scientific researcher, Laboratory of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education (Moscow);
e-mail: yuska3@mail.ru

Anna M. Potanina – junior researcher, Laboratory of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education (Moscow);
e-mail: a.m.potan@gmail.com

Igor Yu. Tsyganov – PhD, senior researcher, Laboratory of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education (Moscow);
e-mail: i4321@mail.ru

Varvara I. Morosanova – Doctor of Psychology, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Head of the Laboratory of Psychology of Self-regulation, Psychological Institute of the Russian Academy of Education (Moscow);
e-mail: morosanova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Некогнитивные предикторы академических достижений в различные периоды обучения / Ю. А. Ишмуратова, А. М. Потанина, И. Ю. Цыганов, В. И. Моросанова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 25–40.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-25-40

FOR CITATION

Ishmuratova Yr. A., Potanina A. M., Tsyganov I. Yu., Morosanova V. I. Noncognitive predictors of academic success at different stages of education. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 25–40.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-25-40

УДК 159.9.07

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ ЛИЧНОСТИ КАК ФАКТОР ЭФФЕКТИВНОГО ПРЕОДОЛЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТРЕССОВ

Соловьев М. Н.*Краснодарский университет МВД России**350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассмотрены популярные психологические теории и взгляды исследователей на психологическую устойчивость личности, личностные ресурсы устойчивости и пути преодоления стрессов и депрессий, возникающих в деятельности, и описаны различные теоретические подходы исследователей к феномену психологической устойчивости, её характеристики и неотъемлемые свойства. Рассматриваются вопросы возникновения профессиональных стрессов и пути их преодоления, необходимость развития психологической устойчивости личности для успешной деятельности и жизнедеятельности человека. В статье изложены результаты теоретического анализа проблемы, проведено эмпирическое исследование с целью изучения влияния наиболее значимых стрессовых ситуаций на профессиональную деятельность с учётом показателя уровня самооценки испытуемого, его профессиональных навыков. Исследование строилось на основе субъектно-деятельностного подхода. Эмпирическую базу исследования составила выборка из 44 человек, мужчин в возрасте от 27 до 43 лет ($M = 31$), официально работающих в коммерческих компаниях, имеющих стабильную зарплату, оплачиваемый отпуск, социальный пакет. Применялись: методика «самооценка личности» О. И. Моткова, модифицированный опросник Андерсона и Маркса и неформализованная беседа с испытуемыми. Для статистического анализа значимости различий показателей применялась программа SPSS Statistics 20 с вычислением t -критерия Стьюдента. Анализ результатов исследования позволил раскрыть особенности влияния отдельных стрессоров на свойства психологической устойчивости личности, эмпирически выявлены наиболее эффективные механизмы противодействия стрессу и депрессии с помощью развития свойств психологической устойчивости личности. Статья адресована психологам и специалистам, осуществляющим психологическую подготовку, реабилитацию и работу с сотрудниками своих компаний и предприятий.

Ключевые слова: психологическая устойчивость, стресс, противодействие, депрессия, сопротивляемость, конфликтная ситуация, стрессоустойчивость, стрессоры

PSYCHOLOGICAL STABILITY OF PERSONALITY AS A FACTOR OF EFFECTIVE OVERCOMING STRESS AND DEPRESSION

M. Soloviev*Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia**128, Yaroslavskaya rd., Krasnodar 350005, Russian Federation*

Abstract. The article discusses popular psychological theories and views of researchers on the psychological stability of an individual, as well as on personal resources of sustainability, and ways to overcome stress and depression. Various theoretical approaches of researchers to the phenomenon of psychological stability, its characteristics and inherent properties are described. The question of the need to develop the psychological stability of the individual in the modern world is considered. The article presents the results of a theoretical analysis of the problem. An empirical study was conducted to study the effect of the most significant stressful situations on professional activity, taking into account the indicator of the subject's self-assessment, his professional skills. The study was based on the subject-activity approach. The empirical base of the study was a sample of 44 people, men aged from 27 to 43 years ($M = 31$), officially working in commercial companies with a stable salary, paid vacation, and social package. The method of "self-assessment of personality" by O. I. Motkov was used, as well as a modified Anderson and Marx questionnaire and non-formalized conversation with subjects. For statistical analysis of the significance of differences in indicators the SPSS Statistics 20 program was used with the calculation of the Student's t-criterion. Analysis of the research results allowed us to reveal the peculiarities of the influence of individual stressors on the human psyche, on the properties of the psychological stability of the individual, empirically identified the most effective mechanisms to counter stress and depression through the development of the properties of the psychological stability of the personality. The article is addressed to psychologists and specialists engaged in psychological preparation, rehabilitation and work with employees of their companies and enterprises.

Keywords: psychological stability, stress, counteraction, depression, resilience, conflict situation, resistance to stress, stressors

Введение

Психологическая устойчивость личности – одно из самых многогранных понятий в психологии, включающее в себя множество индивидуальных свойств личности, позволяющих человеку меняться вместе со стремительно меняющимися условиями существования в окружающем мире, подстраиваться под эти условия, противостоять негативным факторам воздействия на психику и деятельность индивида. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что это некая жизнестойкость психики личности, её стрессоустойчивость к воздействию внешних стрессоров.

Актуальность темы исследования состоит в том, что наша профессиональная деятельность оказывает огромное влияние как на саму психи-

ку, так и на нашу жизнь в целом. Она воспитывает в нас чувство ответственности, собранности, учит межличностному общению, субординации и зачастую ограничивает жёсткими рамками личностные стремления и профессиональный рост, творческие проявления и инновационные предложения по улучшению условий и производительности труда. Именно профессиональная деятельность является для большинства людей стрессогенным фактором, оказывающим свое влияние на «здоровую психику», на формирование у человека фобий, страхов, апатий, на развитие не только депрессий и профессиональных стрессов, но и физических недугов и заболеваний, т. е. оказывает воздействие на физиологические функции организма.

Одним из свойств личности, позволяющих противостоять возникновению недугов, стрессов и депрессий, является психологическая устойчивость личности, жизнестойкость в сложных и тяжёлых условиях труда и жизнедеятельности.

Изучением свойств и особенностей психологической устойчивости личности занимались такие известные авторы, как Л. М. Аболин, Б. Х. Варданян, Б. В. Зейгарник, П. Б. Зильберман, Л. В. Куликов, Л. А. Китаев-Смык, Е. П. Крупник, К. К. Платонов, Д. Я. Райгородский, Ю. В. Щербатых и др. А. Н. Леонтьев в своих трудах неоднократно указывал, что устойчивость личности формируется в деятельности и обусловлена некими обстоятельствами, например такими, как мотивы, убеждения и направленность.

Вместе с тем изучение отдельных свойств психологической устойчивости в совокупности с развитием её особенностей для преодоления профессионального стресса и депрессии за последние 5–10 лет проводилось мало и описано в основном в трудах научных конференций и докладов на научно-практических семинарах, что само по себе недостаточно в рамках обширного изучения данной проблемы.

Цель исследования: теоретически обосновать и изучить с помощью эмпирических исследований причины возникновения профессиональных стрессов, выявить наиболее значимые стрессовые ситуации в профессиональной деятельности, их взаимосвязь с уровнем самооценки и влияние этих факторов на психологическую устойчивость личности.

Задача исследования: систематизировать стрессовые ситуации в про-

фессиональной деятельности по мере их значимости, раскрыть механизмы влияния стрессов на психологическую устойчивость личности.

Гипотеза исследования: высокий уровень психологической устойчивости личности позволяет человеку успешно противостоять развитию профессионального стресса и депрессии, гармонично развиваться как профессионалу и личности в целом.

Методы исследования: теоретическое изучение и анализ научных трудов и материалов по данной проблематике исследования; адаптированный опросник Андерсона и Маркса (Anderson, 1972, Marx, 1975), состоящий из десяти смоделированных ситуаций, отражающих наиболее оптимально подходящие к нашему исследованию утверждения; методика «самооценки личности» О. И. Моткова; неформализованная беседа с каждым испытуемым для более глубокого и детального изучения проблематики, связанной с профессиональными стрессами, личностных характеристик испытуемых и индивидуальных особенностей по преодолению профессиональных депрессий.

Статистическая обработка результатов эмпирического исследования производилась с использованием метода вычисления t-критерия Стьюдента из пакета SPSS Statistics 20. Применялись сравнительный анализ средних показателей результатов исследования, группировка наиболее важных критериев исследования по количественному соотношению показателей для определения наиболее значимых стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности, дополнительно применены методы графического представления отдельных показателей исследования

для наглядности отображения чётких различий полученных результатов.

Теоретический анализ проблемы

Деятельность человека, его взаимодействие с окружающим миром, является основным фактором развития личности, физический и умственный труд – залог успеха существования человека в современном мире с его постоянно меняющимися и развивающимися условиями труда.

В отечественной психологии деятельностный подход к изучению психических феноменов личности начал формироваться в 20-х гг. XX в. С. Л. Рубинштейном и А. Н. Леонтьевым. Основным предметом изучения была деятельность как опосредствующая психические процессы человека. Деятельность рассматривалась как совокупность определённых действий, которые направлены на достижение целей. Именно деятельность выступала основным фактором определения сознания [14, с. 124].

В трудах Р. С. Немова отмечено, что ещё с раннего детства ребёнок учится противостоять стрессорам и принимать определённые самостоятельные решения, у него складываются те черты личности, мотивы и потребности, без которых успешное развитие самого индивида просто невозможно [15, с. 209].

Если понятие «деятельность» – это довольно широкое понятие, включающее в себя все аспекты жизнедеятельности человека и его взаимодействие с окружающим миром, то понятие «профессиональная деятельность» – намного уже и является довольно значимой составляющей частью развития личности. Профессиональная деятель-

ность не хаотична, она организована, структурирована, нацелена на создание определённого результата. Здесь чётко определены задачи и мотивы и конкретные потребности, ради которых она осуществляется. И в качестве таких основных потребностей выступают материальные, т. е. естественная потребность в обеспечении своей жизнедеятельности и психологической удовлетворённости [16, с. 127].

Вся профессиональная деятельность человека затрагивает так или иначе все элементы психологических характеристик и установок личности, оказывает огромное влияние на психические процессы, формирующие поведение, отношение к окружающим, межличностное общение и отношение к себе, самооценку. Благодаря этой деятельности человек попадает в определённую нишу того окружения, которое помогает ему развиваться или же, наоборот, вызывает стагнацию, тревогу, неудовлетворённость и приводит в конечном итоге к развитию стресса и депрессиям [7, с. 130]. Именно в результате формирования профессиональных стрессов и депрессий человек теряет свою энергию и у него развивается психосоматическая усталость, снижается самооценка и появляются немотивированная тревога, страх, раздражительность и эмоциональное истощение – «выгорание» [22, р. 712].

Довольно много научных исследовательских работ посвящено проблемам «профессионального выгорания» и «профессионального стресса», в которых описываются причины возникновения такого рода проблем, пути их профилактики и решения [8, с. 205].

Изучение особенностей психологической устойчивости личности в

деятельности и взаимосвязи свойств психики и деятельности можно встретить в трудах Дж. Виткина, С. Кобаса, С. Мадди, Г. Селье, Д. Фонтана, Ю. Щербатых [6; 18; 22; 23] и за последние пять лет в научных работах Г. Ю. Авдиенко, Т. Ф. Алахверановой, Т. Д. Барышевой, А. А. Волкова, М. К. Кадыровой, С. И. Кораблева, М. Х. Шхагапсоевой [1; 2; 3; 11] и др.

Анализ исследований, проведённых за последние 10–15 лет, говорит о том, что профессиональная деятельность рассматривается многими авторами как один из основных факторов возникновения стрессов и депрессий, потери интереса к ярким событиям в жизни, к саморазвитию и межличностному общению. Сегодня профессиональная деятельность человека в отдельных отраслях приводит к серьёзным проблемам, таким как нарушение психофизиологических функций организма и ослабление здоровья человека вплоть до инвалидности, зачастую ведёт к нервным срывам, а иногда и к суициду [20, с. 151]. Это следствие того, что наша деятельность направлена в первую очередь на удовлетворение естественных потребностей и в большинстве случаев не удовлетворяет их и не оправдывает наших ожиданий, что и влечёт за собой негативное влияние стрессоров на психику человека.

Профессиональная деятельность занимает в нашей жизни почти всё основное время, от 8 до 12, а иногда и до 14 часов в сутки, оказывает большое влияние на нашу психическую деятельность, внутренний мир установок и притязаний, физическое и психологическое здоровье. В последнее время, 10–15 лет, на рынке труда нет хорошо оплачиваемых рабочих мест, молодые

специалисты, заканчивая учебные заведения, в условиях современной реальности не могут получить ожидаемую работу по специальности и трудоустроиться. Уже в начале своего трудового пути молодёжь не удовлетворена условиями труда, заработной платой, отношением руководства и предлагаемым социальным пакетом, что, в свою очередь, влечёт к возникновению слабой мотивации, психической напряжённости, апатии и в конечном счёте запускает механизмы возникновения стрессов и депрессий.

Страх, тревога, неопределённость в завтрашнем дне, переполненный рынок труда, потребность в получении небольшой, но стабильной ежемесячной заработной платы заставляют человека оставаться на своём рабочем месте, страдать от ненадлежащих условий труда, находиться в психологической напряжённости и психической подавленности вместо того, чтобы сделать правильный выбор, побороть тревогу и сменить работу, выйти из окружения дискомфорта [1, с. 104].

Рассматривая стресс, связанный с профессиональной деятельностью, можно с уверенностью утверждать, что это реакция организма на завышенные требования работодателя, несоответствующие уровню знаний и навыков сотрудников [3, с. 8].

В 2006 г. было проведено масштабное исследование в 15 странах Европейского союза: 56 % рабочих отмечали высокие темпы работы, 60 % – жёсткие сроки её выполнения, 40 % – её монотонность и свыше трети не имели возможности оказать своё влияние на порядок выполнения поставленных заданий. Связанные с работой стрессовые факторы способствуют

развитию и проблем с самочувствием. Так, 15 % опрошенных жаловались на головную боль, 23 % – на боль в области шеи и плеч, 23 % отмечали общую усталость организма, 28 % – на стрессовое состояние и 33 % – на боль в спине¹. Приведённые данные свидетельствуют в первую очередь о «психосоматической усталости».

Теоретический анализ научной литературы, затрагивающей проблематику мотивационной сферы профессиональной деятельности, возникновение стрессов и депрессии у специалистов различных профессий, показывает, что в преодолении стрессовых ситуаций неоспоримую и важную роль играет психологическая (эмоциональная) устойчивость личности, её жизнестойкость, т. е. способность «правильно реагировать» на сложившиеся ситуации, умение грамотно решать возникающие тревожные состояния и психологические страхи, адаптироваться к условиям среды [2, с. 271].

Следует отметить тот факт, что существуют индивидуальные различия в той степени, в которой люди эффективно реагируют и справляются со стрессовыми ситуациями. Эта идея, возможно, лучше всего представлена такой личностной чертой, известной как психологическая устойчивость, которая описывает предрасположенность человека быть стойким к вредному воздействию стрессоров и эффективно адаптироваться и справляться с окружающей и требовательной средой. В частности, психологически устойчивые люди глубоко привержены и вовлечены во многие различные жизненные сфе-

ры (например, семью, друзей, работу и т. д.). Они, как правило, считают, что контролируют то, что происходит в их жизни, и они склонны воспринимать сложные ситуации как вызовы, а не как угрозы. Таким образом, психологическая устойчивость объясняет, почему некоторые люди не подвержены влиянию стрессовой среды.

Несмотря на то, что психологическая устойчивость считается существенным показателем нескольких важных критериев, концептуализация устойчивости всё ещё обсуждается и привлекает значительное исследовательское внимание. Так, в течение последних 50 лет тема психологической устойчивости изучена довольно глубоко в работах таких отечественных авторов, как О. С. Васильева, М. И. Дьяченко, Е. П. Ильин, Т. И. Колесникова, Л. В. Куликов, И. С. Кон, В. Л. Марищук, Р. С. Немов, Г. Оллпорт, В. М. Писаренко, Е. И. Рогов, М. Ф. Секач, В. В. Суворова, А. Н. Сухов, при этом текущее аналитическое исследование предлагает рассмотреть уникальный эффект отдельных компонентов устойчивости, а также отношения между устойчивостью и стрессорами.

Прежде чем рассмотреть механизмы развития профессиональных стрессов, пути их преодоления посредством развития характеристик психологической устойчивости личности, необходимо дать понятие этому определению. Так, Б. Х. Варданян определяет её как форму особого взаимодействия всех компонентов психической деятельности, в том числе эмоциональных. Он считает, что устойчивость «...можно более правильно определить как свойство личности, которое обеспечивает

¹ Профессиональный стресс [Электронный ресурс]. URL: <https://psy.su/feed/1925> (дата обращения: 27.06.2019).

гармоничное отношение между всеми компонентами психической деятельности в эмоциональной ситуации и тем самым содействует успешному выполнению деятельности» [5, с. 542].

П. Б. Зильберман предлагает своё определение устойчивости, рассматривая её как некое внутреннее свойство личности, которое характеризуется как определённое взаимодействие эмоционально-волевых, интеллектуальных и мотивационных свойств психической деятельности личности, обеспечивающих оптимальное и успешное достижение цели в сложной обстановке [9, с. 152].

Исходя из приведённых определений устойчивости личности, данный феномен рассматривается как характеристика, которая влияет на продуктивность деятельности человека.

Отечественные исследователи (Е. П. Крупник, Э. А. Костандова) выделили пять характерных аспектов психологической устойчивости: «стойкость, стабильность, уравновешенность, соразмерность и сопротивляемость» [13 с. 43]. По их мнению, в устойчивость включена способность к нахождению некоего продуктивного баланса для жизнедеятельности и удерживанию его [12, с. 28].

Зарубежными исследователями устойчивость обычно определяется как некая многомерная конструкция, состоящая из трёх компонентов: приверженность, контроль и вызов.

В данной работе даётся более широкое понятие психологической устойчивости как многомерного качества личности, включающее уравновешенность, сопротивляемость, стойкость, обеспечивающее возможность противостоять неблагоприятному давлению

на неё со стороны различных стрессоров, связанных в основном с профессиональной деятельностью.

Устойчивость – это лишь одна из многих личностных характеристик, которые привлекли внимание исследователей стресса. Некоторые теоретики утверждают, что различные черты личности могут определять степень уязвимости человека перед воздействием стрессовых ситуаций [21, р. 195]. Например, человек с высоким уровнем психологической устойчивости предрасположен к тому, чтобы воспринимать меньшее количество стрессоров во внешней среде. Личность с высоким уровнем психологической устойчивости может противодействовать внешнему негативному воздействию, а каждый компонент устойчивости может привести к увеличению определённых ресурсов личности, которые можно использовать для борьбы со стрессом.

Важно отметить, что развитие стресса в профессиональной деятельности является острой и серьёзной проблемой. В научных обзорах литературы по этой теме показано, что ряд стрессогенных факторов, таких как профессиональная неопределённость, конфликты, рабочие перегрузки и проч., зачастую бывают тесно связаны с психическим и психосоматическим напряжением, изменениями в поведении и в неблагоприятных последствиях жизнедеятельности [4; 17].

Таким образом, стресс является для личности такой угрозой, эмоциональное переживание которой оказывает влияние на её способность эффективно осуществлять свою деятельность.

Анализ психологической литературы по взаимовлиянию устойчивости на производительность в различных

областях показал, что между этими понятиями существует прямая зависимость, т. е. высокий уровень психологической устойчивости личности способствует повышению производительности труда, что может быть особенно заметно при выполнении заданий в стрессовых ситуациях.

В исследовании вопроса психологической устойчивости большое внимание учёными было уделено ответным реакциям людей, которые подвержены стрессовым воздействиям (копинг-стратегиям). Эти стратегии совладающего поведения можно разделить на две группы: активные и регрессивные стратегии выживания. Активные, или трансформационные стратегии преодоления включают в себя здоровые средства борьбы со стрессорами путём преобразования окружающей среды с высоким уровнем стресса в благоприятный жизненный опыт [10, с. 18].

Более того, целеустремленность, свойственная личности с высоким уровнем психологической устойчивости, может побуждать её к активному деятельностному поведению без регрессивных, нерезультативных копинг-стратегий.

Важно заметить, что психологическая устойчивость личности положительно связана с социальной поддержкой, так как предполагает активное участие в различных жизненных сферах, таких как семья, друзья, работа и различные социальные действия [11, с. 24]. Другая возможность состоит в том, что психически уравновешенные и устойчивые люди, как правило, более социально «привлекательны», и это облегчает им получение поддержки.

Бесспорно, развитие свойств психологической устойчивости личности

ведёт к стрессоустойчивости человека, его жизнестойкости при негативном воздействии стрессоров.

Результаты исследования и их обсуждение

На первом этапе исследования для выявления наиболее значимых стрессовых ситуаций в профессиональной деятельности, оказывающих своё большое влияние на человека, испытуемым предлагалось выстроить стрессовые ситуации по мере их значимости по десятибалльной шкале, где 10 – высокий показатель стресса и 1 – низкий, всего в адаптированном опроснике описано 10 ситуаций (рис. 1).

Проведённый сравнительный анализ средних показателей результатов исследования продемонстрировал, что наиболее значимой стрессовой ситуацией для испытуемых является «потеря работы, увольнение» – 63,6 %, наименее значимой: «ненормированный рабочий день» – 18 %.

Таким образом, теоретический обзор проблематики, указывающий, что страх, тревога и неопределённость вынуждают человека жертвовать своими профессиональными требованиями и притязаниями, т. е. оставаться в зоне профессионального и психического дискомфорта, подтверждается полученными результатами исследования: человек в большей мере всегда заинтересован в стабильности, его «пугает» факт потери работы. Результат такого исследования позволяет утверждать, что потеря работы является «постоянным стрессом внутри самой личности», и не важно, на каком этапе карьеры он присутствует уже в начале профессионального пути и является, бесспорно, неким мотивационным

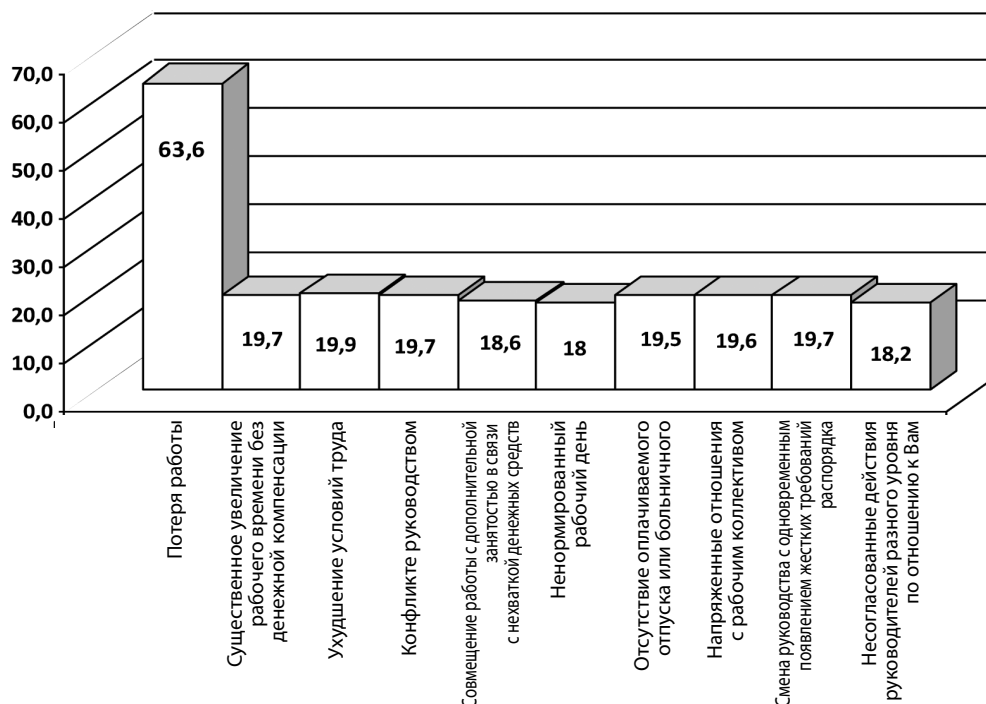

Рис. 1. Общие показатели оценки стрессовых ситуаций в процентном соотношении

фактором для осуществления деятельности.

На втором этапе исследования изучалась самооценка личности респондентов и предлагалась методика «самооценка личности» О. И. Моткова. В результате кластерного анализа, применённого к массиву данных, выборка испытуемых была разделена на две группы: с высоким уровнем самооценки – 24 человека; со средним уровнем и уровнем ниже среднего – 20 человек (табл. 1).

Полученные показатели оценки личностных качеств испытуемыми свидетельствуют о том, что для первой группы характерны высокие показатели по волевым качествам, самостоятельности, гармоничности и креативности. Вторая группа продемонстрировала высокие показатели по самостоятельности

и гармоничности. Данные результатов самооценки в первой группе свидетельствуют о более реалистичной оценке своих личностных качеств испытуемыми, показывают позитивную динамику развития личностных качеств и высокую согласованность своего выбора и принимаемых решений. Сравнительный анализ результатов исследования позволяет прогнозировать вывод, что успешность деятельности в профессиональной сфере в первой группе будет выше, чем во второй.

Показатели первой и второй группы по t-критерию Стьюдента выявили значимые различия между двумя группами: $t = 2,582$, $p < 0,05$, следовательно, статистически достоверные различия между двумя группами установлены и подтверждаются результатами исследования.

Таблица 1.
Средние оценочные показатели личностных качеств

№	Показатель (фактор личности)	Самооценка качеств личности 1-й группы	Уровень самооценки 1-й группы	Самооценка качеств личности 2-й группы	Уровень самооценки 2-й группы	Нормативные показатели
1	Воля	4,27	высокий	3,67	средний	2,91-3,70
2	Нравственность	3,65	средний	3,58	средний	3,71-4,50
3	Самостоятельность	4,42	высокий	3,92	высокий	3,71-4,50
4	Гармоничность	3,80	высокий	3,77	высокий	2,91-3,70
5	Креативность	4,21	высокий	3,18	средний	2,91-3,70
6	Экстраверсия	3,64	средний	3,60	средний	3,71-4,50
	Общая самооценка (средний показатель)	3,99	высокий	3,62	средний	2,91-3,70

При проведении анализа полученных результатов первого и второго этапов исследования установлено, что в первой группе испытуемых с высокой самооценкой всего 9 (37,5 %) человек, меньшая часть группы, оценили наиболее значимой для себя ситуацию с потерей работы, тогда как во второй группе испытуемых эта стрессовая ситуация была выбрана в качестве основной – 19 (95 %) человек. Более того, во второй группе наблюдалось значительное количество максимальных показателей (значение 10) при оценке той или иной стрессовой ситуации, при этом 4 (20 %) человека из этой группы имеют действующие дисциплинарные взыскания: выговор и строгий выговор. Вторая группа оценивала стрессовые ситуации с выставлением максимальных значений, тогда как первая группа оценивала эти же стрессовые ситуации с проставлением баллов не выше 6-ти или 7-ми, что является средним или чуть выше среднего показателем оценки значимости ситуации.

Таким образом, сделав вывод по двум этапам проведённого исследования, мы выявили личностные особенности людей с высокой самооценкой, для которых в большей мере стресс – это всего лишь очередное препятствие к достижению цели и воспринимается ими как преодолимый барьер. Такие характеристики личности позволяют без ущерба деятельности, психики и здоровья находить оптимальные пути решения возникающих проблем и профессиональных задач, выходить победителем и усваивать определённые уроки из таких ситуаций.

На третьем этапе исследования с каждым испытуемым проводилась неформализованная беседа для более детального изучения способов противодействия профессиональным стрессам. В результате анализа полученных от респондентов ответов для первой группы наиболее характерными способами борьбы со стрессами и депрессиями явились такие способы, как занятие спортом, отдых на природе с

семьей, в компании друзей или коллег. Для второй группы наиболее характерны отдых в кино, встреча с близкими друзьями, отдых в кругу семьи. В целом существенных различий между группами респондентов по выявленным способам борьбы со стрессами не установлено, что свидетельствует о схожести механизмов противодействия стрессам у людей с разным уровнем самооценки, самостоятельности, воли и нравственности.

Подводя итог исследований, можем утверждать наличие прямой взаимосвязи самооценки личности и её стрессоустойчивости в профессиональной деятельности, а также более высокую адаптивность психики к внешним раздражителям [19, с. 140]. Чем выше самооценка, тем личность более стрессоустойчива, самодостаточна и самостоятельна, имеет более высокие волевые качества. Такая личность наименее восприимчива к депрессивным состояниям, в том числе в своей профессиональной деятельности, она психологически лучше готова к резким жизненным изменениям или потрясениям, характеризуется способностью разумно и чётко корректировать свои действия и находить правильные решения из затруднительных ситуаций как в жизни, так и в профессии. Личность с высокой самооценкой способна адекватно оценивать свои силы и способности, грамотно планировать свою деятельность, такая личность устойчива к внешним раздражителям, более жизнестойка в любых ситуациях и обладает достаточными ресурсами психологической устойчивости для противодействия стрессам.

Таким образом, можно прогнозировать, что высокие показатели инди-

видуально-психологических свойств личности взаимосвязаны с уровнем психологической устойчивости к стрессам и позволяют успешно развиваться в профессиональной деятельности, адаптироваться к неблагоприятным обстоятельствам, конструктивно преодолевать их и двигаться к намеченной цели.

Заключение

Возникающие в процессе профессиональной деятельности стрессы, депрессии, психосоматические недомогания сопровождают человека на протяжении всей его сознательной жизни и несут деструктивное воздействие на психику человека и его здоровье. В современных условиях существования человеку не хватает времени на саморазвитие, самообразование, отдых и развитие своих социально-психологических навыков, способствующих противодействовать окружающим его стрессорам. Удовлетворение своих жизненно необходимых материальных потребностей заставляет проводить большую часть своей жизни на работе, ограничивая творческие и креативные способности человека, погружает личность в негативную, давящую и жестокую «среду обитания». Вследствие чего личность перестает гармонично развиваться, адекватно реагировать на различные ситуации, развиваются апатия и стресс, что приводит к угасанию профессиональных навыков и в конечном итоге к потере работы.

Люди с низкой самооценкой не способны справляться с такими проблемами без ущерба для себя, преодолевать стресс, извлекая из него положительный урок и мотивировать себя на дальнейшее саморазвитие и самообразование.

И, наоборот, человек с высокой самооценкой и уверенностью в своих силах всегда найдёт правильное решение поставленной задачи и преодолеет встречающиеся на его пути профессиональные неудачи с положительным опытом, мотивируя себя на повышение своего уровня подготовки и развитие личностных ресурсов психологической устойчивости, стрессоустойчивости.

Таким образом, необходимо уделять большое внимание развитию психологической устойчивости, которая является сложным и многогранным свойством личности, основные критерии которой проявляются именно в профессиональной деятельности человека и неразрывно с ней связаны.

Развитие качеств психологической устойчивости личности является основным фактором противодействия негативному влиянию окружающих стрессоров. Для эффективного преодоления профессиональных стрессов необходимо повышать уровень мотивации, волевые качества, интеллектуальные способности и когнитивные процессы, а для этого необходимы не только работа личности над собой и своим физическим здоровьем, но и грамотная комплексная профилактика деятельности сотрудников штатными психологами, а также морально-психологическая подготовка сотрудников

к деятельности в сложных условиях, организация различных психологических тренингов, досуга для работников и членов их семей, проведение командных соревнований и выездных туристических мероприятий для повышения сплочённости коллектива, воспитательская работа по повышению веры сотрудников в свои силы и способности, постоянное обучение работников и повышение их квалификации.

Личность с высоким уровнем психологической устойчивости либо будет иметь, либо получит ресурсы, необходимые для борьбы с профессиональными стрессами.

Учитывая, что устойчивость была первоначально описана как характеристика, имеющая возможность сознательного развития, безусловно, при разработке тренингов по развитию психологической устойчивости для противодействия профессиональным стрессам специалистам и психологам необходимо принимать во внимание многогранность её компонентов, уникальную разницу в её критериях, учитывать психологические особенности и направленность личности, а также совокупность устойчивых мотивов, ориентирующих деятельность человека в целом.

*Статья поступила
в редакцию 19.06.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдиенко Г. Ю. Психологическая устойчивость военнослужащих. Сущность, методика ее повышения // Материалы XI Международной научно-практической конференции молодых ученых. СПб., 2016. С. 103–106.
2. Алахверанова Т. Ф. Психологическая устойчивость личности // Аллея науки. 2019. Т. 4. № 1. С. 270–274.
3. Барышева Т. Д. Устойчивость личности как фактор социально-психологического благополучия человека // Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Мурманск. 2015. С. 6–13.

4. Бодров В. А. Информационный стресс : учеб. пособие. М., 2000. 352 с.
5. Варданян Б. Х. Механизмы регуляции эмоциональной устойчивости // Категории, принципы и методы психологии. Психические процессы. М., 1983. С. 542–543.
6. Виткин Дж. Мужчина и стресс. СПб. 1996. 224 с.
7. Геляхова Л. А. Устойчивость сотрудников ОВД к экстремальным ситуациям служебной деятельности // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2. С. 130–132.
8. Денисов А. А., Терехина Н. В. Психология эмоционального выгорания (на материалах эмпирического исследования профессиональной деятельности стоматологов) // Практическая социология, психология и педагогика. 2017. № 3. С. 205–221.
9. Зильберман П. Б. Эмоциональная устойчивость оператора // Очерки психологии труда оператора. М., 1994. С. 138–172
10. Поведение человека в трудных ситуациях / М. К. Кадырова, Д. Э. Абдувахובה, О. Э. Эшмурадов, Б. У. Расулов, Н. Х. Абдукадырова // Актуальные вопросы современной психологии: материалы IV Международной научной конференции. Краснодар, 2017. С. 17–20.
11. Казымова Н. Н. Индивидуально-психологические ресурсы устойчивости человека к переживанию террористической угрозы: дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 135 с.
12. Костандов Э. А. Восприятие и эмоции. М., 2007. 470 с.
13. Крупник Е. П. Психологическая устойчивость личности как методологическая категория. М., 2004. 102 с.
14. Немов Р. С. Психология: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: в 2 кн. Кн. 2. М., 1994. 496 с.
15. Немов Р. С. Психология: учебник для студентов высших педагогических учебных заведений: в 2 кн. Кн. 1. М., 1994. 565 с.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. Т. 2. М., 1989. 322 с.
17. Совмиз З. Р. Психологические ресурсы личности как субъекта преодоления стресса в условиях командной деятельности: дис. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2017. 275 с.
18. Фролов А. А. Роль самооценки в профессиональном становлении сотрудника полиции // Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2017. С. 137–145
19. Фонтана Д. Как справиться со стрессом. М., 1995. 352 с.
20. Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. СПб., 2008. 256 с.
21. Beehr T. A., Bowling N. A. Hardy personality, stress, and health // Handbook of stress medicine and health / ed. C. L. Cooper. London, 2005. P. 193–211.
22. Kobasa S. C. Commitment and coping in stress resistance among layers // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. No. 42. P. 707–717.
23. Maddi S. R. The personality construct of hardiness: I. effects on experiencing, coping and strain // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. 1999. No. 51. P. 83–94.

REFERENCES

1. Avdienko G. Yu. [Psychological stability of soldiers. Essence, methods of its improvement]. In: *Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh* [Materials XI International scientific-practical conference of young scientists]. St. Petersburg, 2016, pp. 103–106.
2. Alakhveranova T. F. [Psychological stability of personality]. In: *Alleya nauki* [Alley of science], 2019, vol. 4, no. 1, pp. 270–274.

3. Barysheva T. D. [Stability of personality as a factor of socio-psychological well-being]. In: *Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Materials of all-Russian scientific-practical conference]. Murmansk, 2015, pp. 6–13.
4. Bodrov V. A. *Informatsionnyi stress* [Informational stress]. Moscow, 2000. 352 p.
5. Vardanyan B. Kh. [Mechanisms of emotional stability regulation]. In: *Kategorii, printsipy i metody psikhologii. Psikhicheskie protsessy* [Categories, principles and methods of psychology. Mental processes]. Moscow, 1983, pp. 542–543.
6. Vitkin Dzh. *Muzhchina i stress* [Male and stress]. St. Petersburg, 1996. 224 p.
7. Gelyakhova L. A. [Police officers stability in extreme situations and service activities]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2014, no. 2, pp. 130–132.
8. Denisov A. A., Terekhina N. V. [Psychology of burnout (on the materials of empirical research of professional activity of the dentists)]. In: *Prakticheskaya sotsiologiya, psikhologiya i pedagogika* [Practical sociology, psychology and pedagogy], 2017, no. 3, pp. 205–221.
9. Zil'berman P. B. [Emotional stability of the operator]. In: *Ocherki psikhologii truda operatora* [Essays on psychology of labor of the operator]. Moscow, 1994, pp. 138–172.
10. Kadyrova M. K., Abduvakhobova D. E., Eshmuradov O. E., Rasulov B. U., Abdukadurova N. H. [Human Behavior in difficult situations]. In: *Aktual'nye voprosy sovremennoi psikhologii: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Topical issues of modern psychology: materials of IV International scientific conference]. Krasnodar, 2017, pp. 17–20.
11. Kazymova N. N. *Individual'no-psikhologicheskie resursy ustoichivosti cheloveka k perezhivaniyu terroristicheskoi ugrozy: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Individual psychological resources of human resistance to the experience of the terrorist threat: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2018. 135 p.
12. Kostandov E. A. *Vospriyatie i emotsii* [Perception and emotions]. Moscow, 2007. 470 p.
13. Krupnik E. P. *Psikhologicheskaya ustoichivost' lichnosti kak metodologicheskaya kategoriya* [Psychological stability of personality as a methodological category]. Moscow, 2004. 102 p.
14. Nemov R. S. *Psikhologiya. Kn. 2* [Psychology. B. 2]. Moscow, 1994. 496 p.
15. Nemov R. S. *Psikhologiya. Kn. 1* [Psychology. B. 1]. Moscow, 1994. 565 p.
16. Rubinshtein S. L. *Osnovy obshchei psikhologii. T. 2* [Fundamentals of General psychology. Vol. 2]. Moscow, 1989. 322 p.
17. Sovmiz Z. R. *Psikhologicheskie resursy lichnosti kak sub'ekta preodoleniya stressa v usloviyakh komandnoi deyatelnosti: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Psychological resources of the person as the subject of stress management in terms of team activity: PhD thesis in Psychological sciences]. Krasnodar, 2017. 275 p.
18. Frolov A. A. [The role of self-assessment in the police officer's professional development]. In: *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Materials of International scientific-practical conference]. Krasnodar, 2017, pp. 137–145.
19. Fontana D. *Kak spravit'sya so stressom* [How to cope with stress]. Moscow, 1995. 352 p.
20. Shcherbatykh Yu. V. *Psikhologiya stressa i metody korrektsii* [Psychology of stress and methods of correction]. St. Petersburg, 2008. 256 p.
21. Beehr T. A., Bowling N. A. Hardy personality, stress, and health. In: C. L. Cooper, ed. *Handbook of stress medicine and health*. London, 2005, pp. 193–211.
22. Kobasa S. C. Commitment and coping in stress resistance among layers. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1982, no. 42, pp. 707–717.
23. Maddi S. R. The personality construct of hardiness: I. effects on experiencing, coping and strain. In: *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 1999, no. 51, pp. 83–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соловьев Максим Николаевич – адъюнкт кафедры психологии и педагогики Краснодарского университета МВД России, начальник отдела защиты информации ГУ МВД России по Краснодарскому краю;
e-mail: somak23@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim N. Soloviev – postgraduate student of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the head of information security in the Police department of Krasnodar region;
e-mail: somak23@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соловьев М. Н. Психологическая устойчивость личности как фактор эффективного преодоления профессиональных стрессов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 41–55.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55

FOR CITATION

Soloviev M. N. Psychological stability of personality as a factor of effective overcoming stress and depression. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 41–55.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-41-55

РАЗДЕЛ II. СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 19.00.05

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-56-75

ПОТЕНЦИАЛ ПЕРСОНАЛА КАК СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СТРОИТЕЛЬНЫЕ КОМПАНИИ

Булгаков А. В.¹, Лебедев И. М.²

¹ *Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

² *Национальный исследовательский Московский государственный строительный
университет
129337, г. Москва, Ярославское шоссе, д. 26, Российская Федерация*

Аннотация. Представлены результаты исследования социально-психологических условий внедрения цифровизации в 8-ми строительных организациях, выборка 194 чел. Измерялись инновационная готовность, мотивационные профили, социальная идентификация. Далее применялся поисковый факторный анализ с использованием техники варимакс-вращения. Использовались значения $r \geq 0,700$. Обработка осуществлялась с помощью SPSS-22. Выявлены группы персонала, имеющие высокий потенциал внедрения цифровизации: лица, принимающие решения, и специалисты. Определена группа риска в отношении внедрения – руководители среднего звена. Сопоставлены эмпирически выявленные структуры условий взаимодействия со структурами из опыта консультантов по развитию цифровизации. Для руководителей среднего звена условия едины, статистически нет различий. Для лиц, принимающих решения, значимыми ($p \leq 0,01$) являются условия: 1) наличие стратегического решения; 2) юридическое обеспечение перераспределения ресурсов. Для специалистов: 1) доступность цифровых технологий; 2) возможности гибкого входа и выхода из проектов; 3) нарушение стереотипов поведения; 4) опасения наказания за неудачу. Результаты возможно использовать в консалтинге. Выявленные социально-психологические условия внедрения цифровизации могут обосновать технологию социально-психологического сопровождения, входящую в целостную программу цифровой трансформации строительства.

Ключевые слова: консультант по развитию, мотивационный профиль, организация, организационная культура, строительство, социально-психологические методы исследования, цифровая трансформация

POTENTIAL OF THE PERSONNEL AS A SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONDITION OF INTRODUCING DIGITALIZATION IN CONSTRUCTION COMPANIES

A. Bulgakov¹, I. Lebedev²

¹ *Russian State University for the Humanities,
6 Miusskaya Ploshad', GSP-3, Moscow 125993, Russian Federation*

² *National Research Moscow State University of Civil Engineering
26 Yaroslavskoye Shosse, Moscow 129337, Russian Federation*

Abstract. The results of the study of the socio-psychological conditions for the implementation of digitalization in 8 construction organizations, a sample of 194 people are presented. Innovative readiness, motivational profiles, and social identification were measured. Further the search factor analysis was applied with the use of the varimax rotation technique. The values of $r \geq 0.700$ were used. The processing was performed with the use of SPSS-22. Personnel groups with a high digitalization implementation potential were identified: decision makers and specialists. The risk group in relation to implementation was determined – they are mid-level executives. Empirically identified structures of the conditions for interaction are compared with the structures from the development consultants' experience. For mid-level executives the conditions are the same; statistically there are no differences. The decision makers consider to be significant ($p \leq 0.01$) the following conditions: 1) the presence of a strategic decision; 2) legal support for the redistribution of resources. For specialists: 1) the availability of digital technology; 2) the possibility of flexible entry and exit from projects; 3) violation of stereotypes of behavior; 4) fears of punishment for failure. The results can be used in consulting. The identified socio-psychological conditions for the implementation of digitalization can justify the technology of socio-psychological support, which is part of an integrated program of digital transformation of construction.

Keywords: development consultant, motivational profile, organization, organizational culture, construction, social and psychological research methods, digital transformation

«Цифровизация», «диджитализация», «digital-трансформация» – эти понятия как тренд прочно закрепились в дискуссиях на форумах и профильных конференциях. Российский интернет даёт 1350 тыс. ссылок на понятие «цифровизация». В мае 2019 г. пользователи 14761 раз искали «цифровую трансформацию» в поисковых системах – это примерно на 700 % больше, чем в ноябре 2017 г. Сегодня более 60 % крупнейших мировых корпораций уже работают над своей стратегией digital-трансформации, наблю-

дается рост количества запросов на внедрение цифровизации от российских компаний. Потенциал этого рынка колоссален¹.

¹ Рыжков В. Что такое цифровая трансформация? [Электронный ресурс] URL: <https://komanda-a.pro/blog/digital-transformation>; Смирнов А. 5 ошибок увлечённых цифровой трансформацией [Электронный ресурс]. URL: https://www.e-xecutive.ru/management/itforbusiness/1989903-5-oshibok-uvlechennyh-tsifrovoi-transformatsiei?utm_campaign=1605&utm_medium=menedzhment&utm_source (дата обращения: 31.01.2019).

Бизнес в России, включая строительство, традиционно стремится к высоким технологиям (например, BIM) и прорывным стратегиям (Индустрия 4.0), но пока это воплощается в малых масштабах, лишь 8 % компаний находятся на уровне проницаемости – уровне собственно самой цифровизации [7]. Ранее проведённые нами исследования [11] показывают, что цифровую трансформацию участники её внедрения часто воспринимают как «знание какой-то технологии», «сервис по замене конкретного бизнес-процесса в компании». Однако главное в содержании цифровой трансформации – это изменение формы бизнеса в условиях цифровой реальности на основе данных. В результате возникают новые бизнес-процессы, организационные структуры, положения, регламенты, новая ответственность за данные, новые ролевые модели.

Цифровизация, безусловно, инновационная деятельность. Консультанты по развитию организаций М. Иванов и П. Кочётков [4], профессионально рефлексируя свою деятельность, выделяют 4 группы факторов, препятствующих инновационной деятельности: технико-экономические; юридические; организационно-управленческие; социально-психологические. Среди них такие социально-психологические факторы, как: 1) возможное изменение статуса работника в организации; 2) возможность потери работы из-за внедрения нововведения; 3) перестройка устоявшихся способов деятельности; 4) нарушение стереотипов поведения; 5) боязнь неопределённости; 6) нарушение сложившихся в организации традиций; 7) опасения наказания за неудачу. К сожалению,

иных результатов изучения социально-психологических условий внедрения цифровизации нами выявлено не было. Подчеркнём, цифровая трансформация – это не услуга консалтинговых компаний. Это неизбежный процесс адаптации, включая социально-психологическую адаптацию, к новым реалиям цифровой экономики. Именно поэтому исследовательскую проблему статьи можно сформулировать как поиск релевантных строительству социально-психологических условий внедрения цифровизации.

Общая идея изучения социально-психологических условий внедрения цифровизации в строительство состоит в следующем.

Во-первых, мы считаем целесообразным использовать понятие «потенциал» для определения критериев социально-психологических условий внедрения цифровизации, при этом важно потенциал отделять от текущих навыков и знаний. «Потенциал – это совокупность “протокомпетенций”, он должен проявляться даже тогда, когда у человека ещё не было опыта деятельности в соответствующей сфере» [6, с. 198]. Отсюда потенциал персонала компании – совокупность его протокомпетенций, а именно через них реализуются идеи «пирамиды преадаптации А. Г. Асмолова», где осуществляется движение по ступеням от 1) способности к приобретению опыта как предпосылки экстраполяции через 2) способность к пластичной подстройке под наступившую ситуацию, 3) предвосхищение будущего в ситуации неопределённости к 4) конструированию будущего [1].

Во-вторых, представленный далее подход к проектированию эмпири-

Рис. 1. Теоретическая модель изучения социально-психологических условий внедрения цифровизации в строительстве

ческого исследования и входящего в него комплекса диагностических методик обеспечивает баланс между «хочу» (личностными особенностями) и «могу» (способностями), между руководителями и различными группами персонала организации, между организацией и ситуацией. И как следствие – между разнообразными по критериям формы собственности, содержания деятельности, уровня цифровизации строительными организациями и опросниками, тестами и экспертными оценками. Социально-психологическая модель явления состоит из поуровневого изучения организаций, диагностический инструмент включает в себя и то, и другое. Именно модель объединяет различные стороны изучаемого явления, показывает его реципротный характер, включает полученные данные в арсенал социально-психологического знания. Проведённый теоретический анализ позволил визуально представить модель изучения социально-психологических условий цифровизации (рис. 1).

Многоуровневая структура социально-психологических условий внедрения цифровизации традиционно для отечественной социальной психологии может быть выявлена через оценку сложного реципротного взаимодействия личностей участников внедрения, среды внедрения (группы, организации, социума), ситуации. Оценка производится на: 1) личностном уровне (социально-психологические особенности руководителей и сотрудников организации); 2) групповом и межгрупповом уровнях организации (подразделения, профессиональные и другие социальные группы организации); 3) уровне социума (социально-психологические аспекты политики, экономики, права). На каждом уровне выделяются свои валидные показатели и дескрипторы.

В-третьих, программа комплексного сопровождения может способствовать лучшему пониманию закономерностей развития потенциала руководителей, персонала и, что особенно важно при внедрении цифровизации, оптимизации скорости внедре-

ния, прогнозированию долгосрочной динамики цифровизации.

Исследование проводилось в 2016–2019 гг. Всего в нём приняли участие 194 чел. – персонал строительных предприятий. Из них менеджеров высшего звена (ЛПР – лица, принимающие решения) – 22 чел., руководителей среднего звена (РСЗ) – 60 чел., сотрудников – 112 чел. Из общего количества участников исследования 80 чел. – персонал 8 строительных компаний, 114 чел. – представители групп персонала строительных организаций, проходившие повышение квалификации или обучающиеся по программам высшего образования на базе Национального исследовательского Московского государственного строительного университета (НИУ МГСУ). При этом дизайн выборки слушателей программ повышения квалификации был подобран как соответствующий дизайну выборки строительных организаций. Кроме того, в исследовании были задействованы 8 консультантов по управлению, организационному развитию, правовому, финансовому, кадровому обеспечению функционирования строительных компаний и др. (далее – консультанты), которые привлекались в качестве экспертов.

С помощью специально подобранной батареи тестовых методик определялись структура организационной культуры, трудовой мотивации, социально-психологической адаптации персонала, уровень готовности к внедрению цифровизации, групповая осознанность организации, социально-психологический климат в организациях строительной отрасли.

Гипотеза исследования: социально-психологические условия цифро-

визации в строительстве могут быть представлены реципрокной системой критериев и показателей потенциалов личностной готовности руководителей и персонала к цифровизации, организационного потенциала (социально-психологические аспекты), потенциалов внешних условий и управленческой ситуации, в которой находится строительная компания. Если всесторонне изучить социально-психологическую ситуацию внедрения цифровизации в строительство и представить её как взаимодействие групп (ЛПР, РСЗ, специалисты), то, определив потенциал готовности групп к внедрению, можно прогнозировать развитие ситуации внедрения цифровизации.

Сравнительный анализ выявленных социально-психологических условий внедрения цифровизации в консультативной работе практиков (представлены в научной литературе) и проведённого эмпирического исследования позволит: а) как подтвердить, так и опровергнуть эти условия; б) выявить их мозаичное влияние на различные группы персонала строительной организации; в) обнаружить новые социально-психологических условия внедрения цифровизации в строительство.

Методику исследования составили опрос, математико-статистическая обработка результатов (с помощью стандартных статистических пакетов), интерпретация результатов по разработанной на основании теоретической модели схеме. Кратко рассмотрим диагностический комплекс методик.

1. Инновационная готовность персонала строительной организации определялась с помощью опросника

Таблица 1.

Соотношение показателей шкалы Z. Yang, Y. Wang, & C. Sun (2018) и шкал опросника В. В. Пантелеевой, Т. П. Кнышевой (2016), их интерпретация

Шкалы Z. Yang, Y. Wang, & C. Sun (2018)	Шкалы В.В. Пантелеевой, Т.П. Кнышевой (2016)	Высокий уровень (8-10 стенов)
Воспринимаемая полезность	ЭГ	выраженный интерес к внедрению новых технологий, освоению новых способов выполнения деятельности и готовность использовать цифровизацию на рабочем месте
Намерение использования	МГ	преобладание внутренних мотивов к внедрению цифровизации, связанных с достижением успеха, самореализацией, получением удовлетворения от процесса разработки новшеств. Выражен высокий уровень ответственности за последствия изменений, которые рассматриваются как дополнительные возможности для самореализации
Воспринимаемая простота использования технологий цифровизации	КГ	владение знаниями, достаточными для внедрения цифровизации в организационный процесс
Намерение использования	ЛГ	наличие личностных особенностей, повышающих эффективность внедрения цифровизации (уверенность в себе, умеренная склонность к риску, практичность, радикализм, креативность)
Самоэффективность	ОГ	удовлетворённость организационными условиями внедрения, вероятно потребность в поддержке и продвижении внедрения со стороны руководства

В. В. Пантелеевой, Т. П. Кнышевой [10]. Методика предназначена для выявления уровней выраженности компонентов инновационной готовности: эмоциональной готовности (ЭГ), мотивационной готовности (МГ), когнитивной готовности (КГ), личностной готовности (ЛГ), организационной готовности (ОГ). Методика соответствует основным психометрическим требованиям для научного использо-

вания и соотнесена с методикой З. Янг, Ю. Ванг, С. Сун (2018) [19], показатели которой вошли в нашу модель. Интерпретация представлена в табл. 1. Применение методики обосновано сравнительным анализом результатов исследования зарубежных учёных и практиков [15; 16; 17; 18].

2. Изучение мотивационного профиля у руководителей и сотрудников строительных организаций проводилось с

помощью опросника «Мотивационный профиль» П. Мартин и Ш. Ричи, модернизированного А. В. Булгаковым и О. А. Павлютенковой [3]. Особенности являются частичные изменения в формулировках отдельных вопросов, уменьшение количества вопросов с 33 до 15. На выборке 70 чел. нами дополнительно проведена их стандартизация, уточнены валидность и надёжность. Практическая валидность – 0,632, которая характеризует тест с точки зрения его ценности в отношении достижения определённой практической цели – прогнозирования. Она определялась на основании корреляции между данными теста и внешним критерием «Наблюдаемое экспертами поведение и результаты деятельности участников опроса». Внешняя валидность – 0,531, которая определяет впечатление у опрашиваемых при знакомстве со стимульным материалом и сугубо внешней стороной тестирования. Надёжность составила 0,832 (для α Кронбаха). Уточнена методика интерпретации мотивационных факторов (МФ). Использованы формулы: если $m \pm d \leq \text{МФ}$, это низкий результат по фактору, если $\geq$, высокий, что позволяет войти в таблицу интерпретаций.

3. Организационная культура строительных предприятий измерялась с помощью частично модернизированной нами методики «Диагностика организационной культуры» К. Куинн и Р. Камерон [5], позволяющей получать стандартизированные показатели. Доминирующая субкультура (ОК_д) определялась по формуле: ОК_д $\geq 25+5$ (баллов), где 25 баллов – средний показатель субкультур. На выборке 70 чел. нами определены: практическая валидность опросника – 0,611, внешняя

валидность – 0,44, надёжность – 0,812 (тест-ретест) и 0,93 (для α Кронбаха).

4. Методика изучения социально-психологического климата строительной организации состояла из 3-х частей. 1) Оценка психологической атмосферы в группе [8]. Оценка производится по 10 пунктам от 1 до 8 баллов. Чем ниже балл, тем благоприятнее психологическая атмосфера в коллективе, по мнению опрашиваемого. Итоговый показатель от 10 (наиболее положительная оценка) до 80 (наиболее отрицательная). Далее индивидуальные профили усредняются, и создаётся средний профиль психологической атмосферы в группе. 2) Уровень профессионально обусловленных состояний группы определялся по адаптированной методике Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса [13]. Выявлялись уровень состояний по шкалам: общей удовлетворённости (У); нервно-психической напряжённости (Н); тревожности (Т). Состояния фиксируются, если сумма оценок по $У \geq 26$ баллов; по $Т \geq 26$ баллов, по $Н \geq 27$ баллов. При показателе больше 14 баллов эти состояния оцениваются выше среднего. 3) Оценка индекса групповой сплочённости Сисшора [9]. Уровни групповой сплочённости: 15,1 баллов и выше – высокая; 11,6–15 баллов – выше средней; 7–11,5 – средняя; 4–6,9 – ниже средней; 4 и ниже – низкая.

5. Методика изучения социальной идентичности (МИСИ) Л. Б. Шнейдер, В. В. Хрустальной [12] позволила через систему корреляций социально-асоциальности со следующими показателями социально-психологической адаптации личности определить её уровень в группе, осуществляю-

щей внедрение цифровизации: а – Адаптивность, б – Дезадаптивность, а – Приятие себя, б – Неприятие себя, а – Приятие других, б – Неприятие других, а – Эмоциональный комфорт, б – Эмоциональный дискомфорт.

МИСИ – ассоциативный тест, в котором из 60 слов необходимо выбрать более привлекательные для опрашиваемого. Далее, используя ключ, определяют слова социальной и асоциальной направленности. После чего подсчитывается показатель «социальность», который вычисляется по формуле:

$$S = A / (A + B),$$

где S – социальность, A – ответы социальной направленности, B – ответы асоциальной направленности.

Максимальная степень социальной направленности равна «1», что может быть проинтерпретировано как потребность в групповом членстве, принятии норм и правил сообщества, поддержке групповой сплочённости. Минимальное значение «0» – стремление к независимости, самостоятельности и нежелание подчиняться общим требованиям и правилам, установленным в группе [12].

6. Показатель групповой осознанности измерялся шкалами методики «Групповая осознанность в организации» (Organizational Mindfulness) Дж. Рея с соавторами в адаптации К. А. Багратиони. Методика прошла все психометрические процедуры на выборке русскоязычных менеджеров в 2017 г. [2]. Данные подтверждены и в нашем исследовании. Далее в круглых скобках указаны наши результаты. Шкала «Децентрализация процессов принятия решений» – во-

просы 17–20 (α Кронбаха = 0,8 (0,75); $M = 3,812$ (3,754); $SD = 0,037$ (0,041)) – определяет уровень взаимоуважения сотрудников и коллег по критерию опыта, а не по статусу занимаемой должности. Шкала «Отказ от упрощений» – вопросы 5–8 ($\alpha = 0,843$ (0,798); $M = 3,383$ (3,211); $SD = 0,069$ (0,072)) – измеряет индивидуальный уровень стремления сотрудников к решению возникающей проблемы без стереотипизации и «навешивания ярлыков». Шкала «Сосредоточенность на ошибках» – вопросы 1–4 ($\alpha = 0,721$ (0,773); $M = 0,426$ (0,443); $SD = 0,146$ (0,158)) – измеряет направленность на активный поиск ошибок, внимание к деталям. Шкала «Внимательность к бизнес-процессам» – вопросы 9–12 ($\alpha = 0,693$ (0,701); $M = 3,535$ (3,445); $SD = 0,115$ (0,122)) – измеряет уровень комплексного понимания текущих операций, процессов и ресурсов, необходимых для их реализации. Шкала «Устойчивость» – вопросы 13–16 ($\alpha = 0,723$ (0,787); $M = 3,778$ (3,811); $SD = 0,084$ (0,086)) – измеряет уровень способности сотрудников и организации адаптироваться, импровизировать и учиться.

Проанализируем полученные результаты проведённого эмпирического исследования.

Во-первых, были изучены *социально-психологические особенности персонала организации (инновационная готовность, мотивационный профиль, социальная идентификация) как условие внедрения цифровизации в строительство*.

Выявлена *инновационная готовность* обследуемых групп строителей (ЛПР, РСЗ, специалисты), которая представляет собой комплекс показате-

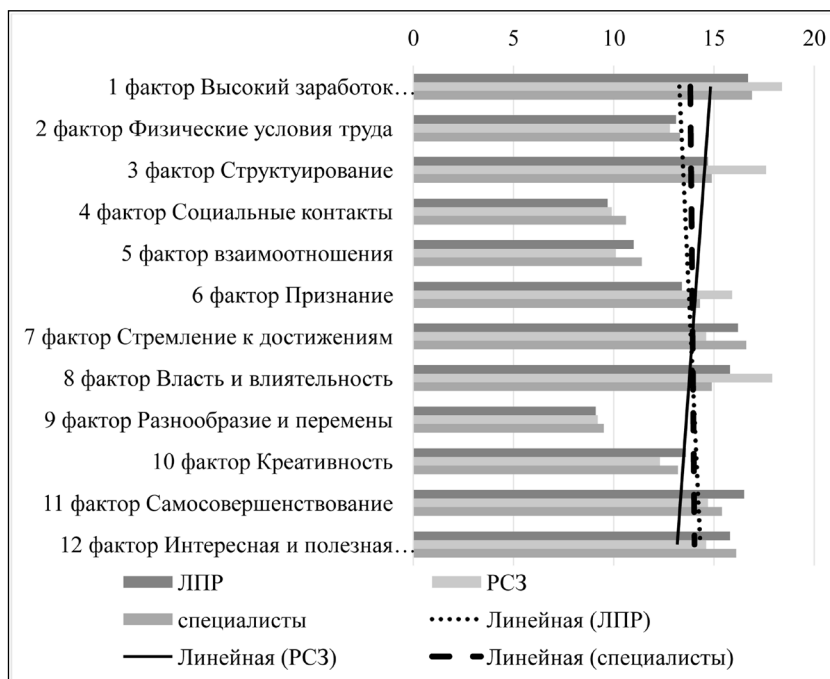

Рис. 2. Результаты сравнения мотивационных профилей групп строителей
($n = \text{чел.}$, в сырых баллах)

Примечание: ЛПР – лица, принимающие решения, РСЗ – руководители среднего звена, специалисты – все специалисты, включая ИТ-специалистов.

телей эмоциональной (ЛПР: $m = 7,5$ $\delta = 2,14$; РСЗ: $m = 5,2$ $\delta = 2,33$; специалисты: $m = 8,5$ $\delta = 2,13$), мотивационной (ЛПР: $m = 8,3$ $\delta = 2,23$; РСЗ: $m = 6,3$ $\delta = 2,12$; специалисты: $m = 8,2$ $\delta = 2,24$), когнитивной (ЛПР: $m = 8,3$ $\delta = 2,22$; РСЗ: $m = 7,1$ $\delta = 2,13$; специалисты: $m = 8,4$ $\delta = 2,11$), личной (ЛПР: $m = 8,4$ $\delta = 2,31$; РСЗ: $m = 6,5$ $\delta = 2,13$; специалисты: $m = 8,1$ $\delta = 2,33$), организационной готовности (ЛПР: $m = 7,3$ $\delta = 2,32$; РСЗ: $m = 7,2$ $\delta = 2,24$; специалисты: $m = 7,1$ $\delta = 2,12$) интегрированных в общий показатель (ЛПР: $m = 8,0$ $\delta = 2,33$; РСЗ: $m = 6,9$ $\delta = 2,11$; специалисты: $m = 8,3$ $\delta = 2,13$).

Анализ полученных данных говорит о высоком инновационном потенциале ЛПР и специалистов, среднем уровне у РСЗ. Если первые две группы имеют

значимую тенденцию к преобладанию внутренних мотивов к внедрению цифровизации, рассматривают его как дополнительную возможность к самореализации, при этом обладают знаниями, достаточными для такой работы, то РСЗ являются руководителями традиционной формации, соответствуют занимаемым должностям, меняться не хотят даже при поддержке со стороны руководства.

Более подробно раскрывает личностный потенциал строителей сравнительный анализ их *мотивационных профилей* (рис. 2). Мотивационные профили групп строителей схожи, исключением являются отдельные мотивационные факторы у ЛПР и сотрудников. Профили ЛПР и сотрудников существенно отличаются от профиля

РСЗ. Используемый вариант мотивационного профиля позволяет не только провести количественный анализ, но и дать качественную характеристику обследуемым группам строителей.

У ЛПР доминирует мотив в постоянном получении признания, что может препятствовать эффективной работе. Они нередко показывают нежелание признавать заслуги других. Вместе с тем преобладает глубокая потребность в личностном росте, развитии себя. Оценка своей работы и работы других производится только с позиций возможности дальнейшего персонального совершенствования.

У РСЗ доминирует потребность в наличии правил и процедур, которые определяют основную профессиональную деятельность. Преобладает мотив снижения неопределённости и получения указаний. РСЗ стремятся быстро усвоить установленные процедуры и правила, чтобы соответствовать требованиям выполняемой работы. Кроме того, они, если отсутствует необходимость в долгосрочной совместной работе, не устанавливая и не поддерживают тесных взаимоотношений с коллегами, партнёрами.

У сотрудников преобладает потребность в личностном росте, развитии себя. Работа в организации рассматривается ими только с позиций возможности дальнейшего персонального совершенствования.

Социальная идентификация определялась через измерение социальной / асоциальной направленности. Социальная направленность подразумевает готовность быть членом общества, принадлежать к его большинству, принимать нормы, правила, при необходимости жертвовать своей ин-

дивидуальностью, однако при этом чувствовать определённую степень защиты и безопасности. Асоциальная направленность имеет в виду стремление быть не таким, как большинство, быть независимым, самостоятельным, подвергаться риску и опасности. По К. Юнгу, «...направленность предполагает односторонность. Она является одновременно и преимуществом, и недостатком» [14, с. 137]. Однако применяемый нами подход Л. Б. Шнейдер, результаты её исследования гармонично разрешают это противоречие, позволяют выйти на определение профессиональной идентичности групп строителей, дают возможность судить о социально-психологической адаптации строителей. Нами выявлены следующие показатели профессиональной идентичности: достигнутая идентичность у ЛПР ($m = 0,69$ $\delta = 0,12$) и специалистов ($m = 0,69$ $\delta = 0,19$) и псевдоидентичность у РСЗ ($m = 0,8$ $\delta = 0,14$).

Во-вторых, изучены социально-психологические аспекты организационного потенциала строительной компании как условие внедрения цифровизации. В нашей модели к ним относятся: организационная культура, социально-психологический климат, групповая осознанность в строительной организации.

Организационная культура, по оценкам строителей, типична во всех компаниях: доминирует культура порядка (иерархическая культура) – от 28 до 32 баллов по группам строителей. Роль руководителя организации, руководителей подразделений: «нормативный управленец». Средства совершенствования организационной культуры: реинжиниринг процессов

совместной деятельности групп организации. Цель организационной культуры: рациональная инфраструктура организации. Компетентность руководителей: совершенствование процессов выполнения задач в связи с результатами совместной деятельности групп [5]. Данной модели в большей степени соответствуют РСЗ. ЛПР, являясь, как правило, инициаторами внедрения цифровизации, имеют в профиле ОК значительную субкультуру творчества, что и делает их схожими с сотрудниками, и прежде всего с IT-сотрудниками. Именно здесь руководитель – «инициатор» изменений в строительной организации. Используемые средства внедрения: поддержка преобразований инноваций в организации. Цель ОК: организационное обновление. Компетентность руководителя: анализ других систем совместной деятельности; опыт организационных изменений; консультация и оказание помощи.

Оценки *социально-психологического климата* (СПК) группами строителей ЛПР, РСЗ и специалистов статистически не различаются. Применяемая нами методика не дифференцирует группы по уровням развития компонентов климата: психологическая атмосфера в группе от 28 до 29,3 баллов, высокий уровень; профессионально-обусловленные состояния группы от 36 до 39 баллов, выше среднего; сплочённость группы 21 балл, высокий уровень. Видимо, текущие события, окружающая среда нивелируют эмоциональные и когнитивные компоненты изучаемого явления. Возможно, что влияет и ситуация цифровизации данных компаний как вполне успешных и конкурентоспособных в своём сегменте деятельности. Для исключения по-

явления иных факторов считаем целесообразным применять оценку СПК в реальных условиях организации.

Методика по изучению *групповой осознанности в организации* так же слабо дифференцировала общую выборку по группам. Статистически значимых результатов между ЛПР, РСЗ, специалистами выявлено не было. Так, по группам в средних: сосредоточенность на ошибках 13,5; 13,3; 13,1 баллов; отказ от упрощений 13; 12,6; 13,3 баллов; внимательность к бизнес-процессам 13,3; 12; 13,7 баллов; устойчивость 13,1; 12; 13,8 баллов; децентрализация процессов принятия решений 14,1; 13,2; 15,1 баллов.

Следующим методическим приёмом эмпирического выявления социально-психологических условий цифровизации стало проведение сравнительного анализа факторных структур её внедрения у различных профессиональных групп строителей. В основу анализа было положено предположение о возможных различиях между перечнями социально-психологических условий, выявленных организационными консультантами и психологами [4], и результатами проведённого нами эмпирического исследования. Для сравнения применялся поисковый факторный анализ с использованием техники варимакс-вращения. Использовались значения $r \geq 0,700$. Обработка осуществлялась с помощью SPSS-22.

Факторная структура социально-психологических условий, влияющих на цифровизацию для ЛПР

Фактор 1. Групповая осознанность в организации (22,101 % дисперсии). Фактор включает показатели: сосредото-

точность на ошибках в организации (.933), индекс групповой сплочённости Сишора (0,932), отказ от упрощений в организации (0,874), организационную культуру результата (-0,722).

Фактор 2. Готовность к инновациям (17,899 % дисперсии). Фактор включает показатели: когнитивную готовность к инновациям ($r = 0,910$), личную готовность к инновациям ($r = 0,845$), мотивационную готовность к инновациям ($r = 0,837$), эмоциональную готовность к инновациям ($r = 0,813$).

Фактор 3. Мотивация персонала (17,231 % дисперсии) в показателях: «Стремление к достижениям» ($r = -0,822$), «Физические условия труда» ($r = -0,810$), «Разнообразие и перемены» ($r = 0,793$), «Креативность» ($r = 0,723$).

Фактор 4. Самосовершенствование как основа профессионального состояния персонала (14,769 % дисперсии). Фактор включает показатели: «Самосовершенствование» ($r = 0,718$), уровень профессионально обусловленных состояний группы ($r = -0,708$).

Фактор 5. Интересная работа в данном коллективе (15,102 % дисперсии) в показателях: «Интересная и полезная работа» ($r = 0,792$), Оценка психологической атмосферы ($r = -0,717$), «Взаимоотношения на работе» ($r = -0,707$).

Фактор 6. Отсутствие жёстких правовых рамок реализации стратегического решения по внедрению цифровизации (12,898 % дисперсии) в показателях: наличие стратегического решения ($r = 0,792$), юридическое обеспечения перераспределения ресурсов, наличие дополнительных налоговых и регуляторных льгот ($r = -0,722$).

Факторная структура социально-психологических условий, влияющих на цифровизацию для РСЗ

Фактор 1. Организационная готовность к цифровизации (31,602 % дисперсии) включает показатели: эмоциональную готовность к инновациям ($r = 0,867$); мотивационную готовность к инновациям ($r = 0,955$); когнитивную готовность к инновациям ($r = 0,903$); личную готовность к инновациям ($r = 0,973$); организационную готовность к инновациям ($r = 0,762$); общий индекс готовности к инновациям ($r = 0,961$); мотив «Высокий заработок материальное поощрение» ($r = -0,712$); мотив «Физические условия труда» ($r = -0,972$); мотив «Самосовершенствование» ($r = 0,933$); культура порядка ($r = -0,792$); наличие стратегического решения ($r = 0,794$); возможности его реализации: компетенции руководства компании, качество процессов управления, знания и навыки сотрудников компании всех уровней компетенций, как ИТ-специалистов, так и других специалистов ($r = 0,940$); нарушение стереотипов поведения ($r = 0,855$).

Фактор 2. Мотивация к организационной стабильности, опасение санкций за неудачу (12,448 % дисперсии). Фактор включает показатели: «Креативность» ($r = -0,972$); «Самосовершенствование» ($r = -0,934$); децентрализацию процессов принятия решений ($r = -0,927$); опасения наказания за неудачу ($r = 0,707$).

Фактор 3. Социально-психологический аспект преимуществ и условий внедрения цифровизации (15,490 % дисперсии). Фактор включает показатели: индекс групповой сплочённости

чёрности Сишора ($r = -0,712$); наличие стратегического решения ($r = -0,889$); уровень конкуренции в отрасли, стимулирующий руководство предприятий к повышению производительности труда ($r = 0,703$); доступность цифровых технологий и открытость рынка, доступность финансирования для инвестиций в цифровые технологии, возможности гибкого входа и выхода из проектов в условиях рискованных инвестиций в новые технологии ($r = 0,960$); юридического обеспечения перераспределения ресурсов, наличие дополнительных налоговых и регуляторных льгот ($r = 0,812$); боязнь неопределённости ($r = 0,751$); перестройка устоявшихся способов деятельности ($r = -0,701$); социальная направленность (социальная идентичность) ($r = -0,889$).

Фактор 4. Групповое осознание организации как организации субкультуры отношений (14,885 % дисперсии). В фактор входят показатели: ОК отношений ($r = 0,721$); ОК результата ($r = -0,736$); сосредоточенность на ошибках ($r = 0,947$); отказ от упрощений ($r = 0,810$); внимательность к бизнес-процессам ($r = 0,786$); устойчивость ($r = 0,867$); возможное изменение статуса сотрудников в организации ($r = 0,772$); нарушение сложившихся в организации традиций ($r = 0,884$).

Фактор 5. Интересная работа в сочетании с отношениями и контактами, стабильность карьеры (12,448 % дисперсии). Вошли мотивы: «Социальные контакты» ($r = -0,757$); «Признание» ($r = 0,786$); «Стремление к достижениям» ($r = -0,924$); «Интересная и полезная работа» ($r = 0,806$).

Фактор 6. Возможность потери работы в структурированной орга-

низации (8,176 % дисперсии): возможность потери работы из-за внедрения нововведений ($r = 0,942$); мотив «Структурирование деятельности» ($r = 0,743$).

Факторная структура социально-психологических условий, влияющих на цифровизацию для специалистов

Фактор 1. Готовность к изменениям (34 % дисперсии) включает показатели: эмоциональная готовность к инновациям ($r = 0,763$); когнитивная готовность к инновациям ($r = 0,829$); личная готовность к инновациям ($r = 0,701$); организационная готовность к инновациям ($r = 0,766$); общий индекс готовности к инновациям ($r = 0,765$); мотив «Высокий заработок, материальное поощрение» ($r = -0,916$); оценка психологической атмосферы в группе ($r = -0,773$); уровень профессионально обусловленных состояний группы ($r = -0,868$); отказ от упрощений ($r = 0,955$); сосредоточенность на ошибках ($r = 0,944$); отказ от упрощений ($r = 0,900$); устойчивость ($r = 0,927$); доступность цифровых технологий и открытость рынка, доступность финансирования для инвестиций в цифровые технологии, возможности гибкого входа и выхода из проектов в условиях рискованных инвестиций в новые технологии ($r = 0,775$).

Фактор 2. Мотивация самосовершенствования, креативности, социальных контактов без учёта мотивации условий труда (21 % дисперсии) включает показатели: мотивы «Физические условия труда» ($r = -0,905$); «Структурирование деятельности» ($r = -0,743$); «Социальные контакты» ($r = 0,921$); «Креативность»

Таблица 2.

Сравнение социально-психологических условий, выявленных в опыте консультирования (М.А. Иванов и др., 2018) и эмпирическом исследовании (И.М. Лебедев, 2019)*

Социально-психологические условия внедрения инноваций, выявленные в опыте консультирования	Группы строителей		
	ЛПР	РСЗ	Спец.
Социально-психологические аспекты внутренних возможностей организации			
наличие стратегического решения	+	+	-
возможности его реализации (компетенции руководства компании, качество процессов управления, знания и навыки сотрудников компании всех уровней компетенций, как ИТ-специалистов, так и других специалистов)	-	+	-
распределение ресурса персонала компании с учётом умений и знаний	-	-	-
уровень конкуренции в отрасли, стимулирующий руководство предприятий к повышению производительности труда	-	-	-
доступность цифровых технологий и открытость рынка, доступность финансирования для инвестиций в цифровые технологии, возможности гибкого входа и выхода из проектов в условиях рискованных инвестиций в новые технологии	-	+	+
юридического обеспечения перераспределения ресурсов, наличие дополнительных налоговых и регуляторных льгот	+	+	-
Социально-психологические факторы, препятствующие цифровизации			
возможное изменение статуса сотрудников в организации	-	+	-
возможность потери работы из-за внедрения нововведения	-	+	-
перестройка устоявшихся способов деятельности	-	+	-
нарушение стереотипов поведения	-	+	+
боязнь неопределённости	-	+	-
нарушение сложившихся в организации традиций	-	+	-
опасения наказания за неудачу	-	+	+

Примечание: «+» совпадение; «-» отсутствие совпадений.

($r = 0,767$); «Самосовершенствование» ($r = 0,976$).

Фактор 3. Субкультура результата (17 % дисперсии) включает показатели: мотивационная готовность к инновациям ($r = 0,883$); ОК результата ($r = 0,899$); сосредоточенность на ошибках ($r = 0,774$); вниматель-

ность к бизнес-процессам ($r = 0,741$); опасения наказания за неудачу ($r = -0,716$).

Фактор 4. Субкультура отношений (14 % дисперсии) включает показатели: мотивы «Признание» ($r = -0,894$), «Разнообразие и перемены» ($r = 0,713$), ОК отношений ($r = 0,936$).

Фактор 5. Мотивация интересной работой и достижения (14 % дисперсии) включает показатели: «Стремление к достижениям» ($r = -0,743$), «Интересная и полезная работа» ($r = 0,913$); ОК творчества ($r = 0,809$); нарушение стереотипов поведения ($r = 0,708$).

Проведём сравнительный анализ выявленных социально-психологических условий (табл. 2).

Никакая из групп не подтвердила таких социально-психологических аспектов внутренних возможностей организации, как: распределение ресурса персонала компании с учётом умений и знаний; уровень конкуренции в отрасли, стимулирующий руководство предприятий к повышению производительности труда.

Наиболее чувствительной к выявленным ранее социально-психологическим факторам и аспектам цифровизации оказалась группа РСЗ. Можно предположить, что, во-первых, консультирование, проводимое не в рамках настоящего исследования о внедрении инноваций, включая цифровизацию, осуществлялось, скорее всего, именно на подобных выборках. Во-вторых, РСЗ являются наиболее уязвимой группой, к которой, с одной стороны, предъявляются повышенные требования как к технологам процесса цифровизации, с другой стороны, именно они мало что хотят менять в своём функционировании в строительстве.

Для группы ЛПР из перечня, выявленного консультантами, наиболее значимыми являются два из шести факторов социально-психологических аспектов внутренних возможностей организации: 1) наличие стратегического решения и 2) юридического обеспечения перераспределения ресурсов,

наличие дополнительных налоговых и регуляторных льгот. Для ЛПР социально-психологические факторы, препятствующие цифровизации, из указанного перечня существенными и ценными не являются.

У специалистов выявлено совпадение таких социально-психологических аспектов внутренних возможностей организации, как доступность цифровых технологий и открытость рынка, доступность финансирования для инвестиций в цифровые технологии, возможности гибкого входа и выхода из проектов в условиях рискованных инвестиций в новые технологии, гибкость их применения. Среди социально-психологических факторов, препятствующих цифровизации, значимыми являются: 1) нарушение стереотипов поведения и 2) опасения наказания за неудачу.

Проведённое исследование подтвердило выдвинутую гипотезу и позволило сформулировать следующие выводы.

Во-первых, на основании эмпирического изучения социально-психологических особенностей персонала строительных организаций (инновационная готовность, мотивационный профиль, социальная идентификация) определены основные группы персонала, имеющие высокий потенциал внедрения цифровизации в строительство – ЛПР и специалисты, включая ИТ-специалистов, а также группа риска в отношении внедрения – РСЗ. Выявлены социально-психологические аспекты организационного потенциала строительной компании (организационная культура, социально-психологический климат, групповая осознанность в организации).

Во-вторых, сравнительный анализ эмпирически выявленных факторных структур социально-психологических условий внедрения цифровизации для различных профессиональных групп строителей и условий, определённых в опыте консультантов и психологами по развитию организации, показал, что такие социально-психологические аспекты внутренних возможностей организации, как: а) распределение ресурса персонала компании с учётом умений и знаний; б) уровень конкуренции в отрасли, стимулирующий руководство предприятий к повышению производительности труда, – являются специфическими для профессиональной деятельности консультанта по развитию, и в рамках эмпирического исследования, построенного по используемому нами дизайну, не выявляются.

Наиболее чувствительной к выявленным ранее социально-психологическим факторам и аспектам внедрения цифровизации оказалась группа РСЗ. Можно предположить, что: а) организационное консультирование по внедрению инноваций проводилось другими авторами на сходных выборах; б) РСЗ являются слабым звеном персонала строительных компаний в деле цифровых технологий, наиболее уязвимой группой, которой, с одной стороны, предъявляются повышенные требования, как и к технологам процесса цифровизации, с другой – присуще нежелание что-либо менять в своём функционировании в строительстве.

Для группы ЛПР из перечня, выявленного консультантами, наиболее значимыми являются два из шести факторов социально-психологических аспектов внутренних возможностей

организации: 1) наличие стратегического решения и 2) юридического обеспечения перераспределения ресурсов компании, наличие дополнительных налоговых и регуляторных льгот. Для ЛПР социально-психологические факторы, препятствующие цифровизации, из указанного перечня существенными не являются.

У специалистов выявлено совпадение таких социально-психологических аспектов внутренних возможностей организации, как доступность цифровых технологий и открытость рынка, доступность финансирования для инвестиций в цифровые технологии, возможности гибкого входа и выхода из проектов в условиях рискованных инвестиций в новые технологии и гибкость их применения. Среди социально-психологических факторов, препятствующих цифровизации, значимыми являются: 1) нарушение стереотипов поведения и 2) опасения наказания за неудачу.

В-третьих, выявленные в исследовании социально-психологические условия внедрения цифровизации могут обосновать технологию социально-психологического сопровождения (СПС) внедрения цифровизации в реальных условиях строительной компании. СПС осуществляется на всех уровнях осознанно, рационально, на основании научных знаний или неосознанно, интуитивно, исходя из профессионального опыта ЛПР, РСЗ строительной организации с привлечением консультанта по управлению. СПС – часть целостной программы цифровой трансформации строительства, технология, направленная на оптимизацию труда, наиболее полное раскрытие творческого потенциала професси-

ональных групп, поддержание здорового социально-психологического климата, комфортного психического состояния руководителей, работников и сотрудников, достижение наивыс-

шей продуктивности строительных компаний.

*Статья поступила
в редакцию 17.06.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмолов А. Г. Конкурс пророков: от амёбы до Харри [Электронный ресурс]. URL: // https://psy.su/content/files/Асмолов_от_амёбы_до_харари_вер4.pdf (дата обращения: 08.07.2019).
2. Багратиони К. А. Социально-психологическая обусловленность групповой осознанности в организациях [Электронный ресурс] // Организационная психология. 2017. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-obuslovlennost-grupповой-osoznannosti-v-organizatsiyah> (дата обращения: 24.02.2019).
3. Булгаков А. В., Иванова М. С., Павлютенкова О. А. Вовлечённость в профсоюзное движение: междисциплинарный подход: монография / под общ. ред. А. В. Булгакова. М., 2018. 208 с.
4. Иванов М., Кочётков П. Прикладная психология управления: учебник и практикум. М., 2018. 438 с.
5. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб., 2001. 320 с.
6. Лурье Е. В., Попов А. Ю. Potential in focus (pif): комплексный тест оценки потенциала в организационном контексте // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: сборник материалов III Всероссийской конференции: в 2 т. / отв. ред. Н. А. Батулин. Т. 1. Челябинск, 2015. С. 192–199.
7. Магера Т. Н. Эмоциональный компонент межгрупповой адаптации в поликультурной организации как фактор управления персоналом строительной компании: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2018. 24 с.
8. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Методика оценки психологической атмосферы в коллективе (по А. Ф. Фидлеру) // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 190–191.
9. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Определение индекса групповой сплочённости Сизора // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2002. С. 179–180.
10. Пантелеева В. В., Кнышева Т. П. Опросник инновационной готовности персонала // Акмеология. 2016. № 3. С. 81–86.
11. Прядко И. П., Лебедев И. М. Российское строительное образование в эру инноваций: социокультурный и педагогический аспект // Педагогика и просвещение. 2018. № 1. С. 28–38.
12. Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник Российской международной академии туризма. 2014. № 3. С. 83–97.
13. Эйдемиллер Э. Г., Юстицкис В. Психология и психотерапия семьи. СПб., 1999. 656 с.
14. Юнг К. Структура и динамика психического. М., 2008. 480 с.
15. Abrahamse J., Lotriet H. Towards an understanding, through action research, of the socio-organizational issues impacting on mobile technology adoption and diffusion within a small-to-medium South African construction company [Электронный ресурс] // Systemic

- Practice & Action Research. 2012. No. 25 (1). URL: <https://doi.org/10.1007/s11213-011-9202-z> (дата обращения: 24.02.2019).
16. Aibinu A. A., Al-lawati A. M. Using PLS-SEM technique to model construction organizations' willingness to participate in e-bidding [Электронный ресурс] // Automation in Construction. 2010. No. 19 (6). URL: <https://doi.org/10.1016/j.autcon.2010.02.016> (дата обращения: 24.02.2019).
17. Chin J., Lin S. C. A behavioral model of managerial perspectives regarding technology acceptance in building energy management systems [Электронный ресурс] // Sustainability. 2016. No. 8. URL: <https://doi.org/10.3390/su8070641> (дата обращения: 24.02.2019).
18. Lee S., Yu J., Jeong D. BIM acceptance model in construction organizations [Электронный ресурс] // Journal of Management in Engineering. 2013. No. 31 (3). URL: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)ME.1943-5479.0000252](https://doi.org/10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000252) (дата обращения: 24.02.2019).
19. Yang Z., Wang Y., Sun C. Emerging information technology acceptance model for the development of smart construction system [Электронный ресурс] // Journal of Civil Engineering and Management. 2018. No. 24 (6). URL: <https://doi.org/10.3846/jcem.2018.5186> (дата обращения: 24.02.2019).

REFERENCES

1. Asmolov A. G. *Konkurs prorokov: ot amebы do Kharri* [Contest of the prophets: from amoeba to Harry]. Available at: https://psy.su/content/files/Асмолов_от_амёбы_до_харри_вер4.pdf (accessed: 08.07.2019).
2. Bagrationi K. A. [Socio-psychological conditioning of a group of mindfulness in organizations]. In: *Organizatsionnaya psikhologiya* [Organizational psychology], 2017, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskaya-obuslovlennost-gruppovoy-osoznannosti-v-organizatsiyah> (accessed: 24.02.2019).
3. Bulgakov A. V., Ivanova M. S., Pavlyutenkova O. A. *Vovlechenost' v profsoyuznoe dvizhenie: mezhdistsiplinarnyi podkhod* [Involvement in the Trade Union movement: a multidisciplinary approach]. Moscow, 2018. 208 p.
4. Ivanov M., Kochetkov P. *Prikladnaya psikhologiya upravleniya* [Applied psychology management]. Moscow, 2018. 438 p.
5. Kameron K., Kuinn R. *Diagnostika i izmenenie organizatsionnoi kul'tury* [Diagnosing and changing organizational culture]. St. Petersburg, 2001. 320 p.
6. Lurje E. V., Popov A. Yu. [Potential in focus (pif): comprehensive test of the capacity assessment in the organizational context]. In: Baturin N. A., ed. *Sovremennaya psikhodiagnostika Rossii. Preodolenie krizisa: sbornik materialov III Vserossiiskoi konferentsii. T. 1* [Modern psychodiagnostics Russia. Overcoming the crisis: proceedings of the III all-Russian conference. Vol. 1]. Chelyabinsk, 2015, pp. 192–199.
7. Magera T. N. *Emotsional'nyi komponent mezhhруппovoi adaptatsii v polikul'turnoi organizatsii kak faktor upravleniya personalom stroitel'noi kompanii: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [The affective component of intergroup adaptation in a multicultural organization as a factor of personnel management construction company: abstract of PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2018. 24 p.
8. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. [Methods of assessment of psychological atmosphere in the team (for A. F. Fidler)]. In: *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow, 2002, pp. 190–191.
9. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. [The definition of Sikora index for group cohesion]. In: *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i mal'nykh grupp*

- [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow, 2002, pp. 179–180.
10. Panteleva V. V., Knysheva T. P. [The questionnaire of the innovative readiness of the personnel]. In: *Akmeologiya* [Acmeology], 2016, no. 3, pp. 81–86.
 11. Pryadko I. P., Lebedev I. M. [The Russian construction education in the era of innovation: social, cultural and pedagogical aspect]. In: *Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and education], 2018, no. 1, pp. 28–38.
 12. Shneider L. B., Khrustaleva V. V. [Association test as a basis for the design methods of studying social identity]. In: *Vestnik Rossiiskoi mezhdunarodnoi akademii turizma* [Bulletin of the Russian International Academy of Tourism], 2014, no. 3, pp. 83–97.
 13. Eidemiller E. G., Yustitskis V. *Psikhologiya i psikhoterapiya sem'i* [Psychology and psychotherapy of the family]. St. Petersburg, 1999. 656 p.
 14. Yung K. *Struktura i dinamika psikhicheskogo* [Structure and dynamics of the mental]. Moscow, 2008. 480 p.
 15. Abrahamse J., Lotriet H. Towards an understanding, through action research, of the socio-organizational issues impacting on mobile technology adoption and diffusion within a small-to-medium South African construction company. In: *Systemic Practice & Action Research*, 2012, no. 25 (1). Available at: <https://doi.org/10.1007/s11213-011-9202-z> (accessed: 24.02.2019).
 16. Aibinu A. A., Al-lawati A. M. Using PLS-SEM technique to model construction organizations' willingness to participate in e-bidding. In: *Automation in Construction*, 2010, no. 19 (6). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.autcon.2010.02.016> (accessed: 24.02.2019).
 17. Chin J., Lin S. C. A behavioral model of managerial perspectives regarding technology acceptance in building energy management systems. In: *Sustainability*, 2016, no. 8. Available at: <https://doi.org/10.3390/su8070641> (accessed: 24.02.2019).
 18. Lee S., Yu J., Jeong D. BIM acceptance model in construction organizations. In: *Journal of Management in Engineering*, 2013, no. 31 (3). Available at: [https://doi.org/10.1061/\(ASCE\)ME.1943-5479.0000252](https://doi.org/10.1061/(ASCE)ME.1943-5479.0000252) (accessed: 24.02.2019).
 19. Yang Z., Wang Y., Sun C. Emerging information technology acceptance model for the development of smart construction system. In: *Journal of Civil Engineering and Management*, 2018, no. 24 (6). Available at: <https://doi.org/10.3846/jcem.2018.5186> (accessed: 24.02.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Булгаков Александр Владимирович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru;

Лебедев Игорь Михайлович – старший преподаватель кафедры «Социальные, психологические и правовые коммуникации» Национального исследовательского Московского государственного строительного университета;
e-mail: Lebedev26@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr V. Bulgakov – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor at the Department of Social Psychology, the Institute of Psychology named after L.S. Vygotsky;
e-mail: av_bulgakow@mail.ru

Igor M. Lebedev – Senior Lecturer at the Department of “Social, psychological and legal communications”, National Research Moscow State University of Civil Engineering;
e-mail: Lebedev26@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Булгаков А. В., Лебедев И. М. Потенциал персонала как социально-психологическое условие внедрения цифровизации в строительные компании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 56–75.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-56-75

FOR CITATION

Bulgakov A. V., Lebedev I. M. Potential of the personnel as a socio-psychological condition of introducing digitalization in construction companies. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 56–75.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-56-75

УДК 159.9.072.422

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-76-89

МЕХАНИЗМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ МОЛОДЕЖЬЮ ТОВАРОВ КАТЕГОРИИ ПРЕМИУМ И ИХ РЕКЛАМЫ

Воробьева А. Е.¹, Овчинников Я. В.²

¹ *Институт психологии Российской академии наук*

129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Российская Федерация

² *Государственный академический университет гуманитарных наук*

119049, г. Москва, Маро́новский переулок, д. 26, Российская Федерация

Аннотация. Чтобы выявить механизмы социальной перцепции молодёжью товаров категории премиум и их рекламы, было выполнено исследование методом стандартизированного интервью на выборке из 5 женщин и 5 мужчин. Было выявлено, что использование в рекламе нескольких «премиальных» цветов и известной модели, которая не должна быть раздетой, служит признаком рекламы премиального товара при отсутствии указания на бренд. Социальная перцепция молодёжью товара категории премиум также определяется демонстрацией стереотипных признаков высокого социального статуса. Присутствие в рекламе товаров категории премиум признаков более простого и непринуждённого образа жизни искажает их восприятие в сторону снижения ценовой категории (спортивный стиль, отсутствие одежды на рекламной модели) при отсутствии указания на бренд. Эти данные дают понимание того, как идентифицируется такой социальный объект, как премиум товар, какие факторы могут оказывать влияние на это, а также обозначают направления новых исследований.

Ключевые слова: психология рекламы, психология потребителей, социальная перцепция объектов, отношение к себе и другим, качественные методы исследования

MECHANISMS OF YOUTH'S SOCIAL PERCEPTION OF GOODS OF THE PREMIUM CATEGORY AND THEIR ADVERTISING

A. Vorobieva¹, Ya. Ovchinnikov²

¹ *The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*

13-1, Yaroslavskaya ul., Moscow 129366, Russian Federation

² *State Academic University for the Humanities*

26, Maronovski pereulok, Moscow 119049, Russian Federation

Abstract. In order to identify the mechanisms of young people's social perception of premium products and their advertising a study was carried out using the standardized interview method on a sample of 5 women and 5 men. It was revealed that the use of several "premium" colors and a well-known model, who should not be stripped, is a sign of advertising premium products in the absence of the brand indication. Social perception of premium goods by young people is

also determined by the demonstration of stereotypical signs of high social status. The presence in the advertising of premium products of signs of a simpler and more relaxed lifestyle distorts their perception towards a decrease in the price category (sports style, lack of clothing on the advertising model) in the absence of the brand indication. These data provide an understanding of how a social object such as a premium product is identified, what factors can influence it, and also indicate areas of new research.

Keywords: advertising psychology, consumer psychology, social perception of objects, attitude to oneself and others, qualitative research methods

Постановка проблемы

В подавляющем большинстве психологических исследований рекламного воздействия рассматривается реклама, адресованная покупателям с низким и средним уровнем доходов, в то время как данных о рекламе товаров и услуг категории премиум значительно меньше.

Товар считается социальным объектом и является одним из элементов в социальных отношениях [3]. Зачастую образ социального объекта оказывается в социальных отношениях более значимым, чем сам объект [2]. Большой пласт социально-психологических работ посвящён анализу социальной перцепции субъекта, его факторов и т. д. [2; 4; 6; 9; 18], материалов, касающихся социальной перцепции социальных объектов и явлений, значительно меньше [5; 7].

Премиум (элитный) продукт – это в первую очередь известная марка. Можно подразделить элитные продукты на 2 психологически-функциональные категории – это статусные и роскошные продукты. Для того чтобы продукт обозначал статус человека, потребление такого продукта должно быть непосредственно визуально заметно. Чтобы товар относился к роскошным, он должен как можно меньше относиться к производственному труду и как можно больше – к получе-

нию удовольствия [19; 20; 21]. Товары роскоши несут в себе определённые имидж и статус для обладателя, из-за чего становятся желанными, также товар роскоши содержит в себе некую «мечту», к которой человек стремится приобщиться.

Для товаров категории премиум используется крупноформатная наружная или печатная реклама, в которой до 60 % общей площади является фоном, не содержащим какой-либо информации, нередко использование в антураже вещей, свидетельствующих об особом образе жизни, особая атмосфера вечера, ночи, скудное освещение [13]. В оформлении могут быть использованы традиционно считающиеся дорогими материалы: кожа, золото, бархат, красное дерево. В рекламе элитной продукции также используются «премиальные цветовые гаммы», отличающие её от обычных товаров. Их используют в оформлении как самого продукта с его упаковкой, так и логотипа компании производителя и рекламного ролика. Традиционно считаются дорогими цвета золотой, бежевый, бордо. В оформлении упаковки применяются комбинации цветов: чёрный – белый, золотой – пурпурный (золотой возможно комбинировать почти с любыми цветами для получения восприятия элитности, дороговизны), красный – серый, красный – белый

[11]. Реклама престижных дорогих товаров влияет на процесс социального сравнения как в сторону повышения своего субъективного социально-экономического статуса, так и в сторону понижения [15].

Что же касается качества данного товара, он считается улучшенным средним классом. Обладание данным классом товара даёт покупателю эмоциональное удовлетворение, чувство приобщения к слою богатых людей и возможность демонстрации этого. Дополнительными мотивами потребления роскоши считаются желание создать комфортный управляемый мир для себя и своих близких, стремление оставить что-то ценное в наследство [11]. Среди товаров категории премиум можно выделить 2 сегмента: 1) доступный (парфюмерия, брендовая известными компаниями haute couture, алкоголь, одежда pret-a-porter); 2) недоступный для широкой категории населения (эксклюзивная недвижимость, авторские ювелирные украшения, антиквариат, средства передвижения) [10]. Соответственно, и потребителей элитных товаров можно подразделить на 2 группы: 1) снобы (владеть самым лучшим товаром среди возможных), которых некоторые авторы подразделяют ещё на 2 категории: сверхбогатые люди и массовая элита; 2) демонстративные потребители (демонстрация своего высокого материального, социального статуса), среди которых тоже можно выделить 2 категории людей: потребители «средней роскоши» и нецелевая аудитория [11]. Основными потребителями первого сегмента товаров категории премиум являются представители среднего класса, для которых они выполняют

имиджевую функцию [10]. Треть российского рынка премиальных товаров обеспечивают потребители из нецелевой аудитории (студенты, молодые специалисты), которые могут себе позволить совершать покупки премиальных брендов время от времени, чтобы приобщиться к миру роскоши [11]. В России также наметился следующий тренд: основным потребителем дорогих товаров и услуг становится молодёжь, а у взрослых высокодоходных потребителей наблюдается спад интереса к таким продуктам [1].

Для оповещения рассматриваемой нами целевой аудитории будут использоваться следующие способы коммуникации: адресное письмо, презентации и выставки (мероприятия «не для всех»), гляцевые журналы, спонсорство социальных или культурных мероприятий. Интернет пока мало задействован в коммуникации с потребителями продукции высокого ценового сегмента, но в перспективе этот канал коммуникации будет активно развиваться [14].

Итак, выстраивание образа товара категории премиум в маркетинговых коммуникациях происходит за счёт использования следующих признаков: 1) крупноформатных изображений с большим фоном; 2) цвета: золотой, бежевый, красный, чёрный, белый; 3) дорогих материалов в оформлении; 4) указания на качество выше среднего; 5) каналов коммуникации с потребителями: презентации, выставки, адресная рассылка, гляцевые журналы, спонсорство; 6) атрибутов образа жизни, возможного только при условии высокого уровня дохода. Возникает вопрос: как потенциальные потребители считают этот образ,

какие признаки содержит их «прототип» [18] товара категории премиум, в какой мере он совпадает с заложенными создателями рекламы?

Цель исследования: выявить механизмы социальной перцепции молодёжью товаров категории премиум и их рекламы.

Предмет исследования: социальная перцепция объектов личностью.

Объект исследования: социальная перцепция премиум товаров молодёжью.

Гипотезы исследования:

1) Признаки премиум рекламы и премиум товара в представлениях потенциальных потребителей отличаются от признаков премиум рекламы и премиум товаров, которые присутствуют в конкретных рекламных изображениях.

2) Образ поведения и внешний вид людей, которые пользуются премиум товарами в рекламе, отличаются от образа людей, пользующихся премиум товарами в повседневной жизни.

3) Возможность использования премиум товаров изменяет отношение человека к себе и другим людям.

4) Социальная перцепция рекламы аксессуаров, одежды, обуви, косметики категории премиум различается в зависимости от пола потенциальных потребителей.

Процедура исследования: был использован метод стандартизированного индивидуального интервью с открытыми и закрытыми вопросами. Интервью записывалось на диктофон. План интервью выглядел следующим образом: первая часть содержала в себе вопросы, касающиеся представлений респондентов о признаках товарной категории премиум, признаках рекла-

мы бренда данной категории, о пользователях товаров данной категории, эмоциях и поведении при использовании товарами данной категории, так как в процессе социальной перцепции эмоциональные, когнитивные и мотивационные элементы выступают как его неотъемлемая характеристика [2]. Во второй части интервью предъявлялся стимульный материал: рекламные изображения (8 шт.) различных категорий премиум товаров для мужчин и женщин (одежда, обувь, аксессуары, косметика), при этом упоминания брендов были скрыты (рис. 1). Изображения предъявлялись в случайном порядке, после предъявления каждого рекламного изображения задавались вопросы о предположительной стоимости рекламируемого товара, классе и его индикаторах, бренде, степени знакомства с данной рекламой.

Описание выборки: 5 женщин и 5 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет, род деятельности которых составляет учёба в вузе и/или работа (большая часть выборки работает – 7 человек), уровень доходов большей части респондентов (6 человек) таков, что они могут позволить себе товары длительного пользования (холодильник, телевизор и пр.), меньшая часть респондентов (4 человека) сообщила, что денег им хватает на еду и одежду, но покупки товаров длительного пользования затруднительны. Наши респонденты относятся к категории потребителей доступного сегмента премиум товаров, которые служат им для конструирования своего имиджа, приобщения к «мечте». Согласно методологии качественного исследования, для простой выборки необходимо минимум 3–4 случая, но лучше не менее 6–8 случаев,

Фото. 1. Реклама женских и мужских товаров категории премиум, использованная в исследовании

а при сравнении подгрупп в каждой из них должно быть не менее 3 случаев [8], так как планировалось сравнение восприятия товаров категории премиум и их рекламы у мужчин и женщин, выборка была подобрана с учётом этих требований.

Обработка данных: полученная в ходе интервью информация обрабатывалась с помощью метода контент-анализа. Были выделены следующие подкатегории в категории «Признаки премиума»: качество материала, стоимость, рекламная модель, цветовая гамма, рекламный носитель, соотношение графики и текста в рекламе; в категории «Эмоции от потребления премиума» были следующие подкатегории: эмоции сразу после покупки, эмоции после длительного пользования товаром; в категории «Отношение к себе и другим в контексте потребления премиума» были подкатегории: отношение к людям, отношение к себе, отношение к потребляемым товарам.

Результаты исследования

Признаки премиума: было выявлено, что товары категории премиум воспринимаются молодёжью как более качественные (8 индикаторов), чем товары более низкой ценовой категории. Основным внешним признаком, на который обращает внимание респондент при оценке товара, – это «Качество производства» (было получено наибольшее количество индикаторов как у мужчин, так и у женщин). Согласно модели образа торговой марки по Д. Аакеру, высокое воспринимаемое качество может быть предпосылкой для совершения покупки потребителем [17].

Стартовая цена товара категории премиум с точки зрения женщин от

15 тыс. руб. до 100 тыс. руб., а с точки зрения мужчин от 10 тыс. руб. до 10 млн руб. В целом для молодёжи характерен большой разброс по этому параметру, но чаще упоминалась начальная цена 20 тыс. руб. и 50 тыс. руб. (по 2 индикатора каждой). Молодёжь считает, что причина, по которой премиум дороже товаров других ценовых категорий, – это «Качество материала» (7 индикаторов у мужчин, 5 индикаторов у женщин). Расходы на маркетинговое продвижение этих товаров как причину их высокой стоимости назвал только 1 респондент.

Наши респонденты характеризуют модели в рекламе товаров категории премиум следующим образом: они привлекательные (14 индикаторов), самоуверенные (6 индикаторов), открытые (4 индикатора), успешные (4 индикатора), одеты в деловом стиле (7 индикаторов). Это могут быть как мужчины (8 индикаторов), так и женщины (7 индикаторов), как молодые (9 индикаторов), так и среднего возраста (10 индикаторов). Не было получено никакой информации от респондентов по поводу возможного образа жизни персонажей.

И мужчины, и женщины приписывают премиальность чёрному и золотому цветам (по 3 индикатора каждому цвету). Мужчины также отмечают красный цвет (3 индикатора) как характерный премиуму, однако женщины оценили этот цвет как наименее подходящий для премиума (тоже 3 индикатора). Наряду с красным женщины также отметили зелёный и жёлтый цвета как не подходящие для премиума (также по 3 индикатора каждый). Среди мужчин наименее характерными для премиума цветами считаются

коричневый (4 индикатора) и жёлтый (3 индикатора). В женской выборке был отмечено 2 индикатора бежевого цвета, его упоминание свидетельствует о том, что женщины склонны относить данный цвет к премиальной гамме.

Наиболее подходящими носителями для рекламы товаров категории премиум молодёжь считает интернет-ресурсы (8 индикаторов), журналы (4 индикатора), крупные наружные носители рекламы (6 индикаторов), телевидение (3 индикатора), а наименее подходящими – мелкоформатную раздаточную рекламу (6 индикаторов), газеты (4 индикатора), брошюры (3 индикатора), интернет-ресурсы (3 индикатора). Таким образом, интернет-ресурсы рассматриваются одновременно как подходящий и неподходящий рекламный носитель, однако частота упоминания в качестве подходящего рекламного носителя выше (8 индикаторов против 3). Обращает на себя внимание тот факт, что журналы, телевидение, крупные наружные носители рекламы присутствуют как в перечне подходящих, так и в перечне неподходящих рекламных носителей для рекламы товаров категории премиум. Можно также заметить, что среди неподходящих для товаров категории премиум рекламных носителей в основном присутствуют различные печатные форматы (всего 14 упоминаний). По всей видимости, интернет становится универсальной рекламной площадкой для товаров разных ценовых категорий, а печатные рекламные носители подходят только для рекламы низко- и среднеценового сегмента товаров.

И среди женщин, и среди мужчин были получены однозначные ответы,

что фото-изображений в рекламе присутствует больше (9 индикаторов). Они объясняли это тем, что потенциального потребителя больше интересует красивая картинка, нежели текст, который нужно читать. Важно также упомянуть, что некоторые респонденты говорили о возможном включении небольшого количества текста в рекламу – это может быть слоган или название бренда, также приемлемо наличие текста для описания каких-либо характеристик товара, например, если это техника.

Иными словами, с точки зрения молодёжи признаками рекламы товара категории премиум будут: 1) указание на качество; 2) цвет (чёрный, золото, красный, бежевый); 3) использование графики (мало текста, печатная и наружная реклама); 4) статусная рекламная модель (привлекательная, успешная, самоуверенная личность, одетая в деловом стиле). Эти признаки сходны с перечисленными в теоретическом обзоре индикаторами премиума в маркетинговых коммуникациях, различие состоит в несколько большем перечне «премиальных» цветов и, что более существенно, ином перечне каналов коммуникации (совпадают только гляцевые журналы).

Далее по тексту будут описаны признаки, которые помогали респондентам классифицировать конкретные рекламные изображения как относящиеся к категории премиум или более низкой стоимости.

Потребитель премиума: выше были описаны признаки модели из рекламы товаров категории премиум, которые мы не будем здесь дублировать.

Типичный потребитель таких товаров с точки зрения молодёжи: это при-

влекательный (8 индикаторов), самоуверенный (3 индикатора), сдержанный (4 индикатора), состоятельный (5 индикаторов) и успешный (3 индикатора) мужчина (13 индикаторов). Он может вести как спокойный, так и активный образ жизни (по 3 индикатора). Наиболее частым ответом респондентов об уровне доходов типичного потребителя премиума было 200 тыс. в месяц (5 индикаторов) и 300 тыс. в месяц (2 индикатора). Причём у мужчин более реалистичные представления об уровне доходов такого человека, чем у женщин. Так, нижний порог, с которого начинается зарплата реального потребителя премиум товаров, по мнению женщин, – 100 тыс. руб. в месяц. Максимальная цифра, которая была названа в качестве заработной платы в выборке женщин – 300 тыс. руб. В мужской выборке минимальный порог заработной платы потребителя премиума начинается с 200 тыс. руб. в месяц, а максимальная названная цифра – 15 млн руб. в месяц. Причиной такой разницы могут быть мужские предпочтения более дорогостоящих товаров, недоступных для широкой аудитории (недвижимость, автомобили, техника) и предполагающих принадлежность потребителя к сверхбогатым людям или массовой элите.

Сравнение признаков рекламной модели и образа типичного потребителя позволяет говорить о расхождении между ними по полу, стилю одежды, образу жизни, открытости – сдержанности. Вероятно, это объясняется преобладанием мужчин в тех сферах деятельности, которые позволяют иметь высокий уровень дохода и потребления. С точки зрения наших респондентов, рекламные потребители пре-

миума чаще носят деловые костюмы, нежели свободную одежду. Это может объясняться тем, что деловой костюм является более статусным, так как для него характерны чёткие линии, закрытость тела, многослойность [12; 16]. Респонденты также склонны описывать рекламных потребителей премиума как открытых людей в плане общения и в плане поведения, а реальные потребители премиума в их представлении являются более сдержанными.

Отношение к себе и другим в контексте пользования премиумом: Приобретение товаров категории премиум чаще всего вызывало у респондентов такие эмоции, как радость и удовольствие (5 индикаторов), некоторые также свидетельствовали об увеличении самооценки (2 индикатора). Однако после длительного пользования данными премиум товарами прежние эмоции, испытанные при приобретении товара, полностью пропадали (5 индикаторов), и только один респондент продолжает получать удовольствие от использования приобретённого премиум товара. Эту особенность (угасание удовольствия) обычно отмечают при описании импульсивных покупок, совершаемых под настроение.

Респонденты утверждали, что отношение к людям при постоянном потреблении премиум товаров у них бы не поменялось (6 индикаторов). Один респондент заявил, что таким образом он бы увеличивал свою самооценку за счёт тех, кто не может позволить себе потребление премиума (по словам респондента-мужчины, он «начал бы стебаться»). Говоря об отношении к себе, большинство респондентов утверждали, что их отношение к себе ни-

как бы не изменилось (4 индикатора). Было выявлено 3 индикатора, показывающих, что потребители испытывали бы положительные эмоции. Был выявлен 1 индикатор, который присущ подкатегории «Стыд» – данная информация говорит о том, что одному респонденту было бы стыдно потреблять премиум товары, так как он боялся бы общественного порицания. Это можно рассматривать как проявление нравственной регуляции потребительского поведения, заслуживающее отдельного изучения.

Двое респондентов сообщили о повышении самооценки за счёт покупки товара премиум качества, но по прошествии определённого времени, потребление данного товара перестало приносить ему обладателю уверенность в себе. Скорее всего, это связано с различиями в образе рекламного и реального потребителя премиум-товаров. Реклама обещает открытость, уверенность и т. д., а в действительности товар этого не приносит, потому что не может. Стать открытым, уверенным и т. д. человек может за счёт работы над собой, а не покупки каких-то атрибутов статуса. Стремление снова пережить это самоощущение может привести к развитию шопоголизма.

На основе этой части данных интервью можно предварительно говорить о 3 типах отношения к себе, потребляющему товары категории премиум: 1) самовознесение, 2) устойчивая самооценка, 3) самобичевание. Это сопоставимо с данными А. Н. Лебедева и И. А. Милехина, также выделявших 3 группы респондентов, которые после просмотра рекламы премиум товаров осуществляли социальное сравнение в сторону повышения своего субъектив-

ного социально-экономического статуса, в сторону понижения, идентично оценкам до просмотра рекламы [15]. Однако в случае 3-го типа на нашей выборке речь идёт не о снижении самооценки, а о чувстве вины за пользование дорогостоящими товарами, причиной которого могут быть аскетизм, негативное отношение к себе, нравственные принципы личности, религиозные убеждения и т. д. Этот аспект потребительского поведения заслуживает отдельного изучения.

Изменение отношения человека к себе и другим людям возможно у респондентов, пытающихся компенсировать недостаток уверенности в себе за счёт потребления товаров категории премиум. Доля таких людей среди молодёжи невелика, но у неё есть риск развития шопоголизма.

В последней категории «Отношение к потребляемым товарам» было получено 6 индикаторов в подкатегории «Без изменений» – это говорит о том, что у большей части респондентов после потребления премиум товаров не изменилось бы отношение к товарам более низкой ценовой категории. Ещё было выявлено 2 индикатора в подкатегории «Приятнее пользоваться», т. е. некоторые люди после потребления премиум товара поняли, что ими пользоваться приятнее, нежели товарами других ценовых категорий.

Межполовые различия в социальной перцепции премиума: Социальная перцепция рекламы женской обуви категории премиум при отсутствии указания на бренд у мужчин подверглась искажению: товар был отнесён к более низкой ценовой категории (3 индикатора). У женщин же реклама женской обуви была верно отнесена к катего-

рии премиум (3 индикатора) только благодаря тому, что моделью в рекламе была известная личность (актриса Кейт Мара). Реклама мужской обуви, наоборот, женщинами была отнесена к более низкой ценовой категории (4 индикатора), а мужчинами – к категории премиум (3 индикатора). Вероятной причиной занижения ценовой категории рекламы мужской обуви был её спортивный дизайн, также в рекламном изображении отсутствовали атрибуты роскошной жизни, которые могли бы создать верный имидж товару.

Реклама женской одежды и декоративной косметики при отсутствии указания на бренд как мужчинами, так и женщинами была воспринята как относящаяся к категории премиум (8 индикаторов для одежды и 10 индикаторов для помады) на основании таких признаков, как рекламная модель (это были: певица Леди Гага, актриса Моника Белуччи, модель Мария Карла Босконо), качество съёмки и атрибутика, цвет (чёрный, золотой, красный). Социальная перцепция рекламы мужской одежды была искажена в сторону занижения ценовой категории товара как мужчинами, так и женщинами (4 индикатора и 5 индикаторов соответственно). Вероятно, это было связано с тем, что рекламное изображение было монохромным, и товаром были джинсы.

Реклама женского аксессуара при отсутствии указания на бренд была идентифицирована как относящаяся к категории премиум и мужчинами (4 индикатора), и женщинами (5 индикаторов) благодаря фирменному рисунку на материале, из которого был изготовлен данный аксессуар (монограммная ткань на сумке Louis Vuitton), а также рекламной модели, которой была ак-

триса Ума Турман. Мнения мужчин и женщин относительно рекламы мужского аксессуара разделились независимо от пола: 6 человек отнесли её к категории премиум, а 4 человека – к категории масс-маркет. Использование золотого цвета и известной рекламной модели (актёр и модель Адам Сенн) являются признаками категории премиум, но отсутствие одежды на мужчине в кадре снижает статус изображения и служит для респондентов признаком более низкой ценовой категории.

Можно заметить следующие тенденции: женщины несколько лучше идентифицируют товары категории премиум при отсутствии указания на бренд, чем мужчины, однако это касается только женских товаров. Мужские товары категории премиум воспринимаются и женщинами, и мужчинами как относящиеся к более низкой ценовой категории (исключение составляет мужская обувь в восприятии мужчинами). Повидимому, распознавание категории премиум молодёжью успешно в случае использования в рекламе нескольких «премиальных» цветов и известной модели, которая не должна быть раздетой.

Признаки премиум рекламы и премиум товара в представлениях молодёжи частично совпадают с признаками премиум рекламы и премиум товаров, которые присутствуют в конкретных рекламных изображениях (цвет и рекламная модель).

Таким образом, можно выделить следующие механизмы социальной перцепции молодёжью товаров категории премиум: 1) высокая стоимость товаров категории премиум оправдывается высоким качеством материалов и производства этих товаров (вклад расходов на маркетинговое продвижение

в стоимость этих товаров практически не рефлексруется респондентами); 2) использование в рекламе нескольких «премиальных» цветов и известной модели, которая не должна быть раздетой, служит признаком рекламы премиального товара при отсутствии указания на бренд; 3) социальная перцепция молодёжью товара категории премиум определяется демонстрацией стереотипных признаков высокого социального статуса (деловая одежда, мужчина, средний возраст, сдержанность); 4) присутствие в рекламе товаров категории премиум признаков более простого и непринуждённого образа жизни искажает их восприятие в сторону снижения ценовой категории (спортивный стиль, отсутствие одежды на рекламной модели) при отсутствии указания на бренд.

По результатам проведённого анализа также можно наметить несколько направлений для дальнейших количественных исследований: 1) социально-психологические факторы переживания стыда за пользование дорогостоящими товарами; 2) возможность мимикрии товаров масс-маркета и эконом под товары категории премиум при помощи «премиальных цветов», известной одетой рекламной модели и т. д.; 3) отношение к рекламе товаров категории премиум в интернете; 4) уточнение перечня признаков простого и непринуждённо-

го образа жизни, искажающих социальную перцепцию рекламы товаров категории премиум в сторону снижения их ценовой категории.

Заключение

Признаки премиум рекламы и премиум товара в представлениях молодёжи частично совпадают с признаками премиум рекламы и премиум товаров, которые присутствуют в конкретных рекламных изображениях. Существуют расхождения между рекламной моделью и образом типичного потребителя товаров категории премиум по полу, стилю одежды, образу жизни, открытости / сдержанности. Изменение отношения к себе и другим людям возможно у респондентов, пытающихся компенсировать недостаток уверенности в себе за счёт потребления товаров категории премиум. Женщины несколько лучше идентифицируют женские товары категории премиум при отсутствии указания на бренд, чем мужчины. Мужские товары категории премиум при отсутствии указания на бренд воспринимаются искажённо (в сторону занижения ценовой категории) как мужчинами, так и женщинами.

*Статья поступила
в редакцию 05.08.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполняется по Государственному заданию 0159-2019-0002 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

ACKNOWLEDGMENTS

The work is done by the Government task 0159-2019-0002 "Psychology of the collective subject in the changing conditions of joint activity".

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова С. П. Особенности рынка элитных товаров [Электронный ресурс] // Вектор экономики. 2017. № 8. URL: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/8/marketingandmanagement/Azarova.pdf> (дата обращения: 24.08.2019).
2. Андреева Г. М. Психология социального познания. М., 2000. 288 с.
3. Антонова Н. В., Патоша О. И. Восприятие брендов и стратегии потребительского поведения. М., 2017. 208 с.
4. Баранов А. Б. Социальная перцепция в условиях межличностного и текстового взаимодействия // Всероссийский журнал научных публикаций. 2011. № 3 (4). С. 46–48.
5. Белкин А. И. Социальная перцепция граффити и оценка неинституциональной изобразительной деятельности авторов граффити // Вестник Самарского государственного университета. 2011. № 88. С. 166–172.
6. Бодалев А. А. Восприятие и понимание человека человеком. М., 1982. 200 с.
7. Бровкина Ю. Ю. Бренд как образ социального объекта // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2009. № 1. С. 248–255.
8. Бусыгина Н. П. Методология качественных исследований в психологии. М., 2013. 284 с.
9. Войскунский А. Е. Социальная перцепция в социальных сетях // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 2. С. 90–104.
10. Горохов М. А. Товары класса «премиум»: сущность и основные характеристики [Электронный ресурс] // Маркетинг в России и за рубежом. 2011. № 2. URL: <https://dis.ru/library/541/29361> (дата обращения: 08.07.2019).
11. Грамолина О. Продвигаем продукт в премиальном сегменте. Особенности позиционирования дорогих товаров [Электронный ресурс] // Daily Archives. [02.05.2012]. URL: <https://bbdoblog.ru/2012/05/02> (дата обращения: 08.07.2019).
12. Килошенко М. И. Психология моды. СПб., 2017. 320 с.
13. Костина А. В., Макаревич Э. Ф., Карпухин О. И. Основы рекламы. М., 2017. 402 с.
14. Куликов А. Н. Роскошь в сети // Бренд-менеджмент. 2009. № 5 (48). С. 284–288.
15. Лебедев А. Н., Милехин И. А. Влияние рекламы престижных дорогих товаров на потребителей разного психологического типа // Психологические и психоаналитические исследования / под ред. А. Н. Лебедева. М., 2009. С. 306–318.
16. Мавричева А. Код публичности. Развитие личного бренда в эпоху Digital. СПб., 2019. 272 с.
17. Маркова В. М. Социально-психологические характеристики образа торговой марки: дис. ... канд. психол. наук. М., 2009. 158 с.
18. Полев Д. М. Эталон, прототип и стереотип как механизмы восприятия человека человеком // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2009. Вып. 5. № 18. С. 19–25.
19. Christodoulides G., Michaelidou N., Li C. H. Measuring perceived brand luxury and evaluation of the BLI scale // Journal of Brand Management. 2009. № 16 (5–6). P. 395–405.
20. Hagtvæd H., Patrick V. The broad embrace of luxury: hedonic potential as a driver of brand extendibility // Journal of Consumer Psychology. 2009. № 19. P. 608–619.
21. Kemp S. Perceiving Luxury and Necessity // Journal of Economic Psychology. 1998. № 19. P. 591–606.

REFERENCES

1. Azarova S. P. [Features of the market of luxury goods]. In: *Vektor ekonomiki* [Vector of the economy], 2017, no. 8. Available at: <http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2017/8/marketingandmanagement/Azarova.pdf> (accessed: 24.08.2019).

2. Andreeva G. M. *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition]. Moscow, 2000. 288 p.
3. Antonova N. V., Patosha O. I. *Vospriyatie brendov i strategii potrebitel'skogo povedeniya* [The perception of brands and strategies of consumer behavior]. Moscow, 2017. 208 p.
4. Baranov A. B. [Social perception in terms of interpersonal and textual interaction]. In: *Vserossiiskii zhurnal nauchnykh publikatsii* [Russian journal of scientific publications], 2011, no. 3 (4), pp. 46–48.
5. Belkin A. I. [Social perception of graffiti and evaluation of non-institutional graphic activity of authors of graffiti]. In: *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Samara State University], 2011, no. 88, pp. 166–172.
6. Bodalev A. A. *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [The perception and understanding of the human person]. Moscow, 1982. 200 p.
7. Brovkina Yu. Yu. [Brand image as a social object]. In: *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University], 2009, no. 1, pp. 248–255.
8. Busygina N. P. *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* [The methodology of qualitative research in psychology]. Moscow, 2013. 284 p.
9. Voiskunsky A. E. [Social perception in social networks]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14. Psychology], 2014, no. 2, pp. 90–104.
10. Gorokhov M. A. [Premium products: the essence and main characteristics]. In: *Marketing v Rossii i za rubezhom* [Marketing in Russia and abroad], 2011, no. 2. Available at: <https://dis.ru/library/541/29361> (accessed: 08.07.2019).
11. Gramolina O. [Promoting the product in the premium segment. Features positioning expensive goods]. In: *Daily Archives*, 02.05.2012. Available at: <https://bbdoblog.ru/2012/05/02> (accessed: 08.07.2019).
12. Kiloshenko M. I. *Psikhologiya mody* [The psychology of fashion]. St. Petersburg, 2017. 320 p.
13. Kostina A. V., Makarevich E. F., Karpukhin O. I. *Osnovy reklamy* [Principles of advertising]. Moscow, 2017. 402 p.
14. Kulikov A. N. [The luxury network]. In: *Brend-menedzhment* [Brand management], 2009, no. 5 (48), pp. 284–288.
15. Lebedev A. N., Milekhin I. A. [The impact of advertising prestigious, expensive products to consumers with different psychological types]. In: Lebedev A. N., ed. *Psikhologicheskie i psikhoanaliticheskie issledovaniya* [Psychological and psychoanalytic studies]. Moscow, 2009, pp. 306–318.
16. Mavrichева A. *Kod publichnosti. Razvitie lichnogo brenda v epokhu Digital* [Code of publicity. The development of the personal brand in the Digital era]. St. Petersburg, 2019. 272 p.
17. Markova V. M. *Sotsial'no-psikhologicheskie kharakteristiki obraza torgovoi marki: dis. ... kand. psikh. nauk* [Socio-psychological characteristics of the brand image: PhD thesis in Psychological sciences]. Moscow, 2009. 158 p.
18. Polev D. M. [A reference prototype and stereotype as the mechanisms of perception of man by man]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Psychology], 2009, iss. 5, no. 18, pp. 19–25.
19. Christodoulides G., Michaelidou N., Li C. H. Measuring perceived brand luxury and evaluation of the BLI scale. In: *Journal of Brand Management*, 2009, no. 16 (5–6), pp. 395–405.

20. Hagtved H., Patrick V. The broad embrace of luxury: hedonic potential as a driver of brand extendibility. In: *Journal of Consumer Psychology*, 2009, no. 19, pp. 608–619.
21. Kemp S. Perceiving Luxury and Necessity. In: *Journal of Economic Psychology*, 1998, no. 19, pp. 591–606.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Воробьева Анастасия Евгеньевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии РАН;
e-mail: aeVorobieva@yandex.ru;

Овчинников Ярослав Владимирович – студент кафедры социальной психологии Государственного академического университета гуманитарных наук;
e-mail: winrar@icloud.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anastasia E. Vorobieva – PhD in Psychology, senior researcher, the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: aeVorobieva@yandex.ru;

Yaroslav V. Ovchinnikov – student, Social psychology department, State Academic University for the Humanities;
e-mail: winrar@icloud.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Воробьева А. Е., Овчинников Я. В. Механизмы социальной перцепции молодёжью товаров категории премиум и их рекламы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 76–89.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-76-89

FOR CITATION

Vorobieva A. E., Ovchinnikov Ya. V. Mechanisms of youth's social perception of goods of the premium category and their advertising. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 76–89.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-76-89

УДК 316.6

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-90-104

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ГРУППОВАЯ СПЛОЧЕННОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И БЕЛОРУССИИ В КОНТЕКСТЕ АТТИТЮДОВ ПАТРИОТИЗМА: КРОСС-КУЛЬТУРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Егоров И. В.*Московский городской педагогический университет**129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена изучению взаимосвязи групповой сплочённости и профессиональной идентичности студенческой молодёжи Российской Федерации и Белорусской Республики с различными аттитюдами патриотизма. В качестве методик исследования использовались: анкета «отъезд как возможность и реальность», методика изучения профессиональной идентичности, «индекс групповой сплочённости» Сишора. Выборку составили студенты России ($n = 502$) и Белоруссии ($n = 332$), средний возраст – 21,4 года. Показано, что количество студенческой молодёжи, желающей и положительно оценивающей свои возможности отъезда из страны, больше среди респондентов Белорусской Республики. Молодые люди Российской Федерации с аттитюдом «выраженного» патриотизма менее всего удовлетворены межличностными отношениями в сравнении со своими сверстниками из Российской Федерации с другими аттитюдами. Молодые люди Российской Федерации с аттитюдом «нулевого» патриотизма показали значимо более высокие результаты профессиональной идентичности. У студентов Белорусской Республики с аттитюдом «непроверенного» патриотизма самый низкий результат по показателю профессиональной идентичности.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, групповая сплочённость, отъезд из своей страны, аттитюды патриотизма, студенческая молодёжь, кросс-культурное исследование

PROFESSIONAL IDENTITY, GROUP COHESION OF STUDENT YOUTH OF RUSSIA AND BELARUS IN THE CONTEXT OF PATRIOTISM ATTITUDES: A CROSS-CULTURAL RESEARCH

I. Egorov*Moscow City University**4, 2-j Sel'skokozyajstvennyj proyezd, 129226, Moscow, Russian Federation*

Abstract. The article is devoted to the study of the correlation of a group cohesion and professional identity of the student youth of the Russian Federation and the Belarusian Republic with various patriotism attitudes. The questionnaire “Departure as an opportunity and a reality”, the technique for studying professional identity, and the “Sishora group cohesion index” were

used as research methods. The sample consisted of students from Russia ($n = 502$) and Belarus ($n = 332$), the average age was 21.4 years. It is shown that the amount of student youth willing and positively assessing their ability to leave the country is higher among the respondents of the BR. Young people of the Russian Federation, with the attitude of "expressed" patriotism, are less satisfied with interpersonal relations in comparison with their peers of the Russian Federation with other attitudes. The young people from the Russian Federation with the attitudes of "zero" patriotism showed significantly higher results of professional identity. BR students with attitudes of "unverified" patriotism have the lowest result in terms of professional identity.

Keywords: professional identity, group cohesion, departure from native country, student youth, patriotism attitudes, cross-cultural research

Сопряжение феноменологии аттитюдов и их конкретные поведенческие проявления с особой остротой выражаются в таком явлении, как патриотизм. С научной точки зрения патриотизм толкуется неоднозначно, тем самым остаются мало изученными аспекты научной проблемы, связанные с определением содержательной взаимосвязи: аттитюды – реальное поведение – патриотизм; а также с раскрытием специфики и выделением категориальной дифференциации аттитюдов патриотизма, их аутигрупповых и интрупповых детерминант и проявлений.

Феноменология патриотизма молодёжи стала предметом ряда недавних социально-психологических публикаций в рамках совместного российско-белорусского кросс-культурного исследования [2; 3; 5; 6; 7; 9; 13]. Так, в частности, в этих исследованиях было установлено, что «в представлениях современной молодёжи профессиональные успехи коррелируют с патриотическими ценностями личности» [5, с. 494]. Эта связка «профессиональной компетентности и патриотических ценностей оказывает влияние на психологический климат, внутриорганизационные интерактивные процессы и потенциально выступает регулятором трудовой активности молодёжи» [5,

с. 495]. Для молодых людей развитое чувство патриотизма так же важно, как и компетенция «преданности компании» [6, с. 500].

В этих теоретико-эмпирических исследованиях также были раскрыты механизмы взаимовлияния в развитии идентичности (профессиональной, гражданской) и патриотических установок студенческой молодёжи [2; 3], взаимосвязи авторитаризма и карьерных ориентаций личности [7; 9].

Опираясь в изучении на идею патриотизма как многомерной социальной установки (аттитюда) [12; 13; 15; 16], мы исходили из того, что «общность аттитюдов создаёт связь, которая может стать основой для образования постоянной группы, а принадлежность к какой-либо группе, психологической или социальной, влечёт за собой общность аттитюдов относительно некоторого числа социальных объектов» [10, с. 148]. Таким социальным объектом в нашем исследовании стало желание / нежелание – возможность / невозможность отъезда из своей страны (по разным причинам и основаниям). В результате была создана модель типологии аттитюдов патриотизма, основанная на отношении молодёжи к отъезду из своей страны в модальностях «хочу / не хочу уехать» и «могу / не

могу уехать» [13]. Так были определены четыре типа аттитюда патриотизма: «Могу и хочу уехать из страны» – «нулевой» патриотизм; «Могу, но не хочу уезжать» – «выраженный» патриотизм; «Не могу, но хочу уехать» – «отвергаемый» патриотизм; «Не могу и не хочу уезжать» – «невалидный», «непроверенный» патриотизм [13].

В этой статье мы представим результаты изучения специфики и взаимовлияния аттитюдов патриотизма, профессиональной идентичности и степени включённости в референтную группу (индекс групповой сплочённости) студенческой молодёжи.

Обращение к анализу этих социально-психологических характеристик студенческой молодёжи необходимо в связи с тем, что эти характеристики отражают «основные потребности юности – потребность в социальном и профессиональном самоопределении. И потребность в социально-психологической поддержке и защите» [4, с. 41]. Вместе с тем в этих характеристиках отражается то, как происходит процесс взросления личности, через разрешение «основных, социально-психологических, социально-нравственных, профессионально-психологических противоречий юношеского возраста» [4, с. 39–40].

Изучение групповой сплочённости в рамках нашего исследования позволит выявить, как степень включённости в первичную, референтную, группу взаимосвязана с профессиональной идентичностью и аттитюдами патриотизма.

Под групповой сплочённостью понимаются степень привлекательности группы для её членов и уровень взаимной симпатии в межличностных отношениях между членами группы в процессе решения образовательных

задач, связанных с обучением в вузе [1; 8], поэтому данные психологические характеристики позволяют показать глубинную психосоциальную сторону взаимосвязи (и/или взаимных различий) внутри группы и между группами, объединёнными общими аттитюдами в период профессионального становления и взросления личности.

Таким образом, целью исследования стало изучение индекса групповой сплочённости и профессиональной идентичности студенческой молодёжи Российской Федерации и Белорусской Республики с различными аттитюдами патриотизма.

Гипотезами исследования выступили следующие предположения:

- между выборками студенческой молодёжи Российской Федерации и Белорусской Республики с одинаковыми аттитюдами будут как сходства, так и различия;

- индекс групповой сплочённости (в первичной группе) молодёжи с идентичным аттитюдом патриотизма будет различаться у молодых людей из Российской Федерации и Белорусской Республики;

- можно предположить наличие взаимосвязи между профессиональной идентичностью и уровнем групповой сплочённости у молодых людей из Российской Федерации и Белорусской Республики.

Выборка¹

В исследовании использовались стратегия случайной выборки, приём

¹ В данной работе анализируются расширенные и дополненные результаты российско-белорусского исследования, и только по трём методикам. В целом в опросном листе респондентам предлагалось 13 методик.

кластеризации. Респонденты относятся к социальной группе – студенчеству. Опрос проходил в 2018 г. в России (далее РФ), в городах – Курск, Москва, Омск, и в Республике Беларусь (далее РБ), в городе Минске. Выборка состоит из двух групп. Одна группа – студенты российских вузов. Общее количество 502 человека. Другая группа – студенты белорусских вузов. Общее количество 332 человека. Средний возраст опрошенных – 21,4 года.

Организация и методы исследования

Все респонденты по анкете «ОВР: отъезд как возможность и реальность» были распределены на четыре подгруппы в зависимости от оценки желательности и возможности отъезда из своей страны (РФ / БР), которые соотносятся с четырьмя вариациями проявлений патриотизма: 1) «Могу и хочу уехать из страны» – «нулевой» патриотизм; 2) «Могу, но не хочу уезжать» – «явленный», или «выраженный» патриотизм; 3) «Не могу, но хочу уехать» – «отвергаемый» патриотизм; 4) «Не могу и не хочу уезжать» – «непроверенный», или «невалидный» патриотизм¹ [13].

¹ В данной анкете респондентам предлагалось объяснить свой выбор той или иной социальной установки. В анализе результатов исследования мы ограничимся результатом выбора без анализа объяснений выбора конкретного аттитюда респондентами в связи с ограниченным объёмом статьи. Автор понимает, что объяснение этого выбора – важная составляющая аттитюда, и поэтому изучению этой составляющей планируется посвятить отдельную часть исследования, направленную на понимание механизмов эмоционального и когнитивного компонентов аттитюда отъезда из страны молодёжью в контексте профессионализации.

Затем в каждой подгруппе был вычислен индекс групповой сплочённости Шихора [11]. В последующем анализе этот показатель сравнивался между подгруппами (с разными аттитюдами) внутри каждой группы (РФ и БР), а также сравнивался у подгрупп с идентичными аттитюдами между группами РФ и БР.

Результаты обрабатывались с помощью программы SPSS с использованием первичной описательной статистики, сравнительного анализа средних по t-критерию Стьюдента, критерия χ^2 (угловое преобразование Фишера), корреляционного анализа Спирмена.

Результаты и их обсуждение

Описание результатов начнём с данных по тому, как распределились респонденты по ответам на вопросы анкеты «Отъезд из страны как возможность и реальность» (см. табл. 1), так как весь последующий анализ результатов построен на сравнении именно этих четырёх подгрупп, объединённых по четырём социальным установкам.

Можно констатировать, что все четыре подгруппы статистически различаются по количеству респондентов, выбирающих ту или иную социальную установку в выборах РФ и БР.

Так, самое большое количество молодых людей РФ (36 %) имеет аттитюд «могу, но не хочу уезжать» («выраженный» патриотизм). Опрошенных респондентов БР, имеющих такую же установку, меньше (30 %), треть из всей выборки БР.

Самое большое количество респондентов БР (34,7 %) объединяет аттитюд «не могу, но хочу уехать» («отвергаемый» патриотизм). Опрошенной студенческой молодёжи РФ, имеющей такую же социальную установку, около четверти (24 %).

Таблица 1.

Распределение результатов по attitude патриотизма (отъезда из своей страны) студенческой молодёжи РФ и БР (по анкете ОВР)

Подгруппы с attitude патриотизма (отъезда из страны)	Студенческая молодёжь РФ (n = 502)	Студенческая молодёжь БР (n = 332)	Значимость / незначимость различий по критерию Фишера между студенческой молодёжью РФ и БР
Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	12,2 % (61 чел.)	24 % (80 чел.)	Значимые различия ($\varphi^*_{эмп} = 2,303$ при $p \leq 0,01$)
Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	36 % (181 чел.)	30,4 % (101 чел.)	Значимые различия ($\varphi^*_{эмп} = 1,711$ при $p \leq 0,05$).
Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	24,2 % (121 чел.)	34,7 % (115 чел.)	Значимые различия ($\varphi^*_{эмп} = 3,28$ при $p \leq 0,01$)
Подгруппа 4. «Не могу и не хочу уезжать»	27,6 % (139 чел.)	10,9 % (36 чел.)	Значимые различия ($\varphi^*_{эмп} = 6,206$ при $p \leq 0,01$)

Наименьшее количество опрошенных молодых людей РФ (12 %) имеет attitude «могу и хочу уехать» («нулевой» патриотизм). Вместе с тем опрошенных молодых людей БР с таким же attitude в два раза больше (24 %). Как видно из таблицы, данные различия статистически значимы по критерию Фишера на уровне $p \leq 0,01$.

С attitude «не могу и не хочу уезжать» («непроверенный» патриотизм) молодых людей из РФ более чем в два с половиной раза больше (27 %), чем из БР (10 %). Здесь также различия статистически значимы на уровне $p \leq 0,01$.

В целом получается, что из опрошенных тех, у кого есть желание уехать из страны по разным причинам (включая тех, кто может, и тех, кто не может), более половины в выборке БР (56,7 %), а в выборке РФ таких более трети (36,4 %).

Тех, кто не хочет («не хочу») уезжать из страны, более половины (53,6 %)

опрошенных РФ и 41,1 % опрошенных молодых людей БР.

Если посмотреть по возможности отъезда («могу»), то тех, кто считает, что может уехать, из опрошенных молодых людей РФ чуть менее половины (48 %), а из опрошенных БР таких более половины (54,4 %).

Отсутствие возможностей отъезда из страны у себя констатируют 51,8 % респондентов РФ и 45,6 % опрошенных молодых людей БР.

В целом можно сказать, что подгруппы в выборках РФ и БР, распределённые по одному из четырёх attitude, статистически различаются.

Это позволяет нам подробнее рассмотреть социально-психологические особенности каждой подгруппы, имеющей свой attitude отъезда из страны (патриотизма). Далее опишем и проанализируем результаты удовлетворённости межличностными отношениями в первичных (студенческих) группах

Таблица 2.

Распределение результатов по методике Сижора (индекс групповой сплочённости) студенческой молодёжи РФ и БР

	Студенческая молодёжь РФ Среднее арифметическое	Студенческая молодёжь БР Среднее арифметическое	t-критерий Стьюдента (при $p \leq 0,05$)
Индекс групповой сплочённости	$\bar{x} = 11,88$	$\bar{x} = 11,71$	Не значимые различия $t_{\text{эмп}} = 0,9$

Таблица 3.

Распределение результатов по методике Сижора (индекс групповой сплочённости) студенческой молодёжи РФ с различными аттитюдами

Подгруппы с аттитюдами патриотизма (отъезда из своей страны)	Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	Подгруппа 4. «Не могу и не хочу уезжать»
Индекс групповой сплочённости (среднее арифм.)	12,5	11,5	12,4	12,12

опрошенных респондентов РФ и БР (табл. 2).

Необходимо отметить, что в группах студенческой молодёжи РФ и БР выраженность индекса групповой сплочённости в первичных группах одинакова и находится на среднем уровне [11]. И между выборками нет значимых различий (табл. 2), т. е. по степени привлекательности и удовлетворённости межличностными отношениями в референтной группе респонденты РФ и БР схожи.

В подгруппах с различными аттитюдами патриотизма были рассчитаны показатели индекса групповой сплочённости и проверены на уровень значимых (незначимых) различий по этому показателю. Сначала отдельно респонденты РФ и отдельно респонденты БР (табл. 3, 4, 5), а затем в сравнении респонденты РФ и БР по аттитюдам патриотизма.

Как показывают результаты в выборке РФ в подгруппах с различными аттитюдами патриотизма (табл. 3), из

всех четырёх подгрупп самый высокий показатель (12,5) групповой сплочённости в подгруппе 1 («нулевой» патриотизм) и подгруппе 3 (12,4) («отвергаемый» патриотизм), а самый низкий (11,5) в подгруппе 2 («выраженный» патриотизм).

Подсчёт значимости различий по индексу групповой сплочённости показал, что респонденты с различными аттитюдами РФ различаются (см. табл. 4): подгруппа 1 с аттитюдом «могу и хочу уехать из страны» значимо отличается высоким уровнем групповой сплочённости от группы 2. Подгруппа 2 с аттитюдом «могу, но не хочу уезжать из страны» значимо отличается низким уровнем групповой сплочённости от остальных трёх подгрупп, т. е. можно сказать, что респонденты с аттитюдом «выраженного» патриотизма менее удовлетворены межличностными отношениями в своих студенческих группах по сравнению с респондентами из других подгрупп, а

Таблица 4.

Значимость различий между уровнями групповой сплочённости по тесту Сисшора в подгруппах студенческой молодёжи РФ с различными аттитюдами

	Подгруппа 1 Подгруппа 2	Подгруппа 2 Подгруппа 3	Подгруппа 2 Подгруппа 4
Значимость различий по t-критерию Стьюдента	значимые различия $t_{\text{эмп}} = 2,3$ при $p \leq 0,05$	значимые различия $t_{\text{эмп}} = 2,7$ при $p \leq 0,05$	значимые различия $t_{\text{эмп}} = 2$ при $p \leq 0,05$

Таблица 5.

Распределение результатов по методике Сисшора (индекс групповой сплочённости) студенческой молодёжи БР с различными аттитюдами

Подгруппы с аттитюдами патриотизма	Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	Подгруппа 4. «Не могу и не хочу уезжать»
Индекс групповой сплочённости (среднее арифм.)	11,4	11,72	11,95	12,03

у респондентов с «нулевым» патриотизмом наиболее высокий уровень удовлетворённости своей студенческой группой, и они оценивают свои референтные группы как более привлекательные и сплочённые.

При сравнении подгрупп с различными аттитюдами патриотизма в выборке студенческой молодёжи БР (табл. 5) значимых различий (по t-критерию Стьюдента при $p \leq 0,05$) не было выявлено. Другими словами, в подгруппах БР с разными аттитюдами уровень групповой сплочённости в первичных группах идентичен.

Подгруппы с различными аттитюдами патриотизма однородны по своему психологическому самочувствию в первичных группах и оценке групповой сплочённости. И во всех четырёх подгруппах индекс групповой сплочённости находится на среднем уровне.

Рассмотрим сравнительные показатели индекса групповой сплочённо-

сти у студенческой молодёжи РФ и БР (табл. 6).

При сравнении показателей индекса групповой сплочённости между подгруппами РФ и БР с идентичными аттитюдами патриотизма (табл. 6) были обнаружены различия только в подгруппе с социальной установкой «Могу и хочу уехать из страны» (с «нулевым» патриотизмом), а именно в подгруппе респондентов РФ с данной установкой выявлены более высокие (значимые различия) по сравнению с подгруппой респондентов с такой же установкой БР. Другими словами, молодые люди из РФ с аттитюдом «нулевого» патриотизма более удовлетворены межличностными отношениями в референтной группе, чем молодые люди с такой же установкой из БР.

Так как в этой работе нас интересовали и механизмы взаимосвязи аттитюдов патриотизма с профессионализацией молодёжи, в исследовании

Таблица 6.

Распределение результатов в подгруппах с различным отношением к патриотизму по тесту Сигора (индекс групповой сплочённости) студенческой молодёжи РФ и БР

Подгруппы с отношением к патриотизму	Студенческая молодёжь РФ	Студенческая молодёжь БР	Значимость / незначимость различий по t-критерию Стьюдента
	индекс групповой сплочённости (средн. арифм.)		(при $p \leq 0,05$)
Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	$\bar{x} = 12,48$	$\bar{x} = 11,4$	значимые различия $t_{\text{эмп}} = 2,4$
Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	$\bar{x} = 11,5$	$\bar{x} = 11,72$	Незначимые различия $t_{\text{эмп}} = 0,7$
Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	$\bar{x} = 12,4$	$\bar{x} = 11,95$	Незначимые различия $t_{\text{эмп}} = 1,3$
Подгруппа 4. «Не могу, и не хочу уезжать»	$\bar{x} = 12,12$	$\bar{x} = 12,03$	Незначимые различия $t_{\text{эмп}} = 0,2$

Таблица 7.

Средний показатель профессиональной идентичности по тесту МИПИ в группах студенческой молодёжи РФ ($n = 502$) и БР ($n = 332$)

Уровень профессиональной идентичности	Студенческая молодёжь РФ	Студенческая молодёжь БР	t-критерии Стьюдента (при $p \leq 0,01$)
Среднее арифметическое ($\bar{x}$)	0,71	0,65	Значимые различия $t_{\text{эмп}} = 4,5$

специально изучалась такая психологическая характеристика, как профессиональная идентичность, поэтому следующим шагом в данной части работы стало изучение того, существует ли связь между восприятием себя как профессионала (профессиональной идентичностью) и индексом групповой сплочённости с разными отношениями к патриотизму студенческой молодёжи РФ и БР¹ (табл. 7).

¹ Результаты по данному кросс-культурному исследованию по взаимосвязям показателей и характеристик методики МИПИ и другим методикам были опубликованы в 2018 г. исследовательской группой, работающей по этому проекту: Л. Б. Шнейдер, И. В. Егоров,

Из таблицы 7 видно, что по средним показателям профессиональной идентичности по всей выборке молодёжь РФ и БР различается. Уровень восприятия себя как профессионала статистически выше у студенческой молодёжи РФ.

Если посмотреть на то, как распределились результаты по уровню профессиональной идентичности в подгруппах молодых людей РФ с различными отношениями, можно увидеть (табл. 8), что в подгруппе 1 самый высокий показатель из четырёх подгрупп, а под-

Т. В. Коростелева, Н. А. Курдюкова, Д. В. Наумова, О. В. Смирникова. В данной статье приводятся только основные результаты по МИПИ.

Таблица 8.

Распределение результатов по методике МИПИ (профессиональной идентичности) студенческой молодёжи РФ с различными аттитюдами

Подгруппы с аттитюдами патриотизма	Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	Подгруппа 4. «Не могу и не хочу уезжать»
Уровень профессиональной идентичности (средн. арифм.)	0,72	0,70	0,68	0,68

Таблица 9.

Значимость различий между уровнями групповой сплочённости по МИПИ в подгруппах студенческой молодёжи РФ с различными аттитюдами

	Подгруппа 1 Подгруппа 3	Подгруппа 1 Подгруппа 4
Значимость различий по t-критерию Стьюдента	значимые различия $t_{\text{эмп}} = 2,7$ при $p \leq 0,05$	значимые различия $t_{\text{эмп}} = 2$ при $p \leq 0,05$

группы 3 и 4 имеют одинаковый показатель, но ниже среднего уровня по выборке, чем в первой подгруппе. Во второй подгруппе показатель уровня профессиональной идентичности чуть ниже среднего, но при этом выше, чем в подгруппах 3 и 4.

В целом можно сказать, что уровень профессиональной идентичности студенческой молодёжи РФ очень высокий, а молодёжи БР высокий (см. показатели уровней по Л. Б. Шнейдер) [14].

Расчёт значимости различий результатов теста МИПИ в подгруппах студенческой молодёжи РФ с различными аттитюдами патриотизма показал (табл. 9), что подгруппа 1 с аттитюдом «нулевого» патриотизма отличается от остальных трёх подгрупп высоким уровнем восприятия себя как профессионала.

У студенческой молодёжи РФ в подгруппе 1 уровень профессиональной идентичности очень высокий, а в подгруппах 2, 3, 4 высокий уровень профидентичности.

Подгруппы 2, 3 и 4 имеют сходные показатели (при расчёте значимых различий) по уровню профессиональной идентичности.

Таким образом, подгруппа 1 имеет наиболее высокий уровень профессиональной идентичности из всех четырёх подгрупп в выборке РФ с различными аттитюдами патриотизма. Остальные три подгруппы похожи по уровню восприятия себя как профессионала (профессиональной идентичности).

Подсчёт средних арифметических результатов по профессиональной идентичности в подгруппах с различными аттитюдами патриотизма студенческой молодёжи БР показан в таблице 10.

Подгруппы 1, 2, 3 имеют сходные результаты, а подгруппу 4 отличает более низкий показатель по профидентичности. Последующий подсчёт значимых различий между результатами подтвердил (табл. 11), что результаты подгруппы 4 отличаются от результатов

Таблица 10.

Распределение результатов по методике МИПИ (профессиональной идентичности) студенческой молодёжи БР с различными аттитюдами

Подгруппы с аттитюдами патриотизма	Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	Подгруппа 4. «Не могу и не хочу уезжать»
Уровень профессиональной идентичности (средн. арифм.)	0,65	0,67	0,65	0,58

Таблица 11.

Значимость различий между уровнями профессиональной идентичности по МИПИ в подгруппах студенческой молодёжи БР с различными аттитюдами

	Подгруппа 1 Подгруппа 4	Подгруппа 2 Подгруппа 4	Подгруппа 3 Подгруппа 4
Значимость различий по t-критерию Стьюдента	значимые различия $t_{эмп} = 2$ при $p \leq 0,05$	значимые различия $t_{эмп} = 2,7$ при $p \leq 0,01$	значимые различия $t_{эмп} = 2$ при $p \leq 0,05$

остальных подгрупп более низкими уровнем профессиональной идентичности, а подгруппы 1, 2, 3 не отличаются по уровню профессиональной идентичности друг от друга.

Вместе с этим можно сказать, что у студенческой молодёжи БР во всех четырёх подгруппах уровень профессиональной идентичности высокий. Если в первых трёх подгруппах высокий уровень профидентичности проходит по верхней границе показателей, то в четвёртой подгруппе высокий уровень профидентичности проходит по нижней границе показателей.

При сопоставлении результатов в подгруппах с различными аттитюдами патриотизма по показателям профессиональной идентичности студенческой молодёжи РФ и БР (табл. 12) можно отметить следующее: в подгруппах 1 с «нулевым» аттитюдом патриотизма и в подгруппах 4 с «непроверенным» аттитюдом патриотизма есть значимые различия между студенческой молодёжью

РФ и БР. Причём результаты восприятия себя как профессионала в указанных подгруппах молодых людей РФ значимо выше, чем в этих же подгруппах студентов БР, т. е. можно говорить о том, что отсутствие конфликта у респондентов между возможностями («могу» / «не могу») и желанием («хочу» / «не хочу») отъезда из своей страны в одном случае взаимосвязано с высокими показателями профессионального самовосприятия (молодёжь РФ), а в другом случае взаимосвязано с более низкими показателями профессионального самовосприятия (молодёжь БР).

Подгруппы 2 с аттитюдом «выраженного» патриотизма и 3 с аттитюдом «отвергаемого» патриотизма похожи в выборках респондентов РФ и БР, т. е. можно говорить о том, что наличие конфликта между возможностями и желаниями отъезда из страны и явно проявляемыми патриотическими социальными установками выявило сходные показатели профессиональ-

Таблица 12.

Распределение результатов в подгруппах с различным отношением к патриотизму по МИПИ студенческой молодёжи РФ и БР

Подгруппы с аттитюдами патриотизма	Студенческая молодёжь РФ	Студенческая молодёжь БР	Значимость / незна- чимость различий по t-критерию Стьюдента (при $p \leq 0,01$)
	показатели профессиональной идентичности (средн. арифм.)		
Подгруппа 1. «Могу и хочу уехать»	$\bar{x} = 0,72$	$\bar{x} = 0,65$	значимые различия $t_{эмп} = 3,2$
Подгруппа 2. «Могу, но не хочу уезжать»	$\bar{x} = 0,70$	$\bar{x} = 0,67$	Незначимые различия $t_{эмп} = 1,6$
Подгруппа 3. «Не могу, но хочу уехать»	$\bar{x} = 0,68$	$\bar{x} = 0,65$	Незначимые различия $t_{эмп} = 1,3$
Подгруппа 4. «Не могу, и не хочу уезжать»	$\bar{x} = 0,68$	$\bar{x} = 0,58$	значимые различия $t_{эмп} = 3,2$

ной идентичности студенческой молодёжи РФ и БР.

Следующим шагом нашего исследования стало проведение корреляционного анализа результатов профессиональной идентичности и индекса групповой сплочённости в подгруппах студенческой молодёжи с различными отношениями в выборках РФ и БР.

Результаты корреляционного анализа в подгруппах с различными отношениями к патриотизму (отъезда из страны) между показателями профессиональной идентичности и индексом групповой сплочённости студенческой молодёжи РФ выявили отсутствие взаимосвязи между этими показателями.

Корреляционный анализ в подгруппах с различными отношениями к патриотизму между уровнем профессиональной идентичности и индексом групповой сплочённости студенческой молодёжи БР показал наличие обратной взаимосвязи в двух подгруппах. В подгруппе 1 с «нулевым» отношением к патриотизму ($r_s = -0,305$ при $p \leq 0,01$)

и подгруппе 4 с «непроверенным» отношением к патриотизму ($r_s = -0,374$ при $p \leq 0,01$).

Иными словами, у молодых людей БР с отношениями «нулевого» и «непроверенного» к патриотизму чем выше уровень профессиональной идентичности, тем менее они удовлетворены межличностными отношениями в своей референтной группе. И, наоборот, чем более молодые люди с такими отношениями удовлетворены межличностными отношениями в своих референтных группах, тем ниже у них показатели профессиональной идентичности.

Таким образом, у студенческой молодёжи БР отсутствие конфликта между возможностями и желанием отъезда из страны увязано с индексом групповой сплочённости и уровнем профессиональной идентичности.

Выводы

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

Количество студенческой молодёжи, имеющей сходные аттитюды патриотизма в контексте возможности и желания отъезда из своей страны, в РФ и БР различается. Молодых людей, желающих уехать из своей страны, больше (58,7 %) среди респондентов БР по сравнению с молодыми людьми РФ (36,6 %). Молодёжи, оценивающей положительно свои возможности отъезда из страны, больше также среди респондентов БР (54,4 %), в сравнении с респондентами РФ (48,2 %).

Удовлетворённость межличностными отношениями в референтных группах у молодых людей РФ и БР одинакова. Вместе с тем молодые люди РФ с аттитюдом «выраженного» патриотизма менее всего удовлетворены межличностными отношениями в сравнении со своими сверстниками РФ с другими аттитюдами, а молодёжь РФ с аттитюдом «нулевого» патриотизма отличается большей удовлетворённостью межличностными отношениями в группе, чем их сверстники из РФ. Молодёжь БР с различными аттитюдами патриотизма одинаково себя чувствует и оценивает групповую сплочённость в референтных группах.

Сравнение показателей индекса групповой сплочённости по подгруппам РФ и БР с идентичными аттитюдами на отъезд из страны показало различия только в подгруппе с аттитюдом «нулевого» патриотизма, т. е. респонденты с этим аттитюдом из РФ более удовлетворены межличностными отношениями в своей группе, чем респонденты с такой же установкой из БР.

Показатели уровня профессиональной идентичности студенческой молодёжи РФ и БР находятся на высоком уровне, и можно говорить о достигнутой

идентичности в обеих выборках. Вместе с тем профессиональная идентичность студенческой молодёжи РФ значимо выше, чем у их сверстников из БР.

Молодые люди с аттитюдом «нулевого» патриотизма РФ показали значимо более высокие результаты профессиональной идентичности по сравнению со своими сверстниками с другими аттитюдами.

У студенческой молодёжи БР с аттитюдом «непроверенного» патриотизма самый низкий результат из всех четырёх подгрупп БР по показателю профессиональной идентичности.

Сравнение подгрупп с идентичными аттитюдами студенческой молодёжи РФ и БР показало, что молодые люди с аттитюдами «нулевого» и «непроверенного» патриотизма РФ имеют более высокую профессиональную идентичность в сравнении со сверстниками БР, а молодёжь с аттитюдом «выраженного» и «отвергаемого» патриотизма и РФ и БР имеет одинаковое восприятие себя как профессионала.

Корреляционный анализ в выборке студенческой молодёжи РФ с различными аттитюдами показал отсутствие связи между индексом групповой сплочённости и профессиональной идентичностью. У студенческой молодёжи БР с аттитюдами «нулевого» и «непроверенного» патриотизма была выявлена значимая обратная взаимосвязь между индексом групповой сплочённости и профессиональной идентичностью. У молодых людей с такими социальными установками восприятие себя как профессионала зависит от того, как они себя чувствуют в референтной группе.

*Статья поступила
в редакцию 23.07.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-513-00003 Бел_а «Характеристики и проявления аттитюдов патриотизма в контексте профессионализации молодежи»

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR according to the research project №18-513-00003 Bel_a «The characteristics and manifestations of the attitudes of patriotism in context professionalization of youth».

ЛИТЕРАТУРА

1. Берент С. Групповая сплочённость // Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха. СПб., 2006. С. 149.
2. Егоров И. В. Кросс-культурное исследование профессиональной и гражданской идентичности студенческой молодежи России и Белоруссии в контексте аттитюдов отъезда из страны // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2019. Вып. 52. С. 113–127. DOI: 10.15382/sturIV201952.113-127
3. Егоров И. В. Специфика гражданской и профессиональной идентичности студенческой молодежи России в зависимости от типа аттитюда патриотизма // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2018. № 4 (49). С. 51–61.
4. Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Психология взрослости. М., 2011. 208 с.
5. Коростелева Т. В. Патриотические ценности современной молодежи как ресурс трудовой активности // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. А. Н. Занковский, А. Л. Журавлев. М., 2018. С. 488–495.
6. Курдюкова Н. А. Патриотизм как структурный компонент профессионального сознания в эпоху VUCA // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. А. Н. Занковский, А. Л. Журавлев. М., 2018. С. 496–507.
7. Наумова Д. В. Взаимосвязь авторитарного синдрома и карьерных ориентаций студенческой молодежи // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2019. Вып. 52. С. 128–136. DOI: 10.15382/sturIV201952.128-136
8. Петровский А. В. Психология и время. СПб., 2007. С. 90–122.
9. Смирникова О. В. К проблеме проявлений патриотизма у молодежи в контексте социальных верований и базовых установок // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2018. № 3 (48). С. 75–82.
10. Социальная психология / под ред. С. Московичи. СПб., 2007. 592 с.
11. Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М., 2009. 362 с.
12. Хухлаев О. Е. Национализм и патриотизм как социальные установки: теоретический анализ и экспериментальные исследования // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2012. № 10 (110). С. 66–70.
13. Шнейдер Л. Б. Аттитюды патриотизма в оценке желания и возможности отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологии

ческого знания. Теоретические и практические проблемы психологии. 2018. № 3 (48). С. 101–112.

14. Шнейдер Л. Б. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М., 2007. 128 с.
15. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test With Representative Data // *Political Psychology*. 2003. Vol. 24. No. 2. P. 289–312. DOI: 10.1111/0162-895X.00329
16. Druckman D. Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social psychological perspective // *Mershon International Studies Review*. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 43–68.

REFERENCES

1. Berent S. [Group cohesion]. In: Korsini R., Auerbah A., eds. *Psikhologicheskaya entsiklopediya* [Psychological encyclopedia]. St. Petersburg, 2006, pp. 149.
2. Egorov I. V. [Cross-cultural study of professional and civil identity of student youth in Russia and Belarus in the context of the attitude angles of departure from the country]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series IV: Philology. Psychology], 2019, no. 52, pp. 113–127.
3. Egorov I. V. [Specificity of civil and professional identity of student youth in Russia, depending on the type of patriotism attitudes]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii* [Actual problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology], 2018, no. 4 (49), pp. 51–61.
4. Zeer E. F., Symanyuk E. E. *Psikhologiya vzroslosti* [Psychology of adulthood]. Moscow, 2011, 208 p.
5. Korosteleva T. V. [Patriotic values of today]. In: Zankovsky A. N., Zhuravlev A. L., eds. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoi psikhologii* [Current state and prospects of development of psychology of labor and organizational psychology]. Moscow, 2018, pp. 488–495.
6. Kurdyukova N. A. [Patriotism as a structural component of professional consciousness in the VUCA age]. In: Zankovsky A. N., Zhuravlev A. L., eds. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoi psikhologii* [Current state and prospects of development of psychology of labor and organizational psychology]. Moscow, 2018, pp. 496–507.
7. Naumova D. V. [The relationship of the authoritarian syndrome and career orientations of students]. In: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya* [Bulletin of Orthodox St. Tikhon Humanitarian University. Series IV: "Pedagogy. Psychology"], 2019, no. 52, pp. 128–136.
8. Petrovsky A. V. *Psikhologiya i vremya* [Psychology and time]. St. Petersburg, 2007, pp. 90–122.
9. Smirnikova O. V. [On the problem of patriotism manifestations among the youth in the context of social beliefs and basic facilities]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii* [Actual problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology], 2018, no. 3 (48), pp. 75–82.
10. Moscovici S., ed. *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology]. Saint Petersburg, 2007. 592 p.
11. Fetiskin N. P., Kozlov V. V., Manuilov G. M. *Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malyykh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups] Moscow, 2009. 362 p.

12. Khukhlaev O. E. [Nationalism and patriotism as attitudes: theoretical analysis and experimental studies]. In: *Uchenye zapiski Rossiiskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Memoir of Russian State Social University], 2012, no. 10 (110), pp. 66–70.
13. Shneider L. B. [The attitudes of patriotism in the assessment of the willingness and ability of the departure from their country: a cross-cultural study]. In: *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. Teoreticheskie i prakticheskie problemy psikhologii* [Actual problems of psychological knowledge. Theoretical and practical problems of psychology], 2018, no. 3 (48), pp. 101–112.
14. Shneider L. B. *Lichnostnaya, gendernaya i professional'naya identichnost': teoriya i metody diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnostics]. Moscow, 2007. 128 p.
15. Blank T., Schmidt P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test With Representative Data. In: *Political Psychology*, 2003, vol. 24, no. 2, pp. 289–312.
16. Druckman D. Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social psychological perspective. In: *Mershon International Studies Review*, 1994, vol. 38, no. 1, pp. 43–68.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егоров Илья Владимирович – доцент, кандидат психологических наук, доцент Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета;

e-mail: egorov_cpti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7302-5335

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Iliya V. Egorov – PhD in Psychology, Associate Professor, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City University;

e-mail: egorov_cpti@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7302-5335

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Егоров И. В. Профессиональная идентичность, групповая сплочённость студенческой молодёжи России и Белоруссии в контексте аттитюдов патриотизма: кросс-культурное исследование // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 90–104.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-90-104

FOR CITATION

Egorov I. V. Professional identity, group cohesion of student youth of Russia and Belarus in the context of patriotism attitudes: a cross-cultural research. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 90–104.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-90-104

УДК 159.9

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-105-115

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АТТИТЮДОВ И ЖИЗНЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ У ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕНЦЕВ)

Забелина Е. В.¹, Курносова С. А.¹, Телицына А. Ю.², Щукина К. Е.¹

¹ Челябинский государственный университет

454001, Челябинская обл., г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, д. 129,
Российская Федерация

² Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования взаимосвязи экономических аттитюдов и жизненных ценностей у представителей ненецкой национальности. В исследовании приняли участие 105 человек – представители ненецкой национальности в возрасте от 17 до 73 лет. В качестве основной методики, диагностирующей жизненные ценности, применялась расширенная версия опросника Ш. Шварца PVQ-R. Для выявления экономических аттитюдов использовался Опросник экономических аттитюдов О. С. Дейнека, Е. В. Забелиной. В результате корреляционного анализа были обнаружены взаимосвязи жизненных ценностей с такими экономическими аттитюдами ненцев, как ценность самостоятельных экономических достижений, финансовая грамотность, активность и рациональность в банковской сфере, осознание потребительской иррациональности. Суровые климатические условия и ограниченность в потребительской сфере формируют необходимость в безопасности, в доброте и помощи другим людям, в самостоятельности в мышлении и поведении, что, в свою очередь, отражается на признании ценности самостоятельных экономических достижений, рациональности в потреблении, позитивного отношения к предпринимателям, неготовности инвестировать и работать в ущерб собственному здоровью. Полученные результаты могут служить основой для разработки программ повышения финансовой грамотности у представителей коренных малочисленных народов Российской Арктики.

Ключевые слова: экономическое поведение, экономические аттитюды, жизненные ценности, коренные малочисленные народы Российской Арктики, ненцы

INTERRELATION BETWEEN ECONOMIC ATTITUDES AND LIFE VALUES OF THE SMALL INDIGENOUS PEOPLES OF THE RUSSIAN ARCTIC (ON THE NENETS SAMPLE)

E. Zabelina¹, S. Kurnosova¹, A. Telitsyna², K. Shchukina¹

¹ Chelyabinsk State University

129 Br. Kashirinyh ul., Chelyabinsk 454001, Chelyabinsk region, Russian Federation

² National Research University Higher School of Economics

20 Myasnitskaya ul., Moscow 101000, Russian Federation

Abstract. The paper considers the results of the study of the relationship between economic attitudes and life values on the sample of Nenets nationality. The sample includes 105 people of Nenets nationality aged of 17 – 73 years. An extended version of S. Schwartz PVQ-R questionnaire is used for the diagnostics of life values. The Questionnaire of Economic Attitudes by O.S. Deineka and E.V. Zabelina was used to identify economic attitudes. The results of correlation analysis reveal the relationship of life values with such economic attitudes of Nenets as the value of independent economic achievements, financial literacy, activity and rationality in banking sphere, awareness of consumer irrationality. Harsh climatic conditions and limitations in the consumer sphere shape the needs for safety, benevolence, self-reliance in thinking and behavior, which in turn affect the recognition of the value of independent economic achievements, rationality in consumption, positive attitude towards entrepreneurs, lack of readiness to invest and work at the expense of own health. The results can be a basis for the development of financial literacy programs for the small indigenous peoples of the Russian Arctic.

Keywords: economic behavior, economic attitudes, life values, small indigenous peoples, Russian Arctic, Nenets

Введение

Коренные малочисленные народы Севера, проживающие на территории Российской Арктики, как этнические социально-политические субъекты формирующейся Арктической зоны Российской Федерации представляют собой неотъемлемую часть социокультурной среды Арктики [8]. Во второй половине XX в. в связи с эскалацией мер добывающей экономики в Арктике актуализируются проблемы коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации [3; 5; 6]. С одной стороны, государство активно влияет на тундровые хозяйства: дотации, вакцина-

ция, развитие посёлков, строительство инфраструктуры, социальные программы, – эти и другие позитивные изменения фактически ликвидировали факторы, естественным образом ограничивавшие рост оленьих стад, привели к существенному сокращению детской смертности, увеличению продолжительности жизни. С другой стороны, промышленное освоение Арктических территорий, укрупнение зоны влияния предприятий топливно-энергетического комплекса приводят к сокращению площадей для традиционного оленеводства, возрастающему прессингу на оставшиеся пастбища, превышению расчётной оленеёмкости пастбищ [4]. Многие семьи олене-

водов оказались за чертой бедности, несмотря на меры государственной поддержки [6]. Далеко не все попытки коренного населения перейти на оседлый образ жизни приводят к положительным результатам. Во многих районах северных территорий наблюдаются безработица, снижение интереса к предпринимательской деятельности, потеря духа собственности, экономический пессимизм и апатия, неготовность планировать своё финансовое будущее [4; 6]. Все эти факты остро ставят вопрос о неизбежной трансформации экономического поведения коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации.

Анализ литературы по данной проблеме позволяет констатировать, что экономическое поведение коренных малых народов Российской Арктики изучено крайне ограниченно. Во многом это определяется трудностями в сборе эмпирического материала. Тем не менее существуют исследования, которые показывают, что экономическое поведение коренных малочисленных народов Севера обладает определёнными особенностями. В частности, в пилотном проекте было обнаружено, что представители коренных малочисленных народов Арктической зоны Российской Федерации более склонны к сберегательному, рациональному, нерисковому поведению [3]. Тем не менее вопрос о психологических детерминантах экономического поведения этих народов остаётся открытым.

В данном исследовании предпринята попытка выявить переменные, связанные с экономическим поведением коренных малых народов Российской Арктики на примере ненцев. Авторы

статьи предположили, что особенно-сти экономических представлений, аттитудов, мотивов ненцев связаны с их жизненными ценностями. Именно благодаря этой взаимосвязи ненцы могут адаптироваться к изменяющимся экономическим условиям и вырабатывать эффективные стратегии экономического поведения. Таким образом, цель исследования – выявить взаимосвязь экономических аттитудов и жизненных ценностей у представителей ненецкой национальности.

Метод и процедура исследования

В исследовании приняли участие 105 человек – представители ненецкой национальности в возрасте от 17 до 73 лет (средний возраст 28,6), в том числе 42 мужчины, 63 женщины, проживающих в Ямало-ненецком автономном округе (с. Аксарка, с. Яр-Сале) и Ненецком автономном округе (г. Нарьян-Мар, с. Несь, пос. Красное).

В качестве методики, диагностирующей жизненные ценности, применялась расширенная и уточнённая версия опросника Ш. Шварца PVQ-R, адаптированная сотрудниками НИУ Высшая школа экономики [7]. На сегодняшний день это одна из наиболее востребованных методик для диагностики мотивов и ценностей, подтвердившая свою валидность на различных категориях российской выборки. Удобство данного варианта методики состоит в том, что наряду с 19-ю уточнёнными ценностями он предоставляет возможность диагностировать 10 базовых ценностей, выделенных в первоначальной концепции [10], и тем самым осуществлять сравнение с предыдущими исследованиями.

Для выявления экономических аттитюдов коренных малочисленных народов Российской Арктики использовался Опросник экономических аттитюдов [2]. Данный опросник позволяет комплексно охарактеризовать поле экономических аттитюдов личности, поскольку в него включены различные сферы экономического поведения: собственника (отношение к деньгам, к собственности, берегательное и инвестиционное поведение), потребителя, предпринимателя и наёмного работника.

С целью проверки гипотезы о взаимосвязи экономических аттитюдов и жизненных ценностей у представителей коренных малочисленных народов Севера был проведён корреляционный анализ (по Спирмену). При обработке данных использовался статистический пакет SPSS 24.0.

Результаты и их обсуждение

Первоначально была получена описательная статистика экономических аттитюдов у представителей коренных малочисленных народов Российской Арктики (табл. 1).

Анализ средневыворочных значений показал, что наиболее выраженными экономическими аттитюдами у ненцев являются принятие и уважение самостоятельных экономических достижений других людей («Я испытываю чувство глубокого уважения и почтения перед людьми, которые всего добились в жизни сами»), осознание иррациональности потребительского поведения («Большинство товаров и услуг навязано нам рекламой и модой»), стремление к успеху в экономической сфере («Я хотел(а) бы владеть чем-то большим (техникой, машиной,

домом и т. д.), чем большинство людей»), а также стремление создавать сбережения на будущее («Я уверен(а), что каждый человек независимо от своего уровня дохода должен регулярно делать сбережения на будущее»). Кроме того, можно сделать вывод о положительном отношении к предпринимателям среди ненцев – на это указывают низкие значения согласия с утверждением «Успешным предпринимателем может стать только человек, способный лгать и изворачиваться».

Следует обратить внимание на относительно низкие значения при оценке удовлетворённости в сфере потребления и уверенности в будущем, основанном на регулярных сбережениях. Выявленные значения показателей экономических аттитюдов косвенно свидетельствуют о низком уровне экономического благополучия ненцев, недостаточной финансовой обеспеченности, проблемах с приобретением товаров у ненцев, ведущих кочевой образ жизни, которые подтверждаются в предыдущих исследованиях [6; 9].

Далее была изучена описательная статистика жизненных ценностей у представителей ненецкой национальности (табл. 2).

Как показывает анализ средневыворочных значений жизненных ценностей, наиболее значимыми для представителей ненецкой национальности являются ценности безопасности, доброты и самостоятельности. Безопасность для себя и других людей, гармония в отношениях, стабильность общества являются важнейшими ценностными приоритетами ненецкого народа. Этот факт, во многом обусловленный суровыми природно-климатическими условиями проживания на

Таблица 1.

Экономические аттитюды нэнцев: описательная статистика

	Минимум	Максимум	Среднее	Среднекв. отклонение	Дисперсия
ценность самостоятельных экономических достижений	1,00	7,00	6,0280	1,53240	2,348
осознание потребительской иррациональности	1,00	7,00	5,5140	1,91993	3,686
экономические амбиции	1,00	7,00	5,3364	1,81682	3,301
стремление к сбережению	1,00	7,00	5,2150	1,88854	3,567
значимость финансового статуса	1,00	7,00	5,0841	1,82809	3,342
финансовый оптимизм	1,00	7,00	4,8318	2,00229	4,009
потребительская активность	1,00	7,00	4,6822	2,13505	4,558
приоритет заработка призванию	1,00	7,00	4,5701	2,07461	4,304
активность в сфере недвижимости	1,00	7,00	4,3832	1,98886	3,956
рациональность покупок	1,00	7,00	4,2991	1,82341	3,325
активность, рациональность в банковской сфере	1,00	7,00	4,2897	2,12802	4,528
инвестиционная неграмотность	1,00	7,00	4,1589	2,11084	4,456
социальная ответственность богатства	1,00	7,00	4,1308	2,19383	4,813
недоверие к банкам, иррациональность	1,00	7,00	3,8318	2,03036	4,122
готовность инвестировать	1,00	7,00	3,7664	2,12167	4,501
познавательная экономическая активность	1,00	7,00	3,6822	2,09040	4,370
финансовая грамотность	1,00	7,00	3,6355	1,70677	2,913
потребительское удовлетворение	1,00	7,00	3,3832	1,97935	3,918
приоритет заработка здоровью	1,00	7,00	3,2804	2,13592	4,562
уверенность в будущем благодаря сбережениям	1,00	7,00	3,2150	1,84814	3,416
негатив к предпринимателям	1,00	7,00	2,8505	1,98487	3,940

Таблица 2.
Жизненные ценности ненцев: описательная статистика

Жизненные ценности	Минимум	Максимум	Среднее	Среднекв. отклонение	Дисперсия
безопасность	1,00	7,00	4,5079	1,22199	1,493
доброта	1,00	6,67	4,4571	1,35972	1,849
самостоятельность	1,00	6,83	4,3190	1,41461	2,001
достижения	1,00	7,00	4,2730	1,25812	1,583
универсализм	1,00	6,67	4,1608	1,26752	1,607
традиции	1,00	6,83	4,0921	1,29512	1,677
гедонизм	1,00	6,67	4,0857	1,20276	1,447
конформность	1,00	6,83	3,9429	1,25103	1,565
стимуляция	1,00	7,00	3,6764	1,45941	2,130
власть	1,00	7,00	3,2386	1,39744	1,953

Севере, подтверждается многими исследователями [1; 5; 8]. Вероятно, с этим же фактором (понимание уязвимости и ценности человеческой жизни) связаны и стремление к обеспечению благополучия в повседневном взаимодействии с близкими людьми, потребность в позитивном взаимодействии с ними, в дружеской поддержке, во взаимопомощи. В этих условиях особую значимость приобретают способность самостоятельно мыслить и принимать решения, стремление самостоятельно выбирать способы действия, проявлять творчество и исследовательскую активность, следовательно, важной является потребность в самоконтроле и самоуправлении.

Далее с целью проверки гипотезы о взаимосвязи экономических аттитюдов и жизненных ценностей у представителей коренных малочисленных народов Российской Арктики был проведён корреляционный анализ (с помощью R-коэффициента Спирмена). В результате были обнаружены взаимосвязи жизненных ценностей с некоторыми

экономическими аттитюдами ненцев. Наибольшее количество взаимосвязей жизненных ценностей выявлено с такими экономическими аттитюдами, как «ценность самостоятельных экономических достижений», «финансовая грамотность», «активность и рациональность в банковской сфере», «осознание потребительской иррациональности» и «инвестиционная неграмотность».

Осознание себя как финансово грамотного человека поддерживается у представителей ненецкой национальности выраженными ценностями самостоятельности ($R = 0,316$ $p = 0,001$), стимуляции ($R = 0,284$ $p = 0,003$), власти ($R = 0,309$ $p = 0,001$), а также ценностями конформности ($R = 0,250$ $p = 0,010$), доброты ($R = 0,247$ $p = 0,011$), достижения ($R = 0,200$ $p = 0,041$) и безопасности ($R = 0,247$ $p = 0,011$). Таким образом, аттитюд финансовой грамотности у ненцев связан с целым комплексом жизненных устремлений – стремлением проявлять независимость в суждениях

и поступках, стремлением получать новые разнообразные впечатления, желанием доминировать над людьми и ресурсами, достигать целей и успеха социально приемлемыми способами, а также стремлением к стабильности и благополучию для себя и близких.

Установка на активное рациональное поведение в банковской сфере положительно связана с предыдущим набором жизненных ценностей: самостоятельности ($R = 0,333$ $p = 0,001$), стимуляции ($R = 0,267$ $p = 0,006$), власти ($R = 0,308$ $p = 0,001$), конформности ($R = 0,247$ $p = 0,005$), доброты ($R = 0,268$ $p = 0,006$), безопасности ($R = 0,275$ $p = 0,004$), а также универсализма ($R = 0,239$ $p = 0,014$). Подобная ситуация наблюдается и во взаимосвязях жизненных ценностей и позитивного аттитюда к личным достижениям в экономической сфере. Ненцы, которые признают и уважают успехи других в экономической жизни, ориентированы на ценности безопасности ($R = 0,344$ $p = 0,000$), доброты ($R = 0,243$ $p = 0,012$), достижения ($R = 0,276$ $p = 0,004$), конформности ($R = 0,262$ $p = 0,007$), самостоятельности ($R = 0,274$ $p = 0,005$), универсализма ($R = 0,243$ $p = 0,012$), традиции ($R = 0,215$ $p = 0,027$) и стимуляции ($R = 0,218$ $p = 0,026$). Для них важны безопасность и стабильность в обществе, благополучие своих близких, успех, достигнутый социально разрешёнными способами, выражение независимости в мыслях и действиях, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре, и следование им, понимание, терпимость и защита благополучия всех людей и природы, а также потребность новизны и эмоциональных переживаний.

Осознание иррациональности в потребительском поведении, а также негативное отношение к рекламе связаны с жизненными ценностями безопасности ($R = 0,425$ $p = 0,000$), доброты ($R = 0,313$ $p = 0,001$), самостоятельности ($R = 0,266$ $p = 0,006$), универсализма ($R = 0,215$ $p = 0,027$) и конформности ($R = 0,215$ $p = 0,027$). Понимание того, что большинство товаров навязывается рекламой и модой, поддерживается у ненцев стремлением обезопасить себя и близких от негативного потребительского опыта, сохранить благополучие людей и природы, избежать поступков, которые могут иметь негативные социальные последствия, а также стремлением мыслить и поступать самостоятельно.

Признание собственной инвестиционной неграмотности связано с ценностями доброты ($R = 0,252$ $p = 0,010$), безопасности ($R = 0,206$ $p = 0,035$) и конформности ($R = 0,204$ $p = 0,037$). Вероятно, желание сохранить благополучие своих близких, беспокойство за них, выраженная потребность в безопасности и сохранении порядка в обществе приводят к снижению интереса к рискованным действиям в финансовой сфере.

Убеждённость в том, что богатые люди несут социальную ответственность (должны жертвовать средства на благотворительные цели), связана с ориентацией на ценности власти ($R = 0,235$ $p = 0,016$), гедонизма ($R = 0,216$ $p = 0,027$) и стимуляции ($R = 0,201$ $p = 0,040$). Стремление оказывать влияние на людей и процессы, получать новые впечатления и удовольствие в настоящем моменте неразрывно связано у ненцев с пониманием «стоимости» такого образа жизни и с готовностью делиться накопленными благами.

Ценность безопасности – доминирующая в иерархии у ненцев – связана также с установкой на сохранение приоритета здоровья перед работой за большие деньги ($R = 0,213$ $p = 0,029$). Представители коренных малочисленных народов Российской Арктики с выраженной потребностью в стабильности и защищённости не готовы жертвовать своим здоровьем ради высокооплачиваемой работы.

Позитивное отношение к предпринимателям как к людям с развитыми моральными качествами коррелирует у ненцев с ценностями стимуляции ($R = -0,275$ $p = 0,005$) и комфортности ($R = -0,208$ $p = 0,034$). Наличие выраженного стремления к проявлению независимости в суждениях и поступках в рамках принятых общественных правил приводит к одобрению предпринимательской деятельности ненцами.

Убеждённость в том, что большинство людей осознанно и рационально совершают покупки, свойственная ненецкому народу, положительно связана с ценностью стимуляции ($R = 0,198$ $p = 0,043$). Потребность получать разнообразные впечатления, новый опыт не только не снижает степени осознанности в потребительском поведении, но и увеличивает её.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд важных выводов. Подтвердилась основная гипотеза ис-

следования – существует взаимосвязь жизненных ценностей ненцев и их экономических аттитудов. Выявленные корреляции объяснимы в контексте социально-экономической и культурной жизни коренных малочисленных народов Российской Арктики. В частности, суровые климатические условия и ограниченность в потребительской сфере формируют необходимость в безопасности, в доброте и помощи другим людям, самостоятельности в мышлении и поведении, что, в свою очередь, отражается на признании ценности самостоятельных экономических достижений, рациональности в потреблении, позитивном отношении к предпринимателям, неготовности инвестировать и работать в ущерб собственному здоровью.

Результаты исследования могут служить основой для разработки программ повышения финансовой грамотности у представителей коренных малочисленных народов Российской Арктики. Выявление взаимосвязей жизненных ценностей и экономических аттитудов позволяет прогнозировать положительные эффекты в экономическом поведении ненцев посредством освоения новых технологий и реализации модели социального предпринимательства.

*Статья поступила
в редакцию 02.08.2019 г.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-013-00394 «Трансформация экономического поведения коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Арктической зоны Российской Федерации в условиях глобализации».

ACKNOWLEDGMENTS

The reported study was funded by RFBR according to the research project № 19-013-00394 “Transformation of the economic behavior of the indigenous peoples of the North living in the Arctic zone of the Russian Federation in the context of globalization”. В благодарности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокурова У. А. Циркумполярная цивилизация: идеи и проекты. Якутск, 2011. 312 с.
2. Дейнека О. С., Забелина Е. В. Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитудов // Психологические исследования. 2018. Т. 11. № 58. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.08.2018).
3. Деттер Г. Ф. Экономика северного оленеводства Ямала: Проблемы и возможности // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2017. № 4 (97). С. 4–16.
4. Забелина Е. В., Курносова С. А. Особенности экономического сознания представителей коренных малочисленных народов Арктической зоны. Результаты пилотного исследования молодежи // Петербургский психологический журнал. 2018. № 23. С. 54–68.
5. Павленко В. И., Петров А., Куценко С. Ю., Деттер Г. Ф. Коренные малочисленные народы Российской Арктики (проблемы и перспективы развития) // Экология человека. 2019. № 1. С. 26–33.
6. Сукнёва С. А. Демографический потенциал развития населения Северного региона. Новосибирск, 2010. 168 с.
7. Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С. Уточнённая теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. № 2. С. 24–43.
8. Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / В.В. Балащенко, А.С. Барашкова, Н.В. Гальцева, П.С. Голомидова, В.П. Журавель, К.С. Зайков, М.Ю. Задорин, О.П. Коломиец, Е.С. Котлова, В.Г. Логинов, Т.С. Лыткина, А.М. Максимов, О.В. Минчук, В.В. Михайлова, И.А. Панарина, Т.В. Парникова, А.А. Сабуров, Ф.Х. Соколова, С.А. Сукнева, А.М. Тамицкий, Т.И. Трошина, О.С. Фавстрицкая, В.В. Фаузер, Н.К. Харлампьева; под общ. ред. Н. К. Харлампьевой. Архангельск, 2017. 325 с.
9. The Structure of Economic Attitudes of the Youth – Representatives of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone of the Russian Federation: Results of a Pilot Study / V. S. Luzan, N. P. Koptseva, E. V. Zabelina, S. A. Kurnosova, I. A. Trushina // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. № 7. С. 1146–1162.
10. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values // Journal of Personality and Social Psychology. 1987. Vol. 53. P. 550–562.

REFERENCES

1. Vinokurova U. A. *Tsirkumpolyarnaya tsivilizatsiya: idei i proekty* [Circumpolar civilization: ideas and projects]. Yakutsk, 2011. 312 p.
2. Deineka O. S., Zabelina E. V. [The results of the scale multi-factor questionnaire development for the express diagnostics of economic attitudes]. In: *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological research], 2018, vol. 11, no. 58. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed: 10.08.2018).

3. Detter G. F. [The economy of reindeer in Yamal: Challenges and opportunities]. In: *Nauchnyi vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Scientific Bulletin of the Yamalo-Nenets Autonomous district], 2017, no. 4 (97), pp. 4–16.
4. Zabelina E. V., Kurnosova S. A. [Peculiarities of economic consciousness of the indigenous peoples of the Arctic zone. The results of the pilot study of youth]. In: *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal* [St. Petersburg psychological journal], 2018, no. 23, pp. 54–68.
5. Pavlenko V. I., Petrov A., Kutsenko S. Yu., Detter G. F. [The Indigenous peoples of the Russian Arctic (problems and prospects)]. In: *Ekologiya cheloveka* [Human ecology], 2019, no. 1, pp. 26–33.
6. Sukneva S. A. *Demograficheskii potentsial razvitiya naseleniya Severnogo regiona* [Demographic potential of the population development of the Northern region]. Novosibirsk, 2010. 168 p.
7. Schwartz Sh., Butenko T. P., Sedova D. S. [Refined theory of basic personal values: validation in Russia]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics], 2012, no. 2, pp. 24–43.
8. Balashenko V.V., Barashkova A.S., Galtseva N.V., Golomidova P.S., Zhuravel V.P., Zaykov K.S., Zadorin M. Yu., Kolomiyets O.P., Kotlova E.S., Loginov B.G., Lytkina T.S., Maksimov A.M., Minchuk O.V., Mikhailova V.V., Panarina I.A., Parnikova T.V., Saburov A.A., Sokolova F.X., Sukneva S.A., Tomecki A.M., Troshina T.I., Favstritskaya O.S., Fawzer V.V., Kharlampieva N. K. – *Etnonatsionalnye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy* [Ethno-national processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Arkhangelsk, 2017. 325 p.
9. Luzan V. S., Koptseva N. P., Zabelina E. V. Kurnosova S. A., Trushina I. A. [The Structure of Economic Attitudes of the Youth – Representatives of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the Arctic Zone of the Russian Federation: Results of a Pilot Study]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Humanities], 2019, vol. 12, no. 7, pp. 1146–1162.
10. Schwartz S. H., Bilsky W. Toward a universal psychological structure of human values. In: *Journal of Personality and Social Psychology*, 1987, vol. 53, pp. 550–562.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Забелина Екатерина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета;
e-mail: katya_k@mail.ru;

Курносова Светлана Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей и профессиональной педагогики факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета;
e-mail: ksa0308@mail.ru;

Телицына Александра Юрьевна – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского университета Высшей школы экономики;
e-mail: atelitsyna@hse.ru;

Шукина Ксения Евгеньевна – магистрант кафедры общей и профессиональной педагогики факультета психологии и педагогики Челябинского государственного университета;
e-mail: shchks4@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Zabelina – PhD in Psychological Sciences, associate professor of the Department of psychology of the Faculty of psychology and pedagogy, Chelyabinsk State University,
e-mail: katya_k@mail.ru;

Svetlana A. Kurnosova – PhD in Pedagogical Sciences, associate professor of the Department of general and professional pedagogy of the Faculty of psychology and pedagogy, Chelyabinsk State University,
e-mail: ksa0308@mail.ru;

Alexandra Yu. Telitsyna – PhD in Biological Sciences, senior researcher of the National Research University «Higher School of Economics»,
e-mail: atelitsyna@hse.ru;

Kseniia E. Shchukina – master's student of the department of general and professional pedagogy faculty of psychology and pedagogy, Chelyabinsk State University,
e-mail: shchks4@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Взаимосвязь экономических аттитюдов и жизненных ценностей у представителей коренных малочисленных народов Российской Арктики (на материале исследования ненцев) / Е. В. Забелина, С. А. Курносова, А. Ю. Телицына, К. Е. Щукина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 105–115.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-105-115

FOR CITATION

Zabelina E. V., Kurnosova S. A., Telitsyna A. Yu., Shchukina K. E. Interrelationship between economic attitudes and life values of the small indigenous peoples of the Russian Arctic (on the Nenets sample). In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 105–115.

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-105-115

УДК: 159.9.072

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-116-125

ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ АУТОАГРЕССИИ И ОТНОШЕНИЯ К СЕТИ ИНТЕРНЕТ У ПОДРОСТКОВ КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Соколова М. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация. В статье раскрываются особенности аутоагрессии и отношения к интернету у подростков двух групп – кадетов и обучающихся общеобразовательной школы. Использованы 4 методики, которые позволили сравнить проявления аутоагрессии и отношения к интернету, а также связь с индивидуально-психологическими особенностями. Выявлено, что у подростков-кадетов уровень аутоагрессии и проблемного отношения к интернету ниже, чем у обучающихся общеобразовательной организации. Выявлено также, что уровень аутоагрессии и отношение к интернету связаны с такими индивидуально-психологическими особенностями подростков, как самооценność, самопринятие и внутренняя конфликтность. Полученные данные могут позволить выстроить эффективную систему профилактики деструктивного поведения.

Ключевые слова: подростки, интернет, самоотношение, аутоагрессия, деструктивное поведение

FEATURES OF TEENAGE AUTO-AGGRESSION AND ATTITUDES TO THE INTERNET AMONG ADOLESCENTS OF THE CADET CORPS

M. Sokolova*Moscow Region State University**10A, Radio ul., Moscow, 105005, the Russian Federation*

Abstract. The article reveals the peculiarities of auto-aggression and attitude to the Internet in two groups of adolescents – the cadets and students of educational schools. Four techniques are used to compare the manifestations of their auto-aggression and attitude to the Internet. It is revealed that cadets have lower level of auto-aggression and problem attitude to the Internet than that of school students. It is also revealed that adolescents' level of auto-aggression and attitude to the Internet are associated with such individual psychological characteristics as self-worth, self-acceptance and internal conflict. The obtained data can allow building an effective system of destructive behavior prevention.

Keywords: adolescents, Internet, self-relation, auto-aggression, destructive behavior.

Введение

Теоретический анализ исследований показал, что в современном мире люди живут в эпоху стремительного развития высоких технологий. Для нового поколения важным становятся существование интернета, возможности его использования практически в любой точке мира, и наличие технических средств для этого не является чем-то необычным, так как новое поколение появилось и росло во время глобального технического прогресса. Использование интернета многократно увеличило возможности общения [1], получения новых знаний, несмотря на расстояние между людьми [8].

Тем не менее анализ отечественных и зарубежных источников показывает, что особое внимание обращается на возможные негативные последствия использования детьми и подростками интернета и соответствующее отношение к нему [6; 7; 9; 10; 11; 12]. Несовершеннолетние не всегда воспринимают потребление той или иной информации в сети как потенциальную опасность для них и как возможную причину их аутоагрессии, которая является одной из форм поведенческих девиаций [4; 13]. Данное поведение характеризуется агрессивными действиями, направляемыми субъектом на самого себя, и проявляется в самообвинении, самоунижении, нанесении себе телесных повреждений, суицидальном поведении.

Исследователи показали, что с развитием интернета несовершеннолетние получили доступ к разнообразному контенту, освещающему различные способы самоповреждающего поведения. Так, например, подростки изучают в открытом доступе информацию

об экстремальном похудении, которое может привести к анорексии [11; 14; 15; 16]. Другим примером может служить популярное среди подростков экстремальное селфи – фотография-автопортрет, сделанная в момент опасности для жизни [3]. Одним из самых опасных аспектов использования несовершеннолетними интернета является открытый доступ к ресурсам, на которых обсуждаются возможности совершения суицида и нередко содержится его пропаганда [2; 5; 14].

Получая доступ к подобному контенту, несовершеннолетние могут стремиться подражать своим сверстникам и подвергать своё здоровье и жизнь риску.

Вместе с тем взаимосвязь аутоагрессивного поведения и отношения к интернету у подростков привлекает внимание исследователей, но до сих пор является недостаточно изученной. Кроме того, проявление данных характеристик не может быть одинаковым для всех подростков, поскольку они могут проживать в разных условиях, иметь различные индивидуальные особенности, влияющие на самоповреждающее поведение, отношение и потребление интернета.

Эта проблематика определила и направление нашего эмпирического исследования, целью которого является изучение особенностей проявления аутоагрессии и отношения к интернету.

Основная гипотеза нашего исследования – существуют различия между обучающимися кадетского корпуса и средней школы в уровне аутоагрессии и отношении к интернету, обусловленные спецификой проживания, учебной деятельности и индивидуально-психологическими особенностями подростков.

Данная гипотеза определила следующие поставленные задачи:

1) выявить уровень аутоагрессии и отношения к интернету среди обучающихся кадетского корпуса и общеобразовательной школы;

2) провести сравнительный анализ уровня аутоагрессии и отношения к интернету среди обучающихся кадетского корпуса и общеобразовательной школы;

3) выявить связь между уровнем аутоагрессии, отношением к интернету и индивидуально-психологическими особенностями обучающихся кадетского корпуса и общеобразовательной школы.

Характеристика выборки и методов исследования

В исследовании приняли участие 60 человек, среди которых 30 кадетов Казенного общеобразовательного учреждения «Кадетская школа-интернат», 15 девочек и 15 мальчиков (группа кадетов), а также 30 обучающихся средней школы, 15 девочек и 15 мальчиков соответственно (группа учеников школы). Возраст испытуемых – 13–16 лет (средний возраст 15,0 лет $\pm$ 1,0 год).

Для доказательства гипотезы и решения поставленных задач использовались следующие методики: опросник установок по отношению к интернету Р. Дэвиса в адаптации Э. Губенко. Методика содержит 4 шкалы: «Социальный комфорт», «Одиночество / депрессия», «Сниженный самоконтроль», «Отвлечение». В опроснике также есть общая шкала, которая отображает общее проблематичное отношение к интернету, в ней суммируются остальные шкалы. Именно эта шкала рассматрива-

ется в нашем исследовании. Опросник «Ауто- и гетероагрессия» Е. П. Ильина, в котором нас интересовала шкала «Аутоагрессия». Методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) А. Н. Орел, в которой рассматривались шкалы «Склонность к нарушению норм и правил» и «Волевой контроль эмоциональных реакций». Для выявления индивидуально-психологических особенностей испытуемых была использована методика исследования самоотношения (МИС) В. В. Столина и С. Р. Пантилеева, в частности шкалы «Самопринятие», «Самоценность» и «Внутренняя конфликтность».

Результаты, полученные в ходе исследования, мы подвергли статистической обработке с помощью программы SPSS. Для определения корреляционных связей использовался коэффициент Спирмена, и для поиска групповых различий применялся критерий Манна-Уитни.

Результаты исследования и их обсуждение

Данные представлены в таблице 1.

Анализ результатов с помощью коэффициента Спирмена (табл. 1) позволяет сделать вывод, что не выявлены взаимосвязи между выделенными шкалами среди обучающихся кадетского корпуса.

Напротив, согласно результатам, существует прямая связь между аутоагрессией и отношением к интернету, склонностью к нарушению норм и правил, волевым контролем эмоциональных реакций среди обучающихся общеобразовательной школы на уровнях значимости $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^*$. Исключение составляют шкалы «Волевой контроль эмоциональных реакций» и

Таблица 1.

Показатели корреляции аутоагрессии, отношения к интернету, склонности к нарушению норм и правил, волевого контроля эмоциональных реакций у обучающихся кадетского корпуса и общеобразовательной организации (коэффициент Спирмена)

Стат. значимость различий (2-сторонняя)	Шкала Аутоагрессии	Отношение к интернету	Склонность к нарушению норм и правил	Волевой контроль эмоциональных реакций
Шкала Аутоагрессии (кадеты)	-	0,129	0,795	0,447
Отношение к интернету (кадеты)	0,129	-	0,092	0,533
Склонность к нарушению норм и правил (кадеты)	0,795	0,092	-	0,161
Волевой контроль эмоциональных реакций (кадеты)	0,447	0,533	0,161	-
Шкала Аутоагрессии (ученики школы)	-	0,003**	0,000**	0,016**
Отношение к интернету (ученики школы)	0,003**	-	0,036*	0,041*
Склонность к нарушению норм и правил (ученики школы)	0,000**	0,036*	-	0,232
Волевой контроль эмоциональных реакций (ученики школы)	0,016*	0,041*	0,232	-

При $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^{*}$.

«Склонность к нарушению норм и правил», между которыми взаимосвязь не выявлена. Вероятно, это можно объяснить недостаточно большой выборкой обучающихся подростков.

Таким образом, можно сделать вывод, что подростки, обучающиеся в кадетском корпусе, менее склонны к аутоагрессии и отношению к интернету. Кроме того, такие показатели, как склонность к нарушению норм и правил, а также волевой контроль эмоциональных реакций, не связаны с аутоагрессией и отношением к интернету среди воспитанников кадетского корпуса. По нашему мнению, этому способствуют условия проживания и обучения испытуемых. Кадеты обучаются и живут в закрытом учебном заведении, в котором высокий уровень дисциплины, чёткая организация вне-

учебной деятельности воспитанников, постоянное сопровождение и нахождение воспитателя, а также контроль за использованием интернета в целом, поскольку кадеты корпуса в основном используют его более ограниченно, чаще для учебной деятельности.

У обучающихся общеобразовательной организации более свободное отношение к интернету, контроль за его использованием снижен, что позволяет школьникам часто бесконтрольно им пользоваться, а следовательно, они могут иметь доступ к различной деструктивной информации. Склонность к нарушению норм и правил, а также волевой контроль эмоциональных реакций среди обучающихся общеобразовательной организации напрямую связаны с аутоагрессией и отношением к интернету.

Таблица 2.

Различия показателей аутоагрессии, отношения к интернету, склонности к нарушению норм и правил, волевого контроля эмоциональных реакций воспитанников кадетского корпуса и обучающихся общеобразовательной школы (U-критерий Манна-Уитни)

	Средние значения		U-критерий Манна-Уитни	Уровень статистической значимости (p)
	Ученики школы (N = 30)	Кадеты (N = 30)		
Аутоагрессия	40,92	20,08	137,5	0,000*
Отношение к интернету	41,72	19,28	113,5	0,000*
Волевой контроль эмоциональных реакций	36,87	24,13	259,0	0,04*
Склонность к преодолению норм и правил	41,68	19,32	114,5	0,000*

При $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^*$.

С целью выявления групповых различий был применён критерий Манна-Уитни (табл. 2).

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод, что есть значимая разница между кадетами и обучающимися общеобразовательной школы в таких показателях, как аутоагрессия, отношение к интернету, склонность к нарушению норм и правил, волевой контроль эмоциональных реакций, на уровнях значимости $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^*$.

Качественный анализ полученных средних значений по шкалам в обеих группах испытуемых показывает, что аутоагрессия и проблемное отношение к интернету у обучающихся средней школы в два раза выше, чем у учащихся кадетского корпуса. Учитывая, что выявлена прямая связь между шкалами аутоагрессии и отношения к интернету, а также шкалой волевого контроля эмоциональных реакций и склонностью к нарушению норм и правил, можно сделать вывод, что обучающиеся в средней школе более склонны к аутоагрессии и проблемному отношению к интернету по сравнению с учениками кадетско-

го корпуса. Для обучающихся школы более характерны нежелание или неспособность контролировать поведенческие проявления эмоциональных реакций, несформированность волевого контроля своих потребностей, что может способствовать импульсивному поведению под влиянием мыслей, чувств и внешних раздражителей. Они склонны реализовать негативные эмоции непосредственно в поведении. В отличие от кадетов, испытуемые из средней школы менее склонны следовать групповым ценностям, больше стремятся к отрицанию установленных образцов поведения.

Среди кадетов волевой контроль эмоциональных реакций выше, а склонность к нарушению норм и правил в среднем ниже. Таким образом, для них характерно следовать установленным нормам и правилам, а также иметь высокий контроль эмоциональных реакций. Многие способы управления своим поведением, волевого контроля они усваивают в кадетском корпусе.

Связь между аутоагрессией, отношением к интернету и шкалами методики МИС показана в таблице 3.

Таблица 3.

Показатели корреляции аутоагрессии, отношения к интернету и шкал «Самопринятие», «Самоценность» и «Внутренний конфликт» у обучающихся общеобразовательной школы и кадетов

Стат. значимость различий (2-сторонняя)	Шкала Аутоагрессии (ученики школы)	Шкала Аутоагрессии (кадеты)	Отношение к интернету (ученики школы)	Отношение к интернету (кадеты)
Самопринятие	0,000**	0,107	0,018*	0,24
Самоценность	0,01*	0,115	0,028*	0,23
Внутренняя конфликтность	0,034*	-0,083	0,041*	0,10

При $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^{*}$.

Результаты, представленные в таблице 3, позволяют сделать вывод, что есть прямая связь между аутоагрессией и отношением к интернету, а также шкалами методики МИС «Самопринятие», «Самоценность» и «Внутренняя конфликтность» на уровнях значимости $p \leq 0,01^{**}$ и $p \leq 0,05^{*}$, которая характерна для обучающихся общеобразовательной организации. Напротив, среди подростков-кадетов прямая связь отсутствует.

Анализ полученных данных показывает, что для обучающихся подростков характерны такие индивидуально-психологические особенности, как низкая самооценочность, самопринятие и высокая внутренняя конфликтность. Это свидетельствует о том, что для данных испытуемых характерны низкое принятие себя, сомнение в ценности собственной личности и наличие внутренних конфликтов. Подростки общеобразовательной организации склонны отрицать свои проблемы. Всё это может способствовать развитию аутоагрессии и проблемному отношению к интернету.

Для подростков-кадетов, наоборот, более свойственны высокая самооцен-

ность, самопринятие и низкая внутренняя конфликтность. Таким образом, среди данной группы испытуемых более высокие рефлексия, принятие себя и ощущение собственной ценности.

Полученные данные подтверждают выдвинутую гипотезу: существуют различия между воспитанниками кадетского корпуса и обучающимися общеобразовательных школ в уровне аутоагрессии и отношения к интернету, которые обусловлены следующими причинами: условиями проживания и обучения, спецификой учебной деятельности, возможностями использования интернета, а также контролем со стороны взрослых.

Выявлено, что уровень аутоагрессии и отношения к интернету связаны со склонностью к нарушению норм и правил, волевым контролем эмоциональных реакций, а также индивидуально-психологическими особенностями подростков общеобразовательной организации, такими как самооценочность, самопринятие и внутренняя конфликтность.

На основании проведённого исследования и анализа результатов можно сделать следующие выводы:

1. Выявлено, что уровень аутоагрессии и отношения к интернету среди подростков кадетского корпуса и общеобразовательной организации различается, он выше у подростков школы.

2. Для подростков общеобразовательной организации, в отличие от кадетов, характерны более высокий уровень аутоагрессии и проблематичное отношение к интернету.

3. Для подростков общеобразовательных организаций, склонных к аутоагрессивному поведению и проблемному отношению к интернету, характерны склонность к преодолению норм и правил и сниженный волевой контроль эмоциональных реакций, а также индивидуально-психологические особенности: низкие самооценки, самопринятие и высокая внутренняя конфликтность.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что особенности в условиях жизни, обучения у воспитанников кадетского корпуса способствуют профилактике аутоагрессии и проблемного отношения к интернету, а также более высокому волевому контролю и снижению преодоления норм и правил, повышению самооценки, самопринятия и снижению внутренней конфликтности. Учёт этих условий может позволить выстроить эффек-

тивную систему профилактики деструктивного поведения в кадетском корпусе. Полученные данные помогут педагогам, родителям обратить внимание на отношение детей к интернету, проявления аутоагрессии, а также осуществить контроль со стороны взрослых за потреблением продукции интернета обучающимися общеобразовательной организации для профилактики деструктивного поведения.

Приступая к подготовке рекомендаций, мы в первую очередь хотим подчеркнуть важность внимания родителей подростков, обучающихся в общеобразовательной школе, к тому, что представляет интерес для несовершеннолетних в интернете. Таким образом, для профилактики аутоагрессии и проблематичного отношения к интернету родители могли бы:

1) установить дома правила использования интернета, обсудив их необходимость с детьми;

2) беседовать с детьми о том, что они интересного узнали из интернета, какие выводы делают из полученной информации;

3) интересоваться сайтами, которые чаще всего посещают дети.

*Статья поступила
в редакцию 26.07.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочавер А. А., Жилинская А. В., Хломов К. Д. Перспективы современных подростков в контексте жизненной траектории [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2016/n2/82367.shtml> (дата обращения: 29.06.2019).
2. Демдоуми Н. Ю., Денисов Ю. П. Распространение «Суицидального контента» в киберпространстве русскоязычного интернета как проблема мультидисциплинарных исследований [Электронный ресурс] // Суицидология. 2014. № 2 (15).
3. Жукова Н. В., Айсмонтас Б. Б. Сетевое интернет-общение как новая форма органи-

- зации коммуникативного процесса в современном обществе [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Т. 6. № 4. URL: http://psyjournals.ru/jmfp/2017/n4/Zhuckova_Aismontas.shtml (дата обращения: 29.07.2019).
4. Змановская Е. В., Рыбников В. Ю. Девиантное поведение личности и группы: учебное пособие. СПб., 2010. 352 с.
 5. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Левина Л. В. К вопросу о влиянии интернет на суицидальное поведение // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2014. № 2. URL: <http://psyjournals.ru/scientific-notes/2014/n2/74715.shtml> (дата обращения: 27.07.2019).
 6. Смирнова А. А., Захарова Т. А., Синогина Е. С. Киберугрозы безопасности подростков [Электронный ресурс] // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical review. 2017. №3 (17).
 7. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И. Безопасность подростков в Интернете: риски, совладание и родительская медиация // Национальный психологический журнал. 2014. № 3 (15). URL: http://npsyj.ru/pdf/npj-no15-2014/npj_no15_2014_39-51.pdf (дата обращения: 30.06.2019).
 8. Сорокина А. Б. Интернет в жизни современных подростков: проблема и ресурс // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76176.shtml> (дата обращения: 30.06.2019).
 9. Шульга Т. И. Становление волевой регуляции в онтогенезе: автореф. дис. ... докт. психол. наук. М., 1994. 42 с.
 10. Brighi A. Young, Bullying, and Connected. Common Pathways to Cyberbullying and Problematic Internet Use in Adolescence // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. URL: https://www.researchgate.net/publication/334238427_Young_Bullying_and_Connected_Common_Pathways_to_Cyberbullying_and_Problematic_Internet_Use_in_Adolescence (дата обращения: 13.07.2019).
 11. Castro T., Osorio A. Fat and Happy? I'd Rather Die! Online Violence Involving Children: Pro-Anorexia Communities and Dangerous Eating Behaviours on the Web [Электронный ресурс] // *Skins, Visual Culture and Youth*. [2013]. URL: https://www.researchgate.net/publication/260555032_%27Fat_and_Happy_I%27d_Rather_Die%27_Online_Violence_Involving_Children_Pro-Anorexia_Communities_and_Dangerous_Eating_Behaviours_on_the_Web (дата обращения: 13.07.2019).
 12. Cerniglia L., Cimino S. Brief Considerations on Internet use in Adolescence // *EC Psychology and Psychiatry*. 2017. № 1. URL: https://www.researchgate.net/publication/321496627_Brief_Considerations_on_Internet_use_in_Adolescence (дата обращения: 30.06.2019).
 13. Goerzig A. Adolescents' Viewing of suicide-related web content and psychological problems: Differentiating the roles of cyberbullying involvement [Электронный ресурс] // *Cyber psychology, Behavior, and Social Networking*. 2016. Vol. 19. Iss. 8. URL: <http://repository.uwl.ac.uk/id/eprint/2676> (дата обращения: 14.07.2019).
 14. Padmanathan P. Suicide and Self-Harm Related Internet Use [Электронный ресурс] // *Crisis*. 2018. № 39 (6). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6263311> (дата обращения: 29.07.2019).
 15. Richichi V. Anorexia nervosa and internet: A study on Pro-Ana blogs in Italy [Электронный ресурс] // *Psicologia Clinica dello Sviluppo*. 2018. Vol. 22(3). URL: https://www.researchgate.net/publication/331113055_Anorexia_nervosa_and_internet_A_study_on_Pro-Ana_blogs_in_Italy (дата обращения: 14.07.2019).
 16. Shuang C. Daredevils on social media: A comprehensive approach toward risky selfie behavior among adolescents [Электронный ресурс] // *New Media & Society*. 2019. Vol. 21.

Iss. 5. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1461444819850112> (дата обращения: 06.07.2019).

REFERENCES

1. Bochvar A. A., Zhilinskaya A. V., Khломov K. D. [Prospects of today]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2016, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2016/n2/82367.shtml> (accessed: 29.06.2019).
2. Demdoui N. Yu., Denisov Yu. P. [Distribution of "Suicidal content" in cyberspace, the Russian-speaking Internet as the problem of multidisciplinary research]. In: *Suitsidologiya* [Suicide studying], 2014, no. 2 (15).
3. Zhukova N. V., Aismontas B. B. [Network and Internet communication as a new form of organization of the communication process in modern society]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2017, vol. 6, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/jmfp/2017/n4/Zhuckova_Aismontas.shtml (accessed: 29.07.2019).
4. Zmanovskaya E. V., Rybnikov V. Yu. *Deviantnoe povedenie lichnosti i gruppy* [Deviant behavior of individuals and groups]. St. Petersburg, 2010. 352 p.
5. Korolenko T. P., Dmitrieva N. V., Levina L. V. [On the question of the impact of the Internet on suicidal behaviour]. In: *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta psikhologii i sotsial'noi raboty* [Memoir of Saint-Petersburg State Institute of psychology and social work], 2014, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/scientific_notes/2014/n2/74715.shtml (accessed: 27.07.2019).
6. Smirnova A. A., Zakharova T. A., Sinogina E. S. [Cyber threats to adolescents' security]. In: *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical review* [Pedagogical review. Pedagogical review], 2017, no. 3 (17).
7. Soldatova G. U., Rasskazova E. I. [Safety of adolescents on the Internet: risks, coping and parental mediation]. In: *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National psychological journal], 2014, no. 3 (15). Available at: http://npsyj.ru/pdf/npj-no15-2014/npj-no15_2014_39-51.pdf (accessed: 30.06.2019).
8. Sorokin A. B. [The Internet in the lives of modern teenagers: the problem and the resource]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2015, vol. 4, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2015/n1/76176.shtml> (accessed: 30.06.2019).
9. Shul'ga T. I. *Stanovlenie volevoi regulyatsii v ontogeneze: avtoref. dis. ... dokt. psikhol. nauk* [The development of volitional regulation in ontogenesis: abstract of D. thesis in Psychological sciences]. Moscow, 1994. 42 p.
10. Brighi A. Young, Bullying, and Connected. Common Pathways to Cyberbullying and Problematic Internet Use in Adolescence. In: *Frontiers in Psychology*, 2019, vol. 10. Available at: https://www.researchgate.net/publication/334238427_Young_Bullying_and_Connected_Common_Pathways_to_Cyberbullying_and_Problematic_Internet_Use_in_Adolescence (accessed: 13.07.2019).
11. Castro T., Osorio A. Fat and Happy? I'd Rather Die! Online Violence Involving Children: Pro-Anorexia Communities and Dangerous Eating Behaviours on the Web. In: *Skins, Visual Culture and Youth*, 2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/260555032_%27Fat_and_Happy_I%27d_Rather_Die%27_Online_Violence_Involving_Children_Pro-Anorexia_Communities_and_Dangerous_Eating_Behaviours_on_the_Web (accessed: 13.07.2019).
12. Cerniglia L., Cimino S. Brief Considerations on Internet use in Adolescence. In: *EC Psychology and Psychiatry*, 2017, no. 1. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321496627_Brief_Considerations_on_Internet_use_in_Adolescence (accessed: 13.07.2019).

- 30.06.2019).
13. Goerzig A. Adolescents' Viewing of suicide-related web content and psychological problems: Differentiating the roles of cyberbullying involvement. In: *Cyber psychology, Behavior, and Social Networking*, 2016, vol. 19, iss. 8. Available at: <http://repository.uwl.ac.uk/id/eprint/2676> (accessed: 14.07.2019).
 14. Padmanathan P. Suicide and Self-Harm Related Internet Use. In: *Crisis*, 2018, no. 39 (6). Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6263311> (accessed: 29.07.2019).
 15. Richichi V. Anorexia nervosa and internet: A study on Pro-Ana blogs in Italy. In: *Psicologia Clinica dello Sviluppo*, 2018, vol. 22 (3). Available at: https://www.researchgate.net/publication/331113055_Anorexia_nervosa_and_internet_A_study_on_Pro-Ana_blogs_in_Italy (accessed: 14.07.2019).
 16. Shuang C. Daredevils on social media: A comprehensive approach toward risky selfie behavior among adolescents. In: *New Media & Society*, 2019, vol. 21, iss. 5. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/1461444819850112> (accessed: 06.07.2019).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколова Марина Валерьевна – аспирант кафедры социальной психологии Московского государственного областного университета, психолог Центра содействия семейному воспитанию № 1;
e-mail: nott88@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina V. Sokolova – postgraduate student of the Department of Social psychology, Moscow Region State University, psychologist, Moscow city State budgetary institution “Center №1 for family education assistance”;
e-mail: nott88@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколова М. В. Особенности подростковой аутоагрессии и отношения к сети Интернет у подростков кадетского корпуса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 116–125.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-116-125

FOR CITATION

Sokolova M. V. Features of teenage auto-aggression and attitudes to the Internet among adolescents of cadet corps. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 116–125.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-116-125

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138

Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга

Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А.

*Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого
300026, г. Тула, пр-т Ленина, д. 125, Российская Федерация*

Аннотация. Целью работы является рассмотрение половозрастных особенностей школьников, позволяющих установить круг факторов прогнозируемого риска буллинга в образовательной среде, и определение на их основе мишеней для работы психолога по его профилактике. На предварительном этапе исследования приняли участие 265 учеников в возрасте от 7,5 до 17 лет из 11 школ г. Тулы и Тульской области. Оценка риска буллинга в школе проводилась с использованием опросника ОРБ, по результатам которого было отобрано 85 учеников из трёх школ и сформированы три возрастные выборки. Анализ зарубежных и российских психологических исследований по проблеме школьного буллинга позволил систематизировать половозрастные характеристики школьников, обуславливающих риск буллинга: враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации. Для установления тесноты связи между выделенными параметрами проводилась статистическая обработка данных с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона и коэффициента сопряжённости V Крамера.

Ключевые слова: буллинг, половозрастной аспект, потенциальные участники буллинга, предупреждение школьного буллинга, профилактика школьной травли

SCHOOLCHILDREN'S AGE AND GENDER CHARACTERISTICS AS PREDICTORS OF BULLYING RISKS

K. Shalaginova, T. Kulikova, S. Zalygaeva

*Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin prosp., Tula 300026, Russian Federation*

© СС ВУ Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А., 2019.

Abstract. The purpose of the article is to consider the age and gender characteristics of schoolchildren, which make it possible to establish the range of factors of the predicted bullying risk in the educational environment, and determine on their basis the targets for the psychologist's work on its prevention. 265 pupils aged 7.5 to 17 years from 11 schools of the city of Tula and Tula region took part in the preliminary stage of the study. Risk assessment of bullying at school was carried out using an ORB questionnaire, the results of which were used to select 85 students from three schools and to form three age samples. The analysis of foreign and Russian psychological studies on the problem of school bullying made it possible to systematize the age and sex characteristics of schoolchildren, which determine the risk of bullying: hostility and aggressiveness, sociometric status, level and orientation of affective reactions, specificity of behavior in a conflict situation. To establish the closeness of the relationship between the selected parameters, statistical data processing was performed using the Spearman's coefficient of range correlation; Pearson's Chi-square (χ^2) and Cramer's conjugacy coefficient V.

Keywords: bullying, gender and age aspect, potential bullying participants, prevention of school bullying, prevention of school bullying

Феномен буллинга в современной школе является широко распространённым. По результатам различных исследований, с явлением буллинга в школе сталкивается постоянно или эпизодически порядка трети учеников. Практика показывает, что формы буллинга носят преимущественно вербальный характер – крики, унижительные замечания, оскорбления, издевательства, «злые» шутки, задевающие честь и достоинство. Между тем четверть современных детей сталкиваются и с физическим проявлением буллинга, угрозами физической расправы [15].

Российские специалисты, занимающиеся проблематикой школьной травли (Л. С. Алексеева, А. А. Бочавер, И. С. Бердышев, О. Л. Глазман, С. В. Кривцова, Д. А. Кутузова, В. Р. Петросянц и др.), обращают внимание на явно заниженный характер указанных цифр. Обозначенная проблема неоднозначна. С одной стороны, следует признать, что тема жестокости вообще, и в детском возрасте в

частности, была и остаётся одной из древнейших. Насилие издавна считается самым примитивным и быстрым способом решения проблем, «скорого» получения желаемого результата [2; 8].

Термин «буллинг» появился в научной литературе лишь в начале 90-х гг. прошлого столетия. Изначально для обозначения систематической травли одного человека группой людей использовался термин «моббинг» [11], который впервые был применён шведским врачом П.-П. Хайнеманном, проводившим исследования группового поведения детей в ученической среде, проявляющегося в грубых и жестоких формах.

Однако значительный интерес у зарубежных психологов феномен «школьной травли» (school bullying) был вызван после публикации книги «Агрессия в школах. Хулиганы и мальчики для бития» (Aggression in the schools. Bullies and whipping boys) в 1978 г. норвежским исследователем Д. Ольвеусом. Таким образом, Д. Ольвеус сделал явление буллинга

видимым, признаваемым, что позволило включить его в область психологической науки [18].

В дальнейшем Д. Лейн и Э. Миллер подробно описали буллинг (школьную травлю) как длительный процесс абсолютно сознательного жестокого физического и (или) психического отношения одного ученика или группы детей к другому ребёнку или другим детям [13].

Мотивами буллинга могут быть месть, зависть, конкуренция, соперничество и просто личная неприязнь к объекту травли. В качестве причин травли могут стать потребность во власти, превосходстве, удовлетворение от причинения вреда и страдания другим, агрессивное поведение отдельных личностей. Не стоит также забывать и об удовлетворении садистских наклонностей детей. Такая опасная мотивация встречается у определённой категории акцентуированных и дисгармонично развивающихся личностей.

Одной из причин травли, по мнению Д. А. Кутузовой, является «необычность ребенка», его исключительность или отличие «от принятых в группе стандартов [10; 11]. Автор считает, что для возникновения ситуации травли достаточно даже одного ученика в школе, желающего самоутвердиться за счёт унижения других.

Российскими учёными выявлены «сенситивные, то есть наиболее чувствительные к насилию периоды жизни и развития ребенка, связанные с происходящими анатомо-физиологическими, гормональными, эмоционально-личностными и психосоциальными изменениями, которые делают его наиболее уязвимым и драматизируемым. Прежде всего, это дошколь-

ный и подростковый возрастные периоды» [1, с. 13–14].

На основе данных зарубежных исследователей А. А. Бочавер и К. Д. Хломов констатируют, что прямой травле подвергаются в основном учащиеся младшей школы, тогда как в средней и старшей школе в большей степени наблюдается косвенная травля. Установлено также, что мальчики больше девочек склоняются участвовать в травле в разных ролях (жертва, преследователь, свидетель), и в то же время мальчики сами чаще становятся жертвами физической травли – у них отбирают деньги и портят вещи, им угрожают и заставляют их что-то делать. Девочки чаще всего становятся жертвами сплетен, непристойных высказываний и жестов со стороны буллеров [3].

Анализируя статистические данные в отношении жертв буллинга, полученные Д. Ольвеусом, С. В. Кривцова приходит к выводу, что явных гендерных отличий жертв буллинга не существует – и мальчики, и девочки примерно в равной степени подвергаются травле. Однако при этом выявлены явные возрастные отличия: число жертв буллинга в младших классах почти в три раза выше, чем в старших. Данная статистика характерна и для мальчиков, и для девочек. В то же время обнаружены достаточно значимые половоспецифические отличия у буллеров: «почти в четыре раза больше мальчиков, чем девочек, заявили о том, что сами совершали действия буллинга. И если число девочек-буллеров с возрастом снижалось..., то число мальчиков, наоборот, возрастало...» [9, с. 102]. Исследователи предполагают, что существует определённое число «скры-

тых» (не выявляемых с помощью имеющихся опросников) буллеров среди девочек, но более точных данных по этому вопросу пока нет.

Стоит иметь в виду тот факт, что девочки в большей степени склонны к косвенному буллингу, или нарушению отношений привязанности, а это затрудняет их идентификацию в качестве буллеров. Зачастую девочки в самовосприятии не считают себя таковыми. Исследователи считают, что говорить о более точном количестве буллеров-девочек не представляется возможным, так как «скрытые» буллеры не выявляются существующими на сегодняшний день опросниками [9, с. 102].

Буллинг представляет собой конкретную систему взаимоотношений в коллективе, которую принято называть «буллинг-системой». Эта система дает чёткое представление о возможных ролях и позициях: агрессор, присоединившийся участник, свидетель-подстрекатель, свидетель-аутсайдер, защитник, жертва и др. [13].

Индивидуально-психологические особенности участников буллинга могут различаться в зависимости от роли или позиции в ситуации травли. Исследователи часто говорят о том, что существуют внутренние предпосылки, которые способствуют тому, что ребёнок наиболее активно осваивает определённую из этих ролей. Так, жертвы буллинга характеризуются «снижением самоуважения, аутосимпатии, самопринятия и повышением самообвинения; наличием выраженных проблемных переживаний в области собственной личности, школы, сверстников, родительского дома, будущего; ... неприятия себя и других, эмоционального дискомфорта,

ухода в себя и ожидания внешнего контроля; ... относительно высокими показателями враждебности; высокими показателями эмоциональности и снижением личностной нервно-психической устойчивости; склонностью к повышенной напряженности» [14]. Как правило, жертвы чувствительны, тревожны, плаксивы, физически слабы, они отличаются низкой самооценкой, а после факта травли или насилия склонны испытывать стыд и неуверенность в себе и полагают, что заслужили свои страдания. Невольные свидетели, или «наблюдатели» происходящего ощущают собственное бессилие, их самооценка, также как и у жертв, заметно снижается [13].

Свидетели травли ощущают небезопасность среды, переживают страх, беспомощность, стыд за своё бездействие и в то же время желание присоединиться к агрессору, а иногда удовлетворение от мысли «хорошо, что это происходит не со мной». Если травля не прекращается, у свидетелей слабеет способность к эмпатии [3].

У буллеров возникают проблемы с развитием эмпатии по отношению к другим, они получают удовольствие от власти и высокого статуса по сравнению с жертвой. Кроме традиционно выделяемых ролей участников буллинга, в некоторых исследованиях можно встретить и такую категорию, как «агрессивная жертва».

Эти особенности могут быть как следствиями травли, так и её предпосылками, своеобразными «сигналами» другим детям о том, что ребёнка легко сделать жертвой [5]. Многие агрессивные жертвы склонны проявлять насилие по отношению к младшим детям и более слабым сверстникам.

Обзор психологических исследований позволил нам систематизировать личностные характеристики школьников для установления круг факторов прогнозируемого риска буллинга в образовательной среде: враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации. Очевиден тот факт, что риск стать жертвой, равно как и буллером, существует у так называемых потенциальных участников – наблюдателей, свидетелей и т. д. Такие потенциальные участники, по нашему мнению, составляют «группы риска». Анализ работ зарубежных и отечественных учёных позволяет утверждать, что на современном этапе исследований проблемы буллинга достаточно подробно изучена степень распространённости данного явления, выявлены формы проявления буллинга. Гораздо меньше исследований, рассматривающих индивидуальные характеристики и половозрастные особенности участников школьной травли, тогда как «именно они прежде всего интересны для психолога, так как те или иные внешние признаки, особенности поведения, социальный статус и др. могут быть не только характерной чертой, но и причиной принятия учащимися тех или иных ролей в ситуации буллинга» [7, с. 7].

Всё вышеизложенное обусловило цель нашего исследования – выявление половозрастных особенностей школьников, позволяющих установить круг факторов прогнозируемого риска буллинга в образовательной среде, и определение на их основе мишеней для работы психолога по его профилактике. Мы предположили, что риск попа-

дания школьников в буллинг-группы определяется пересечением типичных для каждого возраста и пола свойств и качеств личности (враждебность и агрессивность, социометрический статус, уровень и направленность аффективных реакций, специфика поведения в конфликтной ситуации).

Для определения половозрастных особенностей школьников, обуславливающих риск буллинга в образовательной среде, было проведено экспериментальное исследование, в котором приняли участие 265 учеников в возрасте от 7,5 до 17 лет из 11 школ г. Тулы и Тульской области.

На предварительном этапе исследования проводилась оценка риска буллинга в школе с использованием одноименного опросника ОРБ [4]. Данный опросник позволяет выявить факторы риска буллинга внутри класса и внутри школы. Были выявлены разновозрастные классы с наиболее высокой выраженностью риска буллинга (табл. 1).

Для основного этапа исследования половозрастных особенностей школьников было отобрано 85 респондентов из трёх школ и сформированы три возрастные выборки – младшие школьники, подростки и старшекласники, в каждой из них были выделены группы мальчиков и девочек. При проведении пилотного исследования контрольная группа не формировалась.

Выборку младших школьников составили 29 учащихся (13 девочек и 16 мальчиков). В работе с младшими школьниками применялись следующие методики: проективная методика для диагностики школьной тревожности (А. М. Прихожан), тест руки «Hand Test» (Э. Вагнер), проективный тест личностных отношений, социаль-

Таблица 1.
Средние значения (М) и средние квадратичные отклонения (SD)
по шкалам опросника ОРБ

Распределение по группам	Шкала небезопасности		Шкала благополучия		Шкала разобщенности		Шкала равноправия	
	М	SD	М	SD	М	SD	М	SD
Общая выборка n = 85	7,35	2,79	6,55	2,27	2,85	2,36	3,77	2,77
Младшие школьники n = 29	5,85	2,11	7,21	2,65	2,75	2,19	3,19	2,17
Подростки n = 32	8,74	3,31	5,65	1,97	3,47	2,81	3,97	2,95
Старшеклассники n = 24	7,45	2,97	6,81	2,19	2,35	2,09	4,15	3,18

ных эмоций и ценностных ориентаций «Домики» (О. А. Орехова), методика «Лесенка» (В. Г. Щур) и методика «Социометрия».

Выборку подростков составили 32 учащихся (18 девочек и 14 мальчиков). Опираясь на работы Д. Ольвеуса [18], согласно которым именно в 10–14 лет особенно ярко прослеживается разница полов, а девочки в своём психическом и физическом развитии превосходят мальчиков, мы считаем целесообразным более детальному анализу подвергнуть половозрастную специфику проявления школьной травмы в этом возрасте.

Были использованы следующие методики: опросник Басса-Дарки, *тест-опросник «Стиль поведения в конфликте»* (К. Томас), методика самооценки психических состояний (Г. Айзенк), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко), тест «Индекс толерантности» (Г. У. Солдатова, О. А. Кравцова, О. Е. Хухлаев).

Выборку старших школьников составили 24 учащихся (13 девушек и 11 юношей). В работе со старшеклассни-

ками основная задача исследования – определить уровень агрессивности, изучить толерантные и интолерантные установки личности, определить личностную предрасположенность к конфликтному поведению, выявить уровень эмпатических способностей, что и обусловило выбор соответствующих методик: опросник Басса-Дарки, методика «Интолерантность-толерантность» (Л. Г. Почебут), *тест-опросник «Стиль поведения в конфликте»* (К. Томас), социометрия (Дж. Морено), методика диагностики уровня эмпатических способностей (В. В. Бойко).

Статистическая обработка данных проводилась с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена; критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона и коэффициента сопряжённости V Крамера. Данные расчёты выполнены с помощью программы SPSS Statistics 17.0.

Проведённое нами исследование позволило выявить в каждой исследуемой выборке школьников так называемые «группы риска» с позиции как потенциальных жертв, так и воз-

можных потенциальных инициаторов травли [16].

В выборке младших школьников «группу риска» составляют дети, представляющие разные статусные позиции в классе. В первую очередь обращают внимание учащиеся, входящие в группу «звезды». По результатам диагностики у большинства «звезд» (57 %) выявлены эмоциональные проблемы, в частности наличие тревожности. Такие школьники достаточно демонстративны и склонны проявлять всплески агрессии в отношениях с другими. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «звезда» и параметрами «наличие тревожности» (*An*) и «наличие агрессивных черт» (*Af*) показал наличие сильной прямой корреляционной связи ($r = 0,71$; $r = 0,67$, при $p \leq 0,05$). Переживание тревожности «звездами» объясняется чрезмерной старательностью при выполнении заданий и озабоченностью сохранения своего статуса в глазах учителя и одноклассников, что указывает на конфликтность самооценки такого ребёнка.

В «группу риска» также входят учащиеся со статусами «отвергнутый» и «непринятый». Это неуверенные в себе дети с заниженной самооценкой, не способные управлять своими эмоциями, имеющие проблемы в поведении и общении и проявляющие тревожность. Постоянное «негативное внимание» со стороны учителя и одноклассников способствует фиксации и усилению тревожности, подкрепляя тем самым и нежелательные формы поведения ребёнка. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «отвергнутый» и параметрами «эмоциональная устойчивость» (*Est*) и «наличие тревожности» (*An*) выявил

наличие сильной обратной и прямой корреляционных связей (соответственно $r = -0,63$; $r = 0,74$, при $p \leq 0,05$). Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «непринятый» и параметрами «эмоциональная устойчивость» (*Est*) и «наличие тревожности» (*An*) выявил наличие средней обратной и прямой корреляционных связей (соответственно $r = -0,58$; $r = 0,63$, при $p \leq 0,05$).

В «группу риска» школьников из выборки подростков вошли учащиеся, у которых выявлен заниженный уровень эмпатии (33 % респондентов), низкий уровень толерантности (27 %) и повышенный уровень агрессивности (34 %). Из числа подростков данной подвыборки 34 % респондентов предпочитают в конфликте стратегию соперничества. Они стремятся добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому. Коэффициент корреляции между параметром «уровень агрессивности» (*Ag*) и «уровень эмпатии» (*Em*), «уровень толерантности» (*T*) и «соперничество» (*Rs*) выявил наличие сильных прямых корреляционных связей (соответственно $r = 0,71$; $r = 0,67$ и $r = 0,73$, при $p \leq 0,05$). Для испытуемых характерны стремление к использованию физической силы против другого лица и готовность к проявлению резкости, грубости.

Уровень эмпатии девочек и мальчиков несущественно различаются между собой, средние значения показателей равны 25,9 и 20,9 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем эмпатии и полом испытуемых показал наличие слабой корреляционной связи ($r = 0,366$, при $p \leq 0,05$).

Существует различие средних значений показателей уровня толерант-

ности девочек и мальчиков – 87,8 и 58,0 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем толерантности и полом испытуемых показал наличие средней корреляционной связи ($r = 0,512$, при $p \leq 0,01$).

Существует различие средних значений показателей уровня агрессивности девочек и мальчиков – 21,8 и 28,1 соответственно. Коэффициент корреляции между уровнем агрессивности и полом испытуемых показал наличие слабой обратной корреляционной связи ($r = -0,493$, при $p \leq 0,01$).

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «тип поведения в конфликте: соперничество, приспособление, избегание, компромисс, сотрудничество», использовались критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона и уточняющий коэффициент сопряжённости V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); соперничество (1); приспособление (2); избегание (3); компромисс (4); сотрудничество (5). Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием программы SPSS Statistics 17.0. Были получены следующие данные: $\chi^2 = 7,37$, при $p = 0,118$. Число степеней свободы = 4. Критическое значение критерия хи-квадрат Пирсона, при уровне значимости $p = 0,05$ и числе степеней свободы 4 составило 9,49. Сравнивая полученное значение критерия хи-квадрат с критическим ($7,37 < 9,49$), мы сделали вывод, что зависимость частоты случаев «пол» и «поведение в конфликте» статистически не значимы, что вполне возможно из-за небольшого объёма выборки. Поэтому с целью оценки силы взаимосвязи ис-

пользовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера = 0,468, что говорит о наличии в выборке некоторых умеренных корреляционных связей. Анализируя полученные данные, следует выделить наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи между: полом «девочки» и типом поведения в конфликте «соперничество»; полом «мальчики» и типом поведения в конфликте «компромисс».

Для выявления корреляционных связей между номинальными шкалами «пол: мальчики, девочки» и «преобладающий тип агрессии: физическая, косвенная, вербальная, не выявлено», использовались критерий хи-квадрат (χ^2) Пирсона и уточняющий коэффициент сопряжённости V Крамера. Качественные значения были закодированы: мальчики (1); девочки (2); физическая (1); косвенная (2); вербальная (3); не выявлено (4). Были получены следующие данные: $\chi^2 = 13,99$, при $p = 0,01$. Число степеней свободы = 3. Критическое значение критерия хи-квадрат Пирсона при уровне значимости $p = 0,01$ и числе степеней свободы 3 составило 11,3. Сравнивая полученное значение критерия хи-квадрат с критическим ($13,99 > 11,3$), мы пришли к выводу, что зависимость частоты случаев «пол» и «преобладающий тип агрессии» статистически значима. С целью оценки силы взаимосвязи использовался уточняющий симметрический критерий V Крамера. Были получены следующие результаты: V Крамера = 0,661, при $p = 0,003$, что говорит о наличии в выборке средних корреляционных связей. На основе анализа данных можно утверждать,

что наиболее возможные случаи возникновения корреляционной связи выявлены между полом «мальчики» и типом агрессии «физическая»; полом «девочки» и типами агрессии «косвенная», «вербальная».

В выборке старшеклассников к «группе риска» можно отнести учащихся с предрасположенностью к роли буллера, которых характеризует повышенный уровень агрессивности, низкий уровень толерантности как личностной, так и коммуникативной, низкий уровень принятия других, склонность к соперничеству в конфликтной ситуации. Социальный статус таких старшеклассников определяется как «звезды» и «предпочитаемые».

Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «звезда» и параметрами «соперничество» (*Rs*) и «уровень агрессивности» (*Ag*), «уровень толерантности» (*T*) и «уровень принятия других» (*Aol*) выявил наличие сильной прямой (соответственно: $r = 0,76$; $r = 0,79$, при $p \leq 0,05$) и обратной (соответственно: $r = -0,67$; $r = -0,59$, при $p \leq 0,05$) корреляционных связей. Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «предпочитаемые» и параметрами «соперничество» (*Rs*) и «уровень агрессивности» (*Ag*), «уровень толерантности» (*T*) и «уровень принятия других» (*Aol*) выявил наличие сильной прямой (соответственно: $r = 0,73$; $r = 0,69$, при $p \leq 0,05$) и обратной (соответственно: $r = -0,59$; $r = -0,56$, при $p \leq 0,05$) корреляционных связей.

К «группе риска» также могут быть отнесены старшеклассники, предрасположенные к роли жертвы в ситуациях буллинга. Для юношей и девушек данной категории характерен низкий

уровень агрессии, избегание в качестве стратегии поведения в конфликте, низкий или средний уровень толерантности и принятия других. Социальный статус таких старшеклассников определяется как «отвергнутые». Коэффициент корреляции между социометрическим статусом «отвергнутые» и параметрами «избегание» (*As*) и «уровень агрессивности» (*Ag*), «уровень толерантности» (*T*) и «уровень принятия других» (*Aol*) выявил наличие сильной прямой ($r = 0,79$) и обратной (соответственно: $r = -0,62$; $r = -0,57$; $r = -0,53$, при $p \leq 0,05$) корреляционных связей.

Опираясь на опыт зарубежных авторов [17; 19; 20; 21; 22] и результаты полученных данных по каждой выборке с учётом половозрастного аспекта, мы сочли возможным определить основные мишени для работы психолога по профилактике риска школьной травли.

Целью работы с младшими школьниками должна стать профилактика предпосылок буллинга, направленная на работу как с вероятными буллерами, так и с потенциальными жертвами. Основной акцент необходимо сделать на развитие коммуникативных навыков, умение работать в группе, снижение уровня агрессивности, коррекцию и устранение гнева, снижение личностной тревожности школьников, оптимизацию социального статуса ребёнка в коллективе сверстников [12].

В работе с мальчиками-подростками необходимо формировать навыки адекватного и безопасного выражения гнева, учить подростков понимать психологическую сущность агрессии, её специфику, особенности, оптимизировать взаимодействие подростков в коллективе, повышать уровень эмпатии и толерантности, способствовать

«раскрепощению» эмоциональной сферы. При организации занятий с мальчиками-подростками особое внимание следует уделять их двигательной активности. Мальчики по природе своей менее сдержанны и не способны контролировать своё поведение с таким же успехом, как девочки.

Девочки подросткового возраста иногда отличаются своей нерешительностью. При проведении профилактической работы следует создавать для девочек ситуации успеха. В работе с девочками-подростками акцент делается на развитие способности понимать свои чувства, осознавать негативные эмоции, уметь адекватно проявлять и сдерживать негативные эмоции в отношении других людей, стремиться к снижению уровня вербальной, косвенной агрессии, повышению уровня эмпатии, формированию навыков конструктивного решения конфликтных ситуаций [6].

В работе по предупреждению буллинга в «группе риска» старшеклассников в отношении потенциальных инициаторов травли следует снижать

уровень агрессивных и враждебных реакций, склонность к рискованному поведению, развивать как личностную, так и коммуникативную толерантность, эмпатийное принятие других, формировать навыки конструктивного поведения в конфликтах. В работе со старшеклассниками, предрасположенными к роли жертвы в ситуациях буллинга, акцент смещается в первую очередь на формирование умений отстаивать границы психологического пространства собственной личности, повышение социометрического статуса в коллективе, обучение эффективным стратегиям поведения в конфликтных ситуациях.

Анализ результатов проведённого исследования позволяет говорить о целесообразности изучения половозрастных особенностей школьников, позволяющих спрогнозировать риск буллинга в образовательной среде и определить на их основе мишени для работы психолога по его профилактике.

*Статья поступила
в редакцию 18.04.2019 г.*

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. С. Жестокое обращение с детьми: его последствия и предотвращение. М., 2016. 180 с.
2. Бердышев И. С. Лекарство против ненависти // Первое сентября. 2005. № 18. С. 3.
3. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149–159.
4. Опросник риска буллинга / А. А. Бочавер, В. Б. Кузнецова, Е. М. Бианки, П. В. Дмитриевский, М. А. Завалишина, Н. А. Капорская, К. Д. Хломов // Вопросы психологии. 2015. № 5. С. 146–157.
5. Глазман О. Л. Психологические особенности участников буллинга // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2009. № 105. С. 159–165.
6. Гребенкин Е. В. Профилактика агрессии и насилия в школе. Р-н/Д., 2013. 157 с.
7. Екимова В. И., Залалдинова А. М. Жертвы и обидчики в ситуации буллинга: кто они? // Современная зарубежная психология. 2015. Т. 4. № 4. С. 5–10.

8. Ершов Д. А. Жестокое обращение с детьми как проблема современного общества // Актуальные проблемы семейной педагогики, 2015. № 1. URL: <http://family-edu.esrae.ru> (дата обращения: 19.02.2019).
9. Кривцова С. В., Шапкина А. Н., Белевич А. А. Буллинг в школах мира: Австрия, Германия, Россия // Образовательная политика. 2016. № 3 (73). С. 97–119.
10. Кутузова Д. А. Травля в школе: что это такое и что можно с этим делать // Психология и школа. 2006. № 4. С. 54–72.
11. Кутузова Д. А. Травля в школе. Мифы и реальность. 2011 [Электронный ресурс]. URL: http://medportal.ru/budzdorova/child/625_ (дата обращения: 19.02.2019).
12. Ларченко Н. А. Буллинг – причины, формы, профилактика. Методический материал. Волгоград, 2015. 23 с.
13. Лэйн Д. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / под ред. Д. Лейна, Э. Миллера. СПб., 2001. С. 240–274.
14. Петросянц В. А. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде // Эмиссия: электронный научный журнал. 2010. URL: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (дата обращения: 19.02.2019).
15. Собкин В. С., Маркина О. С. Влияние опыта переживаний «школьной травли» на понимание подростками фильма «Чучело» // Вестник практической психологии образования. 2009. № 1. С. 48–57.
16. Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Черкасова С. А. Теоретико-методические основы деятельности педагога-психолога по предотвращению буллинга в школах Тульского региона: гендерно-возрастной аспект. Тула, 2014. 237 с.
17. Arora C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist // Patoral Care in Education. 1994. № 12. P. 11–15.
18. Olweus D. Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington, 1978. 218 p.
19. Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school // Disruptive behaviours in schools / ed. H. Gault. New York 1984. P. 57–76.
20. Olweus D. et al. The nature of school bullying: a crossnational perspective. London, 1999. 384 p.
21. Roffey S. Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice // Educational and Child Psychology. 2000. № 17 (1). P. 6–19.
22. Schdfer M. Gruppenzwangals Ursache für Bullying? // Report Psychologie, 1998. № 11/12. P. 914–927.

REFERENCES

1. Alekseeva L. S. *Zhestokoe obrashchenie s det'mi: ego posledstviya i predotvrashchenie* [Abuse of children: its consequences and prevention]. Moscow, 2016. 180 p.
2. Berdyshev I. S. [The cure for hatred]. In: *Pervoe sentyabrya* [The first of September], 2005, no. 18, pp. 3.
3. Bochaver A. A., Khlomov K. D. [Bullying as a research object and a cultural phenomenon]. In: *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher school of Economics], 2013, vol. 10. no. 3, pp. 149–159.
4. Bochaver A. A., Kuznetsova V. B., Bianki E. M., Dmitrievsky P. V., Zavalishina M. A., Kaperskaya N. A., Khlomov K. D. [Questionnaire for the risk of bullying]. In: *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 2015, no. 5, pp. 146–157.
5. Glazman O. L. [Psychological characteristics of bullying participants]. In: *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Proceedings of Russian State Pedagogical University named A. I. Herzen], 2009, no. 105, pp. 159–165.

6. Grebenkin E. V. *Profilaktika agressii i nasiliya v shkole* [Prevention of aggression and violence in school]. Rostov-on-don, 2013. 157 p.
7. Ekimova V. I., Zalaldinova A. M. [Victims and offenders in situations of bullying: who are they?]. In: *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology], 2015, vol. 4, no. 4, pp. 5–10.
8. Ershov D. A. [Abuse of children as a problem of modern society]. In: *Aktual'nye problemy semeinoi pedagogiki* [Actual problems of family education], 2015, no. 1. Available at: <http://family-edu.esrae.ru> (accessed: 19.02.2019).
9. Krivtsova S. V., Shapkina A. N., Belevich A. A. [Bullying in the schools of the world: Austria, Germany, Russia]. In: *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 2016, no. 3 (73), pp. 97–119.
10. Kutuzova D. A. [Bullying at school: what is it and what can be done about it]. In: *Psikhologiya i shkola* [Psychology and the school], 2006, no. 4, pp. 54–72.
11. Kutuzova D. A. *Travlya v shkole. Mify i real'nost'* [Elektronnyi resurs]. [Harassment at school. Myths and reality], 2011. Available at: <http://medportal.ru/budzdorova/child/625> (accessed: 19.02.2019).
12. Larchenko N. A. *Bulling – prichiny, formy, profilaktika* [Bullying – causes, forms, prevention]. Volgograd, 2015. 23 p.
13. Lein D. [School bullying] In: Lein D., Miller E., eds. *Detskaya i podrozkovaya psikhoterapiya* [Child and adolescent psychotherapy] St. Petersburg, 2001, pp. 240–274
14. Petrosyants V. A. [Psychological characteristics of high school students, participants of bullying in the educational environment]. In: *Emissiya: Elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Emissiya: Electronic scientific magazine], 2010. Available at: <http://www.emissia.org/offline/2010/1479.htm> (accessed: 19.02.2019).
15. Sobkin V. S., Markina O. S. [The impact of experiences of “school bullying” on understanding the movie “Chuchelo” by teenagers]. In: *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education], 2009, no. 1, pp. 48–57.
16. Shalaginova K. S., Kulikova T. I., Cherkasova S. A. *Teoretiko-metodicheskie osnovy deyatel'nosti pedagoga-psikhologa po predotvrashcheniyu bullinga v shkolakh Tul'skogo regiona: genderno-vozrastnoi aspekt* [Theoretical and methodical bases of activity of the psychologist in preventing bullying at schools of Tula region: gender-age aspect]. Tula, 2014. 237 p.
17. Arora C. M. J. Measuring bullying with the life in School checklist. In: *Patoral Care in Education*, 1994, no. 12, pp. 11–15.
18. Olweus D. Aggression in the schools. Bullies and whipping boys. Washington, 1978. 218 p.
19. Olweus D. Aggressors and their victims: bullying at school. In: Gault H., ed. *Disruptive behaviours in schools*. New York, 1984, pp. 57–76.
20. Olweus D. et al. The nature of school bullying: a crossnational perspective. London, 1999. 384 p.
21. Roffey S. Addressing bully in schools: organisational factors from policy to practice. In: *Educational and Child Psychology*, 2000, no. 17 (1), pp. 6–19.
22. Schdfer M. Gruppenszwangals Ursache für Bullying? In: *Report Psychologie*, 1998, no. 11/12, pp. 914–927.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шалагинова Ксения Сергеевна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru;

Куликова Татьяна Ивановна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: tativkul@gmail.com;

Залыгаева Светлана Александровна – кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого;
e-mail: cherkasova81@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kseniya S. Shalaginova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: shalaginvaksenija99@yandex.ru;

Tatyana I. Kulikova – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Psychology and Pedagogics, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: tativkul@gmail.com;

Svetlana A. Zalygaeva – PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Special Psychology, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University;
e-mail: cherkasova81@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шалагинова К. С., Куликова Т. И., Залыгаева С. А. Половозрастные особенности школьников как предикторы риска буллинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2019. № 3. С. 126–138.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138

FOR CITATION

Shalaginova K. S., Kulikova T. I., Zalygaeva S. A. Schoolchildren's age and gender characteristics as predictors of bullying risks. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*, 2019, no. 3, pp. 126–138.
DOI: 10.18384/2310-7235-2019-3-126-138

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Сегодня выпускается десять журналов (предметных серий) "Вестника Московского государственного областного университета": «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Журналы включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформах Научных электронных библиотек (www.elibrary.ru, cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2019. № 3

Над номером работали:

Литературный редактор Т. С. Павлова
Переводчики Е. В. Приказчикова, А. С. Барминова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная верстка Н. Н. Жильцов

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101); (495) 723-56-31
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70х108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 8,75, уч.-изд. л. 9,5,
Подписано в печать: 31.10.2019. Выход в свет: 06.11.2019. Заказ № 2019/10-14.
Отпечатано в типографии МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А